

• wal-story •

В ПЛЕНУ
КРОВИ

18+

WAL-STORY

В плену крови

«Автор»

2026

WAL-STORY

В плену крови / WAL-STORY — «Автор», 2026

В поисках утраченного вдохновения молодой художник Эдгар Ван Хёрст отправляется в самое сердце Румынии, где встречает обаятельного аристократа Вильгельма, чья мистическая загадочность кажется юноше ключом к возвращению потерянной музыки. Однако внезапное приглашение в родовой замок на острове оборачивается для него ужасной ловушкой. Художник становится пленником древнего семейства вампиров — живым деликатесом, чья кровь для них ценнее золота. Месяцы плена, унижений и животного страха превращают Эдгара в молчаливого свидетеля чудовищных тайн, веками хранящихся в стенах проклятого замка. Однако жажда жизни и яростный ум творца оказываются сильнее отчаяния. Он решается изучить своих мучителей, узнать их слабые места и найти способ сбежать из этой изошрённой клетки. Но хватит ли сил обычному смертному противостоять шестерым бессмертным чудовищам, убеждённым в собственной неуязвимости?

© WAL-STORY, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

WAL-STORY

В плену крови

Глава 1

— Ну что, готов? — тихо спросил Кристиан, с маниакальным усердием поправляя галстук-бабочку на моей шее. Его ладони, пахнущие лавандовой помадой, едва заметно дрожали, а голос звенел, как перегруженный клавишин.

— К чему? — скучающе спросил я. — К параду павлинов?

Из-за тяжёлых дубовых дверей, украшенных резными драконами, доносился гул, напоминающий жужжание улья: неразборчивая болтовня, шелест кринолинов, лязг серебра о фарфор, перезвон ложек для икры и те нелепые звуки, с которыми тугие пробки выскакивают из бутылок с шампанским. Фортепиано фальшивило вальс Шопена, словно старуха, напевающая под нос забытую мелодию.

— К встрече с уважаемыми людьми! Сегодня в этом зале соберутся все сливки общества, какие только живут в округе. Для тебя это хороший шанс завести полезные знакомства и погрузиться в культурную общину. — Убрав руки от галстука, мой иноземный друг переключился на заострённые лацканы фрака, стряхивая с него несуществующие пылинки.

Его слова меня знатно позабавили.

— Культурная община... — саркастично фыркнул я, непроизвольно закатив глаза. — Эти «сливки» прокисли ещё при Екатерине Медичи. Их понятие об искусстве ограничивается ценником аукциона Сотбис и умением отличать бургундское от бордо. — И, как ни прискорбно, именно за счёт таких неразборчивых господ из высшего света я всё ещё могу посещать мероприятия вроде сегодняшнего.

Кристиан на мгновение замер, а в его глазах — этих сверкающих оливках, плавающих в янтарном бренди, мелькнуло что-то острое.

— Осторожнее с выражениями, мой друг, — сказал он, обозначив границы дозволенного коротким жестом. — Сегодня среди гостей будет барон Георг Балан-Водэ. Этот особняк — лишь одно из его владений. О нём все говорят как о человеке, чей нрав напоминает вечернюю грозу: прекрасен в своём безумии, но сметает всё на своём пути. Но ещё говорят, что он настоящий коллекционер талантов. И я намерен преподнести тебя ему сегодня вечером в качестве редкой жемчужины. Так что ты должен сыграть свою роль безупречно. И... прошу, хотя бы на время прикуси язык! Твоя язвительность сейчас как нож без рукояти. Одно неверное движение, и вмиг поранишься сам! — одёрнув уголки лацкана, Кристиан словно поставил точку в этом вопросе, оставляя едва заметный сальный след на атласе.

Я медленно выдохнул, предвкушая долгие часы в очередном карнавале тщеславия.

— Очень постараюсь. Да и не переживай ты так, для меня это не впервые. И не на таких банкетах бывал. Может, войдём уже, пока твои «культурные» друзья не выпили всё шампанское? — спросил я, кивнув на двери, ведущие в зал.

Кристиан нервно засмеялся, поправляя напыленные тёмные локоны. Его энтузиазм напоминал мне фейерверк. Яркий, но явно затянувшийся.

— Хорошо. Только помни: здесь практически никто не говорит по-английски. Так что держись поближе ко мне, дитя туманного Альбиона, — напоследок усмехнулся он, собираясь с духом.

Его волнение можно было понять. Причудливо выглядящий иностранец мог показаться его знатым друзьям слегка подозрительным. Однако мне и вправду не раз доводилось вра-

щаться в кругах высшей аристократии. И пусть мой опыт ограничивался лишь владениями старушки-Англии, я смутно догадывался — богатые мира сего одинаковы под любым небом.

Стоило им только узнать о моём необычном ремесле, как смазливые черты лица чудесным образом преображались в очаровательную невинность, а мрачный взгляд, растрёпанные волосы и худощавая фигура с сутулыми плечами вмиг становились частью эксцентричного образа. Не знаю, отчего знать так сильно влечёт к искусству. Но лишь краем уха услышав, что я — художник, писавший портреты многих особ, известных в их кругах, аристократы сами льнули ко мне, как мухи к разлагающемуся плоду. Так что моему спутнику не о чём было переживать.

Вряд ли сегодняшний вечер сможет меня хоть чем-нибудь удивить...

Набравшись смелости, Кристиан решительно толкнул высокие двери, и мы наконец вошли в просторный двухъярусный зал, где мраморные кариатиды, словно безмолвные стражи, поддерживали потолок, расписанный сценами из «Божественной комедии». Сотни свечей, мерцающая в хрустальных люстрах, окутали нас своим теплом, пока мы пробирались сквозь толпу гостей, затянутых в парчу и бархат. Воздух, густой, как застывший крем-суп, пропитался жасминовым ароматом, терпкими нотками розмарина и воска, смешанных с чем-то неуловимо затхлым, будто стены особняка веками таили в себе множество нераскрытых тайн.

Ступая по отполированному до блеска паркету, я поражался тому, сколь безжалостно излишняя роскошь убивает любое очарование и шарм, сводя всю уникальность местного колорита к до ужаса банальной выставке собственного невежества. Весь этот калейдоскоп блеска и золота, где бриллианты на дамских шеях сверкали холоднее лунного света, смех звенел фальшью, как треснувший колокольчик, а каждое движение гостей напоминало заранее отрепетированную мизансцену.

За последние несколько лет вся эта позолоченная мишура уже успела мне порядком наскучить. Как человек с богатым воображением, избалованным глубиной теней и игрой полутонов, я давно разгадал их суть: светские собрания — не более чем театр абсурда, где статус служит шпагой, а фамильный герб — ржавым щитом. «Марионетки в бархатных перчатках», — мелькнуло в моей голове, пока я наблюдал, как маркиз с лицом выдохшегося трагика размахивает тростью, имитируя дуэль с тенью. В то время, как его спутница в платье цвета увядшей розы кокетливо роняет платок к ногам седого генерала, но её взгляд остаётся пустым, как незагрунтованный холст. Искусство фальши, доведённое до завидного автоматизма. Будто кукольник дёргает гостей за невидимые нити.

Разодетые в дорожные наряды и облитые приторным парфюмом аристократы высших цветов общества, словно стая попугаев, повторяли сплетни, приправленные ядом: восхищались собственными победами, смаковали чужие падения и с радостью шептались о тех, с кем ещё минуту назад обменивались любезностями. Я не понимал их языка, но смысл был ясен. Эти улыбки, острые как бритвы, эти носы, вздёрнутые к потолочным фрескам, словно молящие богов о снисхождении, были красноречивее тысячи лживых слов. А вдоволь натрепавшись, влиятельные господа, как ни в чём не бывало, продолжали ритуальный обход вокруг витрин с фамильным серебром, зон для курения, игровых уголков и широких столов, переполненных выпивкой и всевозможными угощениями, что едва успевала подносить торопливая прислуга.

— *Bună seara!* — Внезапно ко мне подскочила дама в турнюре, напоминавшем боевой парусник времен наполеоновских войн. Веер в её руке хаотично трепетал, как пойманная в силки птица. — *Dragă Christian, cine este cu tine?* — Я не понял ни слова, но Кристиан быстро что-то ответил ей на румынском и подтолкнул меня вперёд, словно пешку в шахматной партии.

Недолго думая, я галантно поклонился, коснувшись губами перчатки, пропитанной мышьяковой белизной. Леди притворно рассмеялась в ответ, однако лицо её оставалось бездушным, словно улыбка фарфоровой куклы. Не дожидаясь продолжения беседы, Кристиан поволок меня дальше, едва ли не держа под локоть.

— Кто это был? — тихо спросил я.

— Супруга одного моего приятеля. Пустяк, не стоит внимания...

Конечно. Какая уж там супруга на фоне банкиров, заложивших родовые поместья ради пачки банкнот. Вдов, оплакивающих собственную совесть, как вышедший из моды кринолин. Или циничных поэтов, торгующих одами за обед в Тюильри. Тем не менее, я лишь кивнул в ответ, продолжив слепо следовать за своим торопливым спутником.

Но что было и правда удивительно: даже для моей избалованной английской натуры размах мероприятия весьма впечатлял. Хотя я и разлюбил подобные великосветские балаганы, но сегодняшний вечер позволил мне на мгновение ощутить себя дома, пусть и среди людей совершенно иной культуры, в сотнях миль от родных земель. Пожалуй, за это я мог даже поблагодарить сегодняшний банкет, хоть и приехал в Румынию с совершенно другой целью, о которой порой забывал и сам. Проходя мимо витрины с этрусскими вазами, я неожиданно поймал взглядом собственное отражение — призрака в чёрном фраке, с копной непокорных тёмных волос и медовыми глазами, в которых застыли тени былых страстей.

Отражение без утайки показывало того, кем я стал: художника-неудачника, добровольно превратившегося в гробовщика искусства. Мастера, не утратившего навыка, но растерявшего всякое вдохновение. И хотя мир порой ещё мерцал перед моими глазами отблеском былых красок, теперь это больше напоминало взгляд сквозь мутную пелену. Цвета потеряли дерзость,

а от некогда эмоциональных абстракций остались лишь бесформенные осколки. Словно бледное эхо самих себя.

И именно эти размышления напомнили об истинной цели моего пребывания здесь...

Идея о посещении Румынии появилась ещё зимой, едва наступил новый 1893-й год. Однако тогда мне не хватило решимости для столь авантюрного путешествия, да и время года было не самое подходящее. Поэтому я покинул Лондон лишь в конце весны, отправившись в долгий путь до Восточной Европы.

В этом спонтанном и по-своему отчаянном путешествии я надеялся найти то, что пробудит давно угасший в сердце трепет вдохновения и даст моему творчеству новую жизнь. Ведь некогда мои картины дышали жизнью, каждый мазок был пульсом, каждая композиция — исповедью. Я прятал в буйстве красок частицы собственной души, а лёгкая абстракция среди привычных форм превращала холсты в живые существа. Высший свет обожал эту игру. Любой богач мог заказать в свои чертоги банальный портрет, отражающий скупую реальность, но лишь избранные искали для себя чего-то более сложного, в конечном итоге получая от меня настоящие картины-загадки, над которыми гости могли ломать головы до самого рассвета.

Однако за последнюю пару лет я не написал ни одной картины, что заставила бы дрогнуть... моё собственное сердце. В какой-то момент мои холсты стали заполнять лишь чопорные семейные портреты в масках благопристойности, безжизненные пейзажи и прочие до ужаса заурядные работы, безупречные в своей посредственности. Всё, что делало мои картины уникальными, в одночасье пропало, словно по дьявольскому щелчку. Но что было хуже всего — я больше не чувствовал той радости, когда каждый новый мазок ложился на белоснежный холст. Любой намёк на удовольствие от процесса безвольно сгорал в ежедневных творческих муках, оставляя после себя лишь пепел рутины. Будто я лишился неуловимой частички собственной души, без которой моё существование стало абсолютно бессмысленным.

Должно быть, именно это состояние и принято называть «выгоранием». Даже мои заказчики, казалось, начали замечать перемены и фальшь. Поток заказов иссякал с каждым днём, словно ручей в летнюю засуху. И по иронии судьбы, от полного забвения меня внезапно спасло другое занятое ремесло, которое я впоследствии всей душой возненавидел. Но именно оно теперь приносит мне деньги и, что важнее, позволяет оставаться в кругах, где имя гораздо важнее таланта.

Реставрация. Я освоил это ремесло несколько лет назад из чувства любопытства и желания попробовать что-то новое, занимаясь им параллельно с живописью. Но кто бы мог подумать, что именно эта работа станет моим спасением. И моим же проклятием. Ведь несмотря на всю благородность своего нового дела, я испытывал колоссальное унижение от того, что, будучи художником, вынужден впредь лишь копировать и восстанавливать чужие шедевры, подражая создавшим их гениям. И какая насмешка! Неспособный создать ничего своего, я оказался удивительно хорош в воскрешении чужих творений. Будто сама судьба решила сыграть злую шутку, превратив меня из творца в... эстетического падальщика.

Хотя, если быть честным, могло быть и хуже. Ведь возвращение под крыло деспотичных родителей, что с самого начала желали мне иной судьбы, было не лучшей альтернативой. Пусть я и благодарен им за помощь в продвижении моего дела. Связи отца и приданое матери так или иначе помогли мне попасть в высший свет, удержаться в котором можно было лишь благодаря трудолюбию и таланту. К счастью, и того и другого у меня хватало.

Как оказалось, лишь до поры...

Но я чувствовал, что где-то в глубине души, под слоями цинизма и разочарования всё ещё тлеет та искра, что когда-то зажигала во мне страсть к творчеству. Она напоминала о себе в те редкие моменты, когда среди пыльных полотен в мастерской я вдруг замечал проблеск настоящего искусства. Когда в груди сжималось что-то старое, знакомое и... невыносимо болезненное.

Потому я и отправился в это безумное путешествие в тщетной надежде, что где-то там, за границами привычного мира, мне удастся раздуть этот угасающий огонь. Хотя разум подсказывал: возможно, некоторые вещи утрачиваются навсегда.

Почему же я выбрал именно Румынию? Думаю, на это повлиял один из моих коллег по ремеслу, с которым мы состояли в небольшом творческом клубе. Два года назад он вернулся из Бухареста, пребывая в состоянии, близком к экстазу. «Самое удивительное место из всех, где мне довелось побывать!» — восторженно повторял он. Тогда я лишь снисходительно улыбался этим рассказам, считая их обычным преувеличением. Но когда творческий кризис наступил мне на горло, я вдруг вспомнил его бесконечные описания. О причудливых дворцах, будто сошедших со страниц готического романа, о людях с лицами, хранящими многовековые тайны, о природе, где каждое ущелье словно дышит древними легендами.

Терять мне всё равно уже было нечего. Так почему бы не последовать его примеру? Если Румыния и вполнину так прекрасна, как он её описывал, то где же еще искать утраченное вдохновение, как не в этом уголке Европы, где, кажется, само время течет иначе?

И первые дни в Бухаресте действительно казались воплощением тех восторженных рассказов. Город раскрывался передо мной как старинная книга с позолоченными страницами. Широкие бульвары, вымощенные брусчаткой, вздымались к небу в обрамлении дворцов в стиле бозар, где каждый завиток лепнины шептал о былом величии. Я бродил по улицам, где восточная роскошь соседствовала с цыганскими трущобами. Зарисовывал старух в намитках, торгующих чесноком у ближайшего монастыря. Наслаждался блюдами местной кулинарии в ресторане «*Casa Capşa*», где интеллектуалы спорили о политике под портретами румынских вождей. Проводил вечера на уютных летних верандах, вдыхая аромат свежесваренного кофе, смешанный с запахом старых книг из ближайших антикварных лавок. За пределами столицы меня ждали мрачные замки — не просто древние, а словно выросшие из самой земли. Их шпили вонзались в низкие облака, а стены хранили шёпот столетий.

Карпаты же представляли передо мной живыми. Их склоны, покрытые изумрудными лесами, дышали туманами, а горные реки пели песни на языке, понятном лишь сердцу. Особенно меня поразили закаты над Тимишоарой, когда солнце, как раскалённая монета, катилось за горы, а тени домов вытягивались, словно когти хищника. Именно тогда я впервые за год достал этюдник. Но стоило мне коснуться кисти, и волшебство тотчас рассыпалось в прах, оставляя после себя лишь грязные пятна на палитре.

Кристиан, как своеобразный гид, водил меня по самым колоритным местам. Мы посещали деревушки, где время, казалось, застыло где-то в средневековье, охотились в лесах, где тени между вековыми дубами извивались, будто живые, и ходили в круиз по вечернему Дунаю, в чьих водах игриво отражались городские огни.

Он поселил меня в своем таунхаусе. Точнее, в его румынской вариации. Том же английском комфорте, но с местным колоритом в виде резных ставней и виноградных лоз, обвивавших балкон. Наши отношения сложно было назвать настоящей дружбой. Скорее уж, взаимовыгодным союзом. Мы познакомились, когда я писал портрет его молодой жены. Кристиан тогда выступал не только как сопровождающий супруг, но и как переводчик с почти безупречным английским. Большинство же местных жителей говорили на своем певучем наречии, звучащем для моего уха как колдовские заклинания, смешанные со славянскими мотивами.

Но постепенно волшебство начало меркнуть. Новизна впечатлений, как краска на фасаде, стиралась под дождём будней. И чем больше я видел, тем меньше восторгался. Прекрасные замки превращались в просто старые здания, горные пейзажи — в стандартные виды, а местный колорит — в набор туристических клише.

Вдохновение, за которым я приехал, упорно не приходило.

И уж конечно, его не стоило искать на званом вечере у какого-то провинциального землевладельца. Среди фальшивых улыбок, притворного блеска и пустых разговоров. Румыния

открылась мне сначала как настоящая сокровищница, но очень скоро показала, что даже самые роскошные ларцы могут оказаться пустыми.

Пройдя вперёд, стараясь не отставать от Кристиана, я чувствовал на себе оценивающие взгляды замужних дам, что всегда сопровождаются притворным хихиканьем в ответ на пошлые шутки их кавалеров. В подобных местах я часто вызывал особое внимание у женщин. Не только из-за заметной и, чего уж скромничать, привлекательной внешности. Но и потому, что среди этой седой и важной публики я выглядел как милый щенок среди вышколенных борзых. Хотя возможно, сегодня мой слегка растерянный вид и мрачноватая физиономия слишком откровенно кричали: «Смотрите-ка! Простолудин забрёл не в свой монастырь!» Впрочем, если уж быть совсем честным, к высшей аристократии я действительно имел отношение примерно такое же, как уличный кот к королевскому двору. Разве что шерсть почище.

А вечер тем временем тянулся, словно плохой роман. Я бродил среди зеркал, в каждом из которых отражался чуть более уставший вариант меня самого. Реставратор. Подделка под художника. Человек, который вдыхает жизнь в чужие шедевры, пока его собственные мечты покрываются патиной. Большую часть времени Кристиан держался рядом, стараясь познакомиться меня со всеми, кого только знал в этом зале. Так очередь наконец дошла и до того самого барона.

— *Multa sanatate, domnule!* — Мой друг звонко хлопнул в ладоши, привлекая внимание рыжеволосого господина, чей пиджак с трудом сходил с бочкообразного живота. Отпрянув от стола с угощениями, невысокий мужчина быстро подошёл к нам, постукивая по паркету резной тростью с набалдашником в виде волчьей головы. — Эдгар, позволь представить, барон Георг Балан-Водэ! — Кристиан сделал паузу для драматического эффекта, — хозяин этого великолепного храма искусств и, судя по всему, поклонник твоего творчества.

Я поклонился, ловя на себе оценивающий взгляд мужчины. Его лицо напоминало плохо пропечённый пирог, а узкий лоб — топографическую карту с ручьями волнообразных морщин.

— *Încântat de cunoştinţă!* — прогремел он, сжимая мою руку так, будто проверял, не спрятал ли я нож в рукаве.

Кристиан зататорил на румынском, жестикулируя так оживлённо, что его напояженные локоны запрыгали, словно живые. Я разобрал лишь своё имя — Эдгар Ван Хёрст. И слово «*pictor*», повторяемое с придыханием. Барон что-то буркнул в ответ, тыча тростью в мою сторону, с грацией дрессировщика, указывающего на новоприобретенного зверя.

— Он восхищён твоей «Женщиной с воронами», — перевёл Кристиан, но я заметил, как в его голосе скользнуло едва ощутимое напряжение.

Я помню эту картину. Портрет властной герцогини, прячущей лицо в тени ладоней, пока из-за её спины хищно взмывала в пустоту стая чёрных как смоль воронов, символизирующих тьму, витавшую вокруг её персоны. Банальная работа, если честно. Но людям она нравилась.

— Однако его больше интересует твой... реставрационный талант.

Барон вдруг окинул рукой стену, где висели портреты его предков. Ряд суровых лиц с одинаково холодными глазами. И после очередной румынской тирады Кристиан произнёс:

— Он хотел бы в будущем поработать с тобой в этом направлении. А насчёт проблемы с вдохновением, Георг приглашает тебя поселиться в его охотничьем домике близ Поенари. Говорит, там очень недурные виды и своеобразная атмосфера.

Я притворно улыбнулся, наблюдая, как барон вытирает пот со лба платком с монограммой.

— Ага, как же. Что ж, скажи его сиятельству, что я очень тронут, — устало пробормотал я, — но я приехал сюда не для работы над его скучной коллекцией полотен. Да и вдохновение едва ли стоит искать в компании чучел медведей и запаха древесной плесени.

Кристиан нервно закашлялся, перевирая мои слова в приемлемый отказ. Барон фыркнул, окинув взглядом мой поношенный фрак, купленный три года назад в одной из лондонских лавок.

— *El crede că arta este un serviciu, nu?* — проскрипел он, как несмазанные ворота. — *Ei bine, atunci, slujește un om nobil.*

— Он говорит... э-э... — мой переводчик замялся, — что если ты действительно верен искусству, то не должен отказывать благородному и очень уважаемому человеку в его просьбе. И, между нами, тебе правда стоит подумать! Барон достойно оценит твою услужливость.

Я вновь поднял глаза на портреты его предков. Всё те же надменные позы, те же холодные глаза. История рода, написанная маслом и пропитанная высокомерием.

— Вот как? Что ж, передай господину Балан-Водэ, что я служу только двум господам — свету и тени. И оба они удивительно равнодушны к титулам.

Кристиан перевел только половину, разбавив остальное комплиментами. Барон нахмурился. Но затем внезапно расхохотался так, что его пиджак едва не лопнул по швам. Он что-то крикнул через весь зал, и к нам тотчас подбежала служанка с подносом, полным кристалльных стопок со сливовой водкой.

— *Nu ești dintre cei timizi!* — проревел барон, хватая две стопки и протягивая одну мне. — *Nu-mi place, dar o respect! Până jos!*

Часть слов мне всё же удалось разобрать самому. И его реакция меня вполне устроила. Я выпил залпом. Алкоголь обжёг горло, оставив послевкусие чернослива и чего-то горького.

— *Mulțumesc*, — выдавил я, чувствуя, как алкогольный жар растекается по щекам. Единственное румынское слово, которое я знал, помимо «вино» и «где найти туалет?»

Барон что-то сказал моему спутнику, многозначительно посмотрев на мои руки. А затем бесследно растворился в толпе, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и неудобных предложений.

— Эдгар! Ну я же просил вести себя прилично! — прошипел Кристиан, хватая меня за локоть с силой, достаточной для того, чтобы остановить разъяренного быка, но недостаточной, чтобы заставить меня раскаться.

— По-моему, всё прошло прекрасно, — я ухмыльнулся, лениво вращая пустую стопку. — Он же не вызвал меня на дуэль. А это уже прогресс по местным меркам.

— Прогресс?! — Кристиан закатил глаза так выразительно, что мог бы преподавать актерское мастерство в театре. — Я переводил твои слова так, будто переписывал кровавые сцены Шекспира для детского утренника! Скажи, ну почему с тобой так сложно?! И почему ты вообще так ненавидишь реставрацию? Ты ведь... — он развел руками в поисках подходящей метафоры, — ты как волшебник, возвращающий жизнь тому, что считалось потерянным навсегда!

Я провел ладонью по лицу, ощущая, как под кожей пульсирует знакомая боль.

— Волшебник? — фыркнул я. — Скорее уж таксидермист, набивающий чучела умерших шедевров. И я не ненавижу реставрацию. Просто мне тошно от мысли, что я подделываю вдохновение давно почивших гениев, пока моё собственное медленно умирает от нехватки воздуха. Что в этом деле можно любить?! — Мой голос прозвучал резче, чем планировалось. В висках застучало: опять эти проклятые мигрени, начавшиеся после рокового заказа на восстановление сгоревшего Рембрандта.

— Господи, ты просто невыносим! И вообще... ох, смотри-ка! — внезапно оживился Кристиан, по щелчку сменив тему и вновь схватив меня за локоть, — там же маркиза де Валенти! Она обожает искусство и...

— И выглядит так, будто последний её портрет писался еще при Наполеоне, — прервал я, освобождаясь от его хватки. — Нет уж, хватит с меня болтовни.

Мой друг вздохнул с выражением человека, безуспешно пытающегося объяснить попугаю теорию эпициклов. После чего подхватил с ближайшего стола бокал с бурлящим шампанским, окончательно утратив надежду познакомиться меня хоть с кем-то. Оно и к лучшему.

Через некоторое время за окнами особняка наступила ночь, а в зале почти не осталось людей, с кем мне не довелось бы побеседовать. Как оказалось, у Кристиана достаточно много друзей, что было совершенно не удивительно. С его даром убеждения он мог бы заставить рыбу купить велосипед, а меня — поверить, что этот вечер не был полным провалом.

В оставшееся время я просто бродил туда-сюда, разглядывая «сокровища» хозяина дома: потёртые гобелены, пыльные витрины с безделушками и прочие свидетельства богатства, не подкрепленного вкусом. Каждый экспонат здесь будто кричал: *«Смотрите! Я дорогой!»* Но ни один не шептал: *«Я прекрасен...»*

В конце концов, я не выдержал и отвёл Кристиана в сторону от основной толпы, остановившись возле лестницы, ведущей на второй ярус зала. Мой друг стал куда хуже стоять на ногах, слишком сильно налегая на алкоголь за последний час. А значит настал отличный момент для тактического отступления.

— Надо же, — торжественно заявил я, подхватывая его под руку, — ты выглядишь так, будто готов либо обнять весь мир, либо послать его ко всем чертям. В любом случае, думаю, нам пора домой.

— Нет-нет! — замотал головой Кристиан, едва не потеряв равновесие, — Вечер только начинается! Вот увидишь...

— Того, что я уже увидел, — перебил я, направляя его к выходу, — более чем достаточно для одного вечера. Давай-ка лучше проветримся, пока ты не устроил какую-нибудь нелепую сцену.

И мы почти ушли прочь, когда музыка в зале заметно притихла, а из-за спины стал доноситься заговорщический шёпот и тихие женские вздохи. В тот же миг я остановился, рыская взглядом в попытке найти источник этого внезапного интереса.

Мне понадобилось не больше секунды, прежде чем взгляд сам остановился на мраморной лестнице, по ступеням которой неторопливо спускался вниз незнакомый мне человек. В отличие от прочих гостей в их унылых тёмных нарядах, он был одет в изящный бирюзовый костюм старинного покроя, словно сошедший прямиком с пыльных витрин минувших веков.

Неужели он был здесь всё это время? Нет. Быть не может! Я бы непременно заметил его раньше. Слишком уж яркой, почти неестественной печатью лежала на нём абсолютная непричастность к этому блёклому миру. Его движения были чересчур плавными, словно он не шагал, а практически скользил по воздуху, не производя ни звука. Он был молод и поразительно красив, в отличие от остальной знати. Нетронутая морщинами кожа отливала мерцающей белизной, как утончённый фарфор, просвечивающий на свету. Роскошные светлые волосы струились мягкими волнами, переливаясь, точно позолота на старинной миниатюре. Всё в нём было безупречно и оттого слегка пугало. Он казался созданным из контрастов. Хрупкий, как первый зимний лёд, но в то же время непоколебимый, словно вековой утёс.

— Кто это? — настороженно прошептал я, не в силах оторвать взгляд от его глаз, что в переполненном людьми зале будто бы впивались именно в меня. Пусть и привлекало в них совсем другое.

Они были глубокого алого цвета, как кровь на чистом снегу. Я никогда раньше не встречал людей с таким удивительным цветом глаз, хоть и, кажется, слышал о подобном явлении. Однако сейчас, в полумраке высокого зала, они казались чем-то совершенно неестественным. Будто за ними скрывалась не радужная оболочка, а глубокая бездна, налитая вином потаённого прошлого. Эти глаза беспощадно приковали меня к месту, едва блондин остановился у подножья лестницы. И в этот момент всё моё существо пронзила странная, неведомая тревога.

— Его зовут Вильгельм, — прошептал Кристиан, внезапно оживившись. — Редкая птица в нашем кругу. Не думал, что он соблаговолит появиться сегодня. Он... что-то вроде призрака высшего света. Приходит лишь тогда, когда сам пожелает.

Затем пригнулся ближе, и от его дыхания пахнуло шампанским с примесью чего-то сладковато-перебродившего.

— О нём мало что известно. Знаю лишь, что он — последний отпрыск рода Лазарус, чьи корни уходят так глубоко во тьму веков, что его предки жили ещё во времена, когда эти земли звались Валажским Княжеством. Мой дед клялся, что был знаком с одним из них и вечно млел от этого факта, как школяр перед борделем. Говорил, их состояние столь велико, что свои богатства они хранят не в банковских чеках, а исключительно в золоте. В том самом, что хранится в пузатых сундуках с гербами, запертых где-то в их родовом замке.

— В замке? — удивлённо переспросил я, повернувшись к Кристиану.

Я видел местные крепости. Развалины и музеи, каменные скелеты былого величия. Но чтобы кто-то всерьёз до сих пор жил в таком месте?

— Да, в замке, — раздался за моей спиной голос, мягкий, словно бархат, но холодный, как сталь. Он прозвучал так внезапно, что я тотчас вздрогнул, будто вор, застигнутый на месте преступления.

Обернувшись, я увидел перед собой Вильгельма, ехидно ухмыляющегося моему испугу. Его рубиновые глаза напоминали взгляд кота, загнавшего в угол беспомощную мышь. Приторная улыбка была безупречной и совершенно неестественной. Слишком белые зубы, слишком сухие губы, слишком много холода в мимике, словно высеченной на лице каменной статуи. Он был почти на голову выше меня и слегка шире в плечах. От чего его бесшумное появление казалось ещё более неожиданным.

— Простите моё внезапное вторжение, — галантно произнёс он. Его английский лился как шёлк, скользящий по обнажённой коже. Ни намёка на акцент. Лишь лёгкая, грассирующая мягкость, будто он говорил на этом языке дольше, чем существует сама Англия. — Я не хотел прерывать вашу беседу, но моё любопытство взяло верх.

Его взгляд скользнул по мне, как морозный ветерок по спине.

— Вы ведь не здешний, верно? Приехали поглазеть на местные диковинки?

Я раскрыл рот, но Кристиан, перебивая, выпалил первым.

— Мой друг Эдгар — художник из Лондона! Приехал искать в наших краях свою новую музу. Ведь его собственная, кажется, испустила дух без надежды на воскрешение! — насмешливо фыркнул он, всё хуже контролируя собственный язык.

Однако Вильгельм даже не удостоил его взглядом, проигнорировав словно назойливую муху. Всё его внимание сейчас было приковано ко мне. Это пугало и интриговало одновременно.

— Ах, Лондон... — произнёс он, растягивая слово так, будто смаковал редкий сорт вина. — Я помню каждый свой визит в этот удивительный город. В особенности чудесных людей, с кем мне довелось повзаимодействовать. Но ваш друг обмолвился о некой музе. Чем же вы занимаетесь?

Он вытянул вперёд руку, опираясь на трость с изящной гравировкой. Чёрный лак её поверхности мерцал, как крыло ворона при свете люстр.

— Пишу картины. Вернее, писал, пока не растерял к этому страсть, — признался я, хотя обычно не откровенничал с незнакомцами о своих творческих муках. Но в его взгляде было что-то гипнотическое, заставляющее говорить правду, словно он уже знал её и лишь ждал, когда я наберусь решимости.

— И, стало быть, вы надеетесь вернуть её. Поэтому проделали столь долгий и наверняка полный трудностей путь лишь для того, чтобы оказаться... здесь? — он очертил рукой помещения зала и окинул их взглядом столь презрительным, что мне стало почти стыдно за своё присутствие. — Разве в Лондоне недостаточно утончённо-скучных вечеров?

Я невольно рассмеялся. Наконец-то кто-то сказал вслух то, о чем я думал весь вечер. Похоже, этот человек единственный, кто понимает меня в этом зале. Глядя на то, сколь скучающим был его взгляд и тоскливым голос, я будто бы посмотрел на своё собственное отражение.

— Вы совершенно правы. Изначально я искал в Румынии нечто такое, от чего кровь стыла бы в жилах, а сердце забилося чаще. Но нашел лишь шампанское, которое, кажется, разбавили водой. И разговоры, достойные провинциального клуба садоводов.

Вильгельм задумчиво прикоснулся к подбородку тонкими пальцами.

— Как занятно. Быть может, я смогу вам помочь, предложив нечто более... будоражащее?

Он бросил беглый взгляд на Кристиана, и тот вдруг забормотал что-то невнятное, после чего поспешно ретировался прочь из зала, будто подчиняясь незримому приказу. Странно, обычно его не так-то просто согнать с места. Не знаю, что заставило моего приятеля уйти, но я находил эту ситуацию немного неловкой. Однако Вильгельм лишь заодно рассмеялся, прихлопнув меня по плечу.

— Похоже, ваш друг решил нас оставить. Должно быть, выпитое шампанское дало о себе знать. С кем не бывает. Не желаете ли продолжить нашу беседу на балконе, подальше от толпы? Этот коктейль из дешёвых духов, пота и притворства уже начинает действовать мне на нервы.

Мы определённо поладим.

— Читаете мои мысли, господин Лазарус, — ответил я, чувствуя, как внутри что-то тревожно забилося, но любопытство по-прежнему перевешивало страх.

— Можно просто Вильгельм, — поправил он, лёгким движением касаясь моего плеча. Холод его пальцев чувствовался даже сквозь плотную ткань. — И давай перейдём на «ты». В знак... зарождающейся дружбы.

Он произнёс это с такой сладостной интонацией, что у меня невольно перехватило дыхание. Этот человек напоминал старинный яд в хрустальном флаконе. Изысканный, дорогой, но смертельно опасный. И самое ужасное — мне уже хотелось сделать глоток.

Вильгельм взял трость подмышку и ловким движением подхватил с подноса последний бокал шампанского, будто заранее знал, что он останется именно для него.

— Как будет угодно, — ухмыльнулся я, чувствуя, как попадаю в паутину, сотканную из шёлка и стали.

Мы скользнули к одной из арочных дверей, где лунный свет, преломляясь в витражных стёклах, рассыпался по полу мерцающей мозаикой. Второй этаж особняка давал желанную отстранённость от шумящей внизу толпы, а полукруглый балкон открывал чарующий вид на боковой двор, где среди геометрически подстриженных тисов замерли в вечном танце фигуры нимфов и фавнов. За кованой оградой особняка раскинулся город. Его огни утопали в ночном тумане, сверкая, как театральные декорации, увиденные сквозь неплотный занавес. Ветер обнял нас желанной прохладой, смывая с кожи липкий налёт светских притворств.

— Совершенно иной мир, не правда ли? — Вильгельм оперся на балюстраду, и лунный свет очертил его профиль. — В такие моменты начинаешь как никогда ощущать сладость свежего воздуха. К слову об этом. Ты куришь, Эдгар? — спросил вдруг он.

— Никогда не находил в этом удовольствия. Хотя в моём кругу всегда хватало любителей посмолить.

— Похвально. А что насчет алкоголя? — его алые глаза сверкнули, словно рубины в темноте. — Говорят, Бодлер писал свои *«Цветы зла»* с бокалом в одной руке и пером — в другой.

— Бодлер мог позволить себе такой стиль. Его гений прощал всё. Я же... — голос сорвался, и я внезапно ощутил всю горечь признания, — всего лишь пустышка. Мои руки помнят движения кисти, но душа забыла язык красок. И всё же алкоголем я иногда грешу, хоть и очень редко.

Вильгельм повернулся ко мне, продолжая вертеть в руках бокал с шампанским.

— Расскажи мне о своем стиле. Каким он был, когда ты ещё... чувствовал?

Я закрыл глаза, позволив ожить воспоминаниям.

— Думаю, его можно было назвать «натурализмом с оговорками». Я стремился не просто перенести реальность на холст, а дополнить её хаотичными, абстрактными эмоциями. Точная анатомия, безупречная перспектива, но всегда с элементом недосказанности и какой-то едва уловимой экспрессии. Словно истина начала растворяться прямо на глазах у зрителя. Как будто он видит лишь её часть, а остальное должен домыслить сам.

Мои пальцы непроизвольно вывели в воздухе знакомый жест — широкий мазок, каким я когда-то создавал свои знаменитые «искажённые фоны».

— Например, портрет герцогини Моргутской. Её прелестное лицо было прописано до последней ресницы, но платье превращалось в водопад синевы. Или *«Танцовщица в сумерках»*. Её тело застыло в совершенной позе, а мир вокруг таял, как сон при пробуждении. — Голос внезапно сорвался. — Раньше мои работы дышали жизнью. Смелые, почти бунтарские решения. Критики называли это поэзией контрастов, а покупатели платили бешеные деньги за эту игру между реальностью и воображением. Но затем... что-то сломалось. Невольно я стал писать иначе. Аккуратно, технично, бездушно. Как ремесленник, но точно не творец.

Вильгельм задумчиво провёл пальцем по краю бокала, заставив стекло звенеть.

— Ты описываешь это так, будто уже похоронил эту часть себя.

— Потому что так и есть, — горько усмехнулся я. — И что хуже всего, дабы продолжить безбедное существование, мне пришлось использовать более стабильное и прибыльное дело. Теперь я по большей части реставрирую чужие шедевры, как гробовщик, подкрашивающий трупы. Или скорее уж, как дурацкий попугай, лишь имитирующий человеческую речь. Реставрация — почётное и надёжное ремесло, не спорю. Но оно как... как поцелуй сквозь вуаль. Ты ощущаешь лишь форму. Но не жар.

Вильгельм повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнул странный огонь.

— Знаешь, несмотря на всё, что ты сказал, я отчётливо вижу, что в тебе ещё живёт искра. Та, что горела в Гойе, когда он писал *«Сатурна»*. В Караваджо, когда тот смешивал краску с собственной кровью. — Его голос стал глубже, обретая гипнотические обертона. — И возможно именно я буду тем, кто раздует эту угасающую искру в бушующее пламя. Но сначала признайся. Что ты видишь, глядя на меня глазами художника?

Вопрос повис в воздухе, словно лезвие гильотины. Я постарался внимательнее взглянуть в силуэт Вильгельма, что словно не отбрасывал тени. В бледно-розовые губы, из которых не выходил пар. В стеклянные глаза, что невозможно было прочесть.

— Я вижу... иллюзию, — наконец прошептал я. И в этот самый момент, впервые за последние годы, в груди на мгновение вспыхнуло что-то живое. Страх? Азарт? Надежда? Или последний вздох вдохновения, что ещё живёт внутри меня, но никак не может пробудиться?

Его смех прозвучал как шелест старинного пергамента.

— Прекрасный ответ, — улыбнулся он. — Как и было обещано, я постараюсь тебе помочь. Поверь, в этих землях ещё остались места, где спит настоящая магия. Наверняка Кристиан водил тебя лишь по проторенным тропам, словно очередного восторженного туриста. Я же покажу тебе истинное сердце Румынии. Такое, от которого кровь стынет в жилах, а душа наполняется чувствами, коих раньше никогда не испытывала. Поверь, у меня в этом вопросе имеются... — Вильгельм сделал паузу, будто взвешивая слова, — особые познания. К тому же мы отлично проведём время!

Ветер внезапно усилился, оббивая нас холодными пальцами. Где-то вдали раздался волчий вой. Протяжно, словно скорбь по покойнику.

— Во всяком случае, до моего отъезда, — продолжил вдруг он.

— Отъезда?

— Именно. Долгие путешествия заметно утомляют. Поэтому совсем скоро я отправлюсь в родную обитель Лазарус. В тот самый замок, что тебя так заинтересовал.

— И что же ждёт тебя дома? — не удержался я от вопроса.

— О, ты даже не представляешь... — В его улыбке появился странный азарт. — Но не тревожься, *mon ami!* У нас впереди будет достаточно времени, чтобы разжечь в тебе тот огонь, который ты считал потухшим навсегда. До отправки ещё несколько дней, так что беспокоиться не о чем.

Что-то в его словах заставило моё сердце биться в ускоренном ритме. То ли предвкушение, то ли древний инстинкт, кричащий об опасности

— Что ж, очень признателен, — наконец выдохнул я.

— Замечательно! Рад это слышать.

Внезапно я заметил кое-что любопытное.

— Ты так и не выпил. Неужто такой интересный разговор? — сказал я, глядя на нетронутый бокал в его руке.

— Ох, верно. Но на самом деле я просто не очень-то люблю шампанское. Предпочитаю... другие нектары. Да и у этого, — его слова оборвались одним долгим глотком, после которого бокал бесследно опустел, — удивительно кислый вкус.

Я не нашёл, что ответить. Луна, выглянув из-за туч, осветила его лицо, прекрасное и пугающее, как лицо ангела на надгробии. И в тот момент я понял, что уже втянут в игру, правил которой не знал. Но выйти уже не мог.

Какое-то время мы с Вильгельмом продолжали стоять на балконе, болтая на самые разные темы. И с каждой минутой этот таинственный аристократ затягивал меня в свои сети всё сильнее. А когда время стало подбираться к полуночи, гости банкета начали постепенно расходиться, включая и нас двоих. Выйдя к подъездной аллее, освещённой колеблющимся светом газовых фонарей, мой новый приятель проводил меня к экипажу. Внутри уже сидел Кристиан. Бледный, словно призрак.

Но прежде чем я залез внутрь, мы с Вильгельмом обговорили планы и назначили встречу на завтра.

— Увидимся, Эдгар, — сказал он, захлопывая дверцу. В мерцающем свете его улыбка казалась слишком широкой, обнажая белые зубы. И на мгновение мне показалось, что его клыки выглядят чересчур заострёнными. Но, должно быть, это всего лишь игра теней.

Экипаж тронулся, и я уставился в тёмное стекло окна, где моё бледное отражение смешивалось с пробегающими тенями ночного города. Всю дорогу до дома Кристиан молчал, а я продолжал разглядывать открывающиеся виды, размышляя о случившемся. Этот вечер всё-таки смог меня удивить. И пусть что-то во мне до сих пор кричало об опасности, усталость и отчаяние успешно заглушили этот голос. Ведь если Вильгельм и вправду может вернуть мне творческий азарт, пусть даже ценой, о которой я боюсь размышлять... разве это не стоит риска?

Глава 2

Последние отзвуки праздного балагана давно растворились в чернильной густоте летней ночи. Но сон бежал от меня, словно дикий зверь от факела, пока я, пленённый муками собственного разума, вновь и вновь прокручивал в памяти клочья минувшего вечера. И только под утро, когда стекло окна побелело от предрассветной мути, меня наконец выбросило на безмятежные берега царства Морфея. Однако на самой его грани я едва успел осознать одну жутковатую деталь: среди всех минувших событий в моей памяти не осталось ничего, кроме одного-единственного лица.

Лица Вильгельма.

Его манеры, отточенные будто холодный клинок. Его речь — словно сладкий яд, капля за каплей парализующий волю. Один лишь недолгий разговор с ним обратил в прах все мои прежние впечатления от этой богом забытой страны. Все пейзажи, замки и унылые встречи — всё в миг померкло, как дешёвая мишура в свете настоящего неогранённого алмаза. Казалось, вся эта поездка в Румынию, всё моё творческое странствие было лишь долгой и утомительной дорогой к этой единственной роковой встрече.

И всё же сквозь упоение сквозило смятение. Бессонная ночь, эта беспощадная повитуха ясности, медленно открывала мне глаза на подлинную картину нашего диалога. С ужасом я осознал, что не могу воскресить в памяти ни единой обсуждавшейся темы, ни одной остроумной шутки, над которыми я совершенно точно смеялся. Даже мои собственные отточенные на светских встречах колкости куда-то испарились. Всё, что осталось — лишь унижительное признание в своём творческом бессилии и его обещания найти столь желанное исцеление.

Словно я не беседовал, а лишь смиренно исповедовался.

Но мы же говорили! Мы парили в самых высоких сферах, мы касались запретных тем, я чувствовал жар спора и прохладу согласия. От всего этого в памяти осталось лишь смутное, но интенсивное пятно, напоминающее кофейный развод на мятом пергаменте. То самое состояние, когда трещина между мирами ненадолго разверзается, а потом бесследно смыкается. Я был пьян, не прикасаясь к алкоголю. Я был счастлив, не имея на то ни единой внятной причины.

И теперь, измождённый и лихорадочный, я жаждал лишь одного — новой встречи. Пусть воспоминания о предыдущей были рваными, как обрывки дурного сна. Пусть, не будь свидетельств Кристиана и прочих гостей, я и вовсе мог бы счесть Вильгельма не более чем порождением своей иссохшей фантазии.

Но он был реален.

Вильгельм Лазарус существовал. И мы ещё не раз встретимся вновь, едва солнце скроется за горизонтом и на город опустится его законная владычица — тьма. Таково было его условие. Встречаться ночью, когда город начинает жить своей истинной жизнью, чтобы до самого рассвета блуждать в его потаённых уголках в поисках выхода из творческого плена.

А потому я отринул последние сомнения, как рой надоедливых мух, и с головой окунулся в этот бездонный омут...

Так несколько последующих вечеров слились в один долгий, пёстрый и невероятно дурманящий карнавал. Кристиан, мой добрый и такой приземлённый ангел-хранитель, каждый раз вцеплялся в моё плечо, едва заслышав шаги в прихожей в неурочный, ночной час. Он раз за разом твердил, что дружба с Лазарусом — это игра с огнём в пороховом погребе. Но никогда не мог описать, чем именно вызваны столь резкие слова. Никаких фактов, лишь смутный, животный ужас, исходивший от одной его древней фамилии.

Не знаю, что им двигало — трезвый рассудок, внезапная ревность или же слепая интуиция, — но я был готов к любой аванюре. Я ведь уже сделал свою главную ставку, сорвавшись с

насиженного места и махнув в эти причудливые края. Так что впредь лишь продолжал начатое — рыл землю ногтями в поисках того волшебного ключика, что когда-то так глупо выронил из кармана собственной души. И метод моего нового проводника оказался поистине виртуозным в своём безумии.

Мы путешествовали по изнанке Бухареста, где каждый вечер наполнялся головокружительным опытом, смешивающимся в причудливую спираль новых впечатлений. Мы наблюдали, как в тёмных подвальчиках, пропахших потом и дешёвым парфюмом, проходили артхаусные спектакли для особых ценителей, где обнажённые женские тела в дымном полумраке изображали бесноватых суккубов, вскрывавших самую суть человеческих пороков. Исследовали залы городской кунсткамеры, где Вильгельм с холодным, почти хирургическим интересом делился со мной мыслями о бренности человеческого бытия, звучащими как отпевание всему нашему роду. Мы пили вино столь древнее, что обжигало не кислотой, а почти осязаемой тяжестью веков. Едва не сорвали деревенскую свадьбу, когда мой спутник, опьянев от сливовицы и собственного презрения, вступил в яростный спор с местной цыганской диаспорой, болтавшей суеверные слухи, шипя на него, как обезумевшие коты на призрака. Он не спорил. Он изливал на них ядовитый поток насмешек, от которого все их проклятия казались детским лепетом.

Мы чудом унесли оттуда ноги, решив, что махать кулаками — удел людей подготовленных. Собственно, глядя на таковых, прошли ещё несколько вечеров. Мы весело проматывали деньги в подпольных бойцовских клубах, земля в которых была густо залита высохшей кровью, а периодические смерти на импровизированной арене вызывали у Вильгельма не просто восторг, а нечто сродни эстетическому экстазу. Мы пробовали сомнительные вещества в заброшенных хижинах, и сквозь дыры в потолке на нас смотрели уже не звёзды, а расплывающиеся в синеве бредовые очи иного мира. Однажды мы даже заглянули на оккультный обряд, где ряженные в простыни простолюдины с комичной серьёзностью читали зловещие заклинания и пили из бокалов кровь. Вильгельм, взволнованный с первых секунд, тоже рискнул отхлебнуть багряной жидкости, после чего смерил культистов взглядом, полным ледяного разочарования. «Свиная...» — бросил он с таким презрением, словно ему подали дешёвый суррогат вместо марочного кларета. И весь обряд мгновенно обратился в жалкий, кустарный балаган.

Подводя черту под этим безумием, я понимал: Вильгельм не устраивал для меня пустых представлений. Скорее уж проводил по кромке бездны, заглядывая в которую, я должен был вновь ощутить хоть что-нибудь. Он с фанатичным упорством пытался высечь огонь там, где осталась лишь холодная зола. И нельзя было отрицать — он вкладывался в этот процесс всей своей порочной душой.

Результат, однако, оставался нулевым. Вдохновение было подобно неверной птице, что и не думала возвращаться в опустевшее гнездо. Но хотя бы процесс ожидания перестал быть столь утомительным.

Ведь и сам Вильгельм, даже вне этого головокружительного калейдоскопа был невероятно очарователен. Редкими тихими вечерами в глухих пабах или на открытых террасах он раскрывался как собеседник, чей ум был острее бритвы, а эрудиция вызывала головокружение. Жаль, его компания была доступна лишь под покровом тьмы. Ведь днём его, судя по всему, с головой поглощали дела, предшествовавшие отъезду. Но я и не смел жаловаться. Он уже сделал для меня больше, чем кто-либо другой. Подарил остроту ощущений, после которой привычная жизнь казалась выцветшей гравюрой.

Но игра ещё не была окончена. В запасе оставались считанные ночи, и во мне тлела упрямая надежда, что Вильгельму всё же удастся взломать склеп, где заживо похоронил себя мой дар, и силой извлечь его на свет.

* * *

И вот наступил очередной поздний вечер. Финальный аккорд в этой гротескной симфонии. Если мои подсчёты верны, эта ночь станет последней в компании Вильгельма. Интрига витала в воздухе, густая и пряная, как дым от дорогой сигары. Приберёт ли он для развязки нечто такое, от чего кровь застынет в жилах и заставит трепетать даже мою, казалось бы, бесчувственную душу? Признаюсь, предвкушение не покидало меня весь день, делая привычную реальность призрачной и блёклой. К семи вечера я стал похож на заводную игрушку, чью пружину вот-вот отпустят.

Оставалось лишь дожидаться кукловода.

К восьми часам я был уже почти полностью готов. Облачился в серый костюм — свой единственный доспех в этой странной войне с самим собой. Парфюм, одолженный у Кристиана, добавил лёгкую, неуместную ноту цитруса к моему привычному запаху скипидара и отчаяния. Непокорная шевелюра, как всегда, жила своей жизнью. Но я как мог старался привести её в порядок.

Однако Кристиан, верный своему долгу няньки, всё-таки устроил последний залп предупреждений, нервно переминаясь с ноги на ногу, пока я в последний раз проверял свой вид перед зеркалом в тесной прихожей.

— Эдгар, я тебя умоляю, опомнись! — его голос, полный беспомощной тревоги, резал воздух за моей спиной, пока я тщетно сражался с помятым галстуком. — Из-за этого прохвоста Лазаруса ты рано или поздно ввянешься в историю, из которой я уже не смогу тебя вытащить! Слушай, можешь считать меня параноиком, но ты ведь мой друг! А моя жена до сих пор млеет от одного вида того портрета, что ты написал для нас. Поэтому я навёл кое-какие справки об этом твоём Вильгельме. И знаешь, что выяснил?

— Что он устраивает бесовские оргии с пингвинами в масках Королевы Англии? — флегматично поинтересовался я, не отрываясь от зеркала.

— Хуже! Я не нашёл ровным счётом ничего! — Кристиан резко развёл руками, напоминая адепта сумасшедших теорий. — Его видят среди знати крайне редко, и он никогда не появляется при свете дня. Его корабль не ходит под нашим флагом, всякий раз бесследно скрываясь в тумане над морем. А его команда... говорят, они никогда не сходят на берег. Не пьют, не ищут внимания женщин или иных земных приключений. Они лишь безвольно вкалывают на проклятой палубе день и ночь. Всё это слишком похоже на...

— Образцовую дисциплину? — вставил я, наконец закончив с галстуком.

— На нечто потустороннее! — парировал он. — Мне сказали, вы были на одном из тех идиотских оккультных обрядов. А ведь нормального человека туда и калачом не заманишь!

— А что такого? — я наконец повернулся к нему, с наслаждением наблюдая, как его лицо искажается от досады. — Народ там подобрался на редкость душевный. И атмосфера просто неподражаема! Напитки, правда, подкачали, но зрелище, безусловно, того стоило.

Кристиан тяжело вздохнул, смиряясь с собственным бессилием. Сквозь его страх проступала почти отеческая забота, которую мне было одновременно и приятно, и досадно отвергать.

— Ладно. Хвала богам, этот кошмар скоро закончится. Он вернётся в свой проклятый замок, а ты — домой, в Лондон.

— Да, в Лондон. — Мои слова прозвучали горькой усмешкой. — Где меня будет ждать любимая мастерская, полная бездушных холстов и неминуемого забвения. Жду не дождусь...

В этот момент в прихожей раздался тяжёлый, властный стук. Сердце ёкнуло, предвосхищая долгожданную встречу, и я рванулся открывать, оставив Кристиана наедине с его тревогами.

Распахнув входную дверь, я увидел Вильгельма. Он стоял на пороге, безмятежный и утончённый, в своём излюбленном бирюзовом костюме, казавшемся дерзким вызовом промозглому ветру. Но холод будто не смел коснуться его.

— Добрый вечер, дружище! — его голос прозвучал слегка насмешливо, явно предвосхищая очередной вызов. — Готов к последнему путешествию?

— Ещё бы! Дай только найду шарф.

Я было ринулся вглубь прихожей, но тут же замер, осознав неловкую паузу. Ведь Вильгельм всё так же стоял за порогом, изящно опираясь на трость и заслоняя собой тусклый свет фонаря. Заметив моё недоумение, он мягко улыбнулся.

— Могу я войти?

А ещё меня чопорным как-то называл...

— Конечно! Входи, чувствуй себя как дома, — ответил я, однако Вильгельм лишь усмехнулся, перекинув трость в другую руку.

— Благодарю за радушие, но боюсь, я обращался к хозяину дома. — Его взгляд скользнул за мою спину. — Дорогой Кристиан, не сочти за труд. Старомодная привычка. Позволишь ли переступить порог твоего гостеприимного жилища?

Мой беспокойный друг тихо фыркнул и нехотя сделал приглашающий жест.

— Разумеется. Входи уже, — пробурчал он без тени удовольствия. — Друзья Эдгара — мои друзья.

Лишь тогда Вильгельм пересёк порог. Его шаг был бесшумным, а взгляд скользил по деталям прихожей с любопытством коллекционера.

— Премного благодарен! У вас тут весьма уютно.

— Это заслуга Кристиана. Увидь ты мою лондонскую берлогу, в обморок бы упал, — усмехнулся я, продолжая рыться в комод.

— Неужели всё настолько плачевно?

— Скажем так, моя квартира — это гибрид захламлённой кладовки и импровизированной мастерской для личных работ. Хаос, рождённый творческими потребностями.

— Ну, у каждого свой подход к работе. Видели бы вы игровую комнату моей сестры...

— У вас есть сестра? — вдруг оживился Кристиан, не упуская возможности копнуть глубже в своём глупом расследовании. — И сколько же ей лет? Отчего её никогда не видно в наших краях?

На лице Вильгельма на мгновение мелькнула лёгкая задумчивость.

— Она не слишком-то любит местный колорит. Предпочитает общество своих любимых кукол. А насчёт возраста точно не скажу. Лет семнадцать, вроде. Или около того.

— Ну хоть помнишь, что она младше, — усмехнулся я.

— Порой я не уверен и в этом... — парировал Вильгельм, и в его глазах мелькнула искорка нетерпения. — Так ты готов?

А я всё не мог найти проклятый шарф!

— Боюсь, ещё нет. А знаешь что? К чёрту! Оставлю шею открытой на милость ветру! — решительно сказал я, хлопнув дверцу шкафа.

— Великолепное решение! — одобрил Вильгельм, и его улыбка показалась мне чуть более широкой, чем обычно. — Тебе так даже больше идёт.

Оставив поиски, я взял со стойки тяжёлое серое пальто с чёрным воротником, продолжив торопливо одеваться.

— Зато рискую вернуться в Лондон с жгучей ангиной. Будь другом, подай тот цилиндр.

Я указал на вешалку у дальней стены. Однако Вильгельм не двинулся с места. Его взгляд скользнул в ту сторону и замер на большом зеркале, висевшем рядом. В его позе на мгновение проскользнула странная скованность. И лёгкая, почти неуловимая брезгливость.

— О, я бы с удовольствием, но боюсь наследить на этом чудесном паркете, — вежливо возразил он.

Я окинул взглядом прихожую и понял: с самого начала он не отходил от порога дальше, чем на пару шагов, будто невидимая стена отделяла его от остальной части дома.

— Что ж, тогда подожди меня на улице. Я мигом.

— Замечательно. — Его лицо вновь осветила лёгкая улыбка. — Я буду ждать.

Он развернулся и вышел с той же беззвучной грацией, оставив за собой лёгкий шлейф недосказанности.

Мы не прошли и десяти шагов от порога, как Вильгельм, небрежно взмахнув тростью, остановил один из пролетающих мимо экипажей. Его жест был так же естественен и властен, как если бы он отдавал приказ собственному слуге.

— Пожалуй, сегодня дадим ногам отдых, — сказал он, пропуская меня внутрь. — Силы ещё пригодятся нам для кое-чего более... утончённого.

Мы погрузились на мягкие кожаные сиденья, уносясь в пульсирующую темноту ночного Бухареста. Последующие полтора часа растворились в лёгком, почти гипнотическом потоке многочисленных бесед. С Вильгельмом было поразительно легко находить общий язык. Он парил от темы к теме с лёгкостью колибри, перескакивая с философских трактатов на светские сплетни, с тонкостей виноделия — на сюжеты последних театральных премьер, о которых он мог судить не по ярким уличным афишам, а как искушённый зритель, видевший их собственными глазами. Глазами, которые, казалось, впитывали всё вокруг с ненасытной жадностью. Затянувшееся движение сквозь ночной город постепенно сбрасывало с него лоск центральных улиц, обрастая шрамами бедных кварталов. Но я почти не замечал этого перерождения за окном. До самого конца пути Вильгельм осыпал меня различными рассуждениями и историческими фактами, преподнося их столь ярко, что даже самые запылённые события прошлого словно оживали, обретая плоть, кровь и страсть.

— ...и именно поэтому этот якобы «шедевр» на поверку оказался не более чем гениальной подделкой, — закончил он очередной исторический бенефис, и в тот же миг экипаж с лёгким скрипом замер посреди дороги.

— Приехали, джентльмены, — пробурчал возница.

Я выглянул в окно, ожидая увидеть нечто соответствующее нашему разговору. Может, особняк в стиле модерн или загадочный полуразрушенный аналог палаццо. Но вместо этого мой взгляд упёрся в грязный тротуар, залитый жёлтым светом одинокого фонаря. И в этом же свете мерцала афиша крайне сомнительного заведения, вызывающим шрифтом кричавшая о вещах, которые в приличном обществе не принято обсуждать вслух.

Покинув экипаж, я устоял на кривую вывеску, пытаюсь разобрать полустёртые слова.

— «Гнездо Стригойки»? — с трудом выговорил я. — Это ещё что такое?

— Что-то вроде ведьмы. Местный фольклор, — пренебрежительно бросил Вильгельм, поправляя перчатку.

— Да я не об этом! Что это за место?

Мой взгляд скользнул по облупленному фасаду, утопающему в тених узкого переулка. Из-за заляпанного окна доносились хриплые звуки цитры и приглушённый женский смех, смешанный с глухими стонами. Воздух вокруг здания был густым и тяжёлым, пропахшим дешёвым табаком, перегоревшим маслом из ламп и чем-то сладковато-приторным. Ржавая водосточная труба, оторвавшись с одного конца, безнадежно протекала, оставляя на стене тёмное, мокрое пятно, напоминающее кровавый подтёк. Дверь, некогда выкрашенная в яркий цвет, теперь представляла собой шелушащуюся груду облезлой краски, сквозь которую проступала гнилая древесина.

— Бордель, — ответил Вильгельм так же спокойно, как если бы мы стояли у входа в городскую библиотеку.

— И что мы здесь делаем? — в моём голосе явно слышалась нарастающая тревога. — Мы, конечно, посетили много сомнительных мест, но это...

— Ты же хотел новых впечатлений, так? — перебил он, и его голос приобрёл стальные нотки.

— Да, но как перспектива подхватить коктейль венерических заболеваний должна вернуть мне утраченное вдохновение? — я непонимающе развёл руками.

— Поверь, проблема существования, лишённого прежнего вкуса, мне... скажем так, довольно знакома, — его губы растянулись в хищной улыбке, на мгновение обнажив неестественно острые клыки. — Я и сам когда-то музицировал днями напролёт. Как однажды... шёпот музыки внезапно затих навсегда. Так бывает со всем, за что я ни возьмусь. И единственное лекарство — хорошая эмоциональная встряска. Мощный удар по нервам. И поскольку ты уже перепробовал все благородные пути, я решил провести тебя в самую глубь тьмы и пороков, где чувства проявляются ярче и острее всего. И знаешь что? — он шагнул вперёд, слегка нависнув надо мной. — Думаю, настала пора наконец коснуться дна этой пучины.

Он уверенной походкой направился к облезлой двери.

— Постой, мы что, правда туда зайдём? — выдохнул я, чувствуя, как холодная дрожь пробегает по спине.

— Да.

— И будем пользоваться услугами куртизанок?

— Не сомневайся.

— А если они... ну, знаешь... и правда нечистоплотны?

— Можешь об этом не беспокоиться, — отрезал Вильгельм, и в его тоне не осталось и тени для возражений. — Я знаком с хозяином этого чудного заведения. Он предоставит нам самых ухоженных и чрезвычайно симпатичных девушек. Но для начала мы с тобой просто расслабимся и немного поболтаем в приятной компании.

Я собрался было возразить, привести десяток логичных доводов против этой затеи. Но его взгляд, тёмный и неотразимо властный, буквально парализовал мою волю. Мой внутренний протест смолк, растворившись в пронизывающем спокойствии. Разум затуманился, воля ослабла, и следующее, что я осознал — моя нога уже делает шаг вперёд, безвольно следуя за ним.

С лёгким толчком дверь отворилась, и нас поглотила густая, почти осязаемая атмосфера порока. Воздух был тяжёл и сладок, как испарения от перезрелых фруктов. В тусклом свете цветных фонариков среди алого бархата извивались тела полуголых женщин. Смуглая кожа, огонь в глазах, томные движения — весь этот контраст их дикой, почти животной красоты с напускной восточной роскошью был порочен и неотразим одновременно. Я чувствовал, как жар подступает к лицу, а в висках стучит кровь. Это было омерзительно.

И восхитительно.

Мы шли всё дальше, вглубь этого храма распутства, и с каждым шагом атмосфера только сгущалась. Двое девушек проводили нас в небольшую комнату, утопающую в пурпурных и лиловых тонах. Здесь не было мебели в привычном понимании — лишь гора расшитых узорами подушек. Мы тотчас развалились на них как изнеженные султаны, небрежно раскидав по углам верхнюю одежду. В центре комнаты, на низком столике, шипел кальян. Его длинный мундштук, обвитый трубкой, как змея, передавался нами из рук в руки. Дым был сладким и вязким, с лёгким привкусом вишни.

Одна из девушек, с волосами цвета воронова крыла, прикрытая одним лишь полупрозрачным платком, болтавшимся на бёдрах, поднесла к моим губам чашу с тёмным, терпким вином. Другая, рыжая, с насмешливым блеском в глазах, лениво кормила Вильгельма виноградом, устроившись у него на коленях с кошачьей грацией. Их руки, умелые и настойчивые, скользили по нашим плечам, спинам и шеям. Их смех, хриплый и вызывающий, звенел в ушах. Я откинулся на подушки, чувствуя, как тяжёлое тепло разливается по телу. Деньги Вильгельма творили чудеса, превращая эту грязь в иллюзию рая, а мои моральные устои быстро растворялись в дыму и хмельном тумане, оставляя лишь простое, животное желание поддаться этому течению.

— Ну, как впечатления? — голос Вильгельма прозвучал приглушённо, пока рыжая куртизанка впивалась губами в его шею, оставляя влажные следы.

— Признаться, ожидал худшего, — выдохнул я, с трудом концентрируясь на словах. Ловкие пальцы темноволосой девушки аккуратно расстёгивали пуговицы моей сорочки, а горячие прикосновения вызывали мурашки, смешанные с чувством стыда и нарастающим возбуждением.

— А я говорил, что это отличное заведение! — в глазах Вильгельма сверкнула насмешка. — Даже местная аристократия иногда заглядывает сюда, когда им становится слишком тесно в рамках законного брака.

— О, мне это хорошо известно, — я фыркнул, махнув чашей перед лицом цыганки, призывая наполнить её новой порцией вина. — Раньше я и сам частенько заглядывал в подобные заведения.

— Тоже в поисках музыки? — ухмыльнулся блондин, позволяя рыжей бестии стащить с него жилет.

— Скорее уж, в поисках заказчиков, — поправил я, чувствуя, как язык становится всё тяжелее от действия вина. — Писал похабные картины для украшения стен, вроде этих. Это были первые годы моей творческой деятельности и нужно было хоть как-то заработать себе имя. Дёшево, но сердито. Ирония в том, что именно так меня заметил один важный господин, позднее заказавший портрет своей супруги и чад, которые и не подозревали, где висят его истинные художественные предпочтения. Но именно после той работы мои дела резко пошли в гору. Забавно, правда?

Вильгельм рассмеялся — низко, бархатно, и звук этот казался инородным в этой удушливой атмосфере.

— А ты полон сюрпризов, Эдгар Ван Хёрст! — воскликнул он, откидываясь на подушки и смотря на меня с внезапным интересом, в то время как девушка, словно назойливый котёнок, тыкалась головой в его плечо. — Может, поведаешь ещё что-нибудь любопытное из своего прошлого?

— Только если ты ответишь взаимностью, — парировал я, чувствуя, что опьянение приглушает мою обычную осторожность. — Кристиан так ничего о тебе и не узнал. Быть может, мне повезёт больше? Хочу быть первым, кому откроются тёмные тайны Вильгельма Лазаруса!

На его лице на мгновение застыла тень. Улыбка не исчезла, но в глазах погас свет.

— Поверь, по-настоящему тёмные тайны ты знать точно не хочешь... — его голос прозвучал тише, но с такой стальной интонацией, что девушки инстинктивно отпрянули. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым. Но через секунду он вновь усмехнулся, развеивая напряжение. — Но менее мрачными историями с радостью поделюсь! Спрашивай на здоровье, пока я ещё в состоянии отвечать.

Он с лёгкостью скинул с себя опьяневшую девушку и потянулся за бокалом.

— Что ж, начнём с простого. Чем ты занимаешься, когда не водишь таких, как я, по злачным местам?

— Путешествую, — он отпил вина, и его взгляд стал отстранённым. — Изучаю культуры, языки, привычки людей. Собираю впечатления и везу крупички этого мира в свой скромный дом.

— Что ж, английский ты освоил безупречно. Сколько же всего языков ты знаешь?

— Румынский, английский, французский, — он перечислял их на пальцах одной руки с лёгкой небрежностью. — Немного испанского, чуть больше итальянского. Обожаю те края, хоть и бываю там реже, чем хотелось бы.

— С ума сойти! И как тебе только хватает времени на всё это? — вырвалось у меня.

Вильгельм усмехнулся, и в его взгляде вновь промелькнул блеск загадочности.

— Пожалуй, время — это единственное, чего у меня больше, чем денег.

Фраза повисла в воздухе, странная и не до конца понятная. Мой затуманенный разум тщетно пытался найти в ней скрытый смысл, но утонул в алкогольном дурмане.

— Ты задал уже два вопроса, — напомнил он, и его взгляд внезапно стал пристальным и заинтересованным, отчего вся похабная бутафория вокруг будто померкла. — Теперь моя очередь. Так чем же ещё ты увлекаешься, помимо живописи?

— Ну... — я откинулся на подушки, с горечью вернувшись к наболевшим мыслям. — Как я уже говорил, сейчас моим основным хлебом стала реставрация. Конечно, иногда удаётся продать и пару собственных работ. Но спрос на бездушные портреты — не чета тому, что был раньше. Кажется, заказчики чуют фальшь даже острее, чем я.

— Скверное положение, — Вильгельм произнёс это с лёгкой, почти клинической отстранённостью. — Но разве так уж плохо вдыхать жизнь в чужую рухлядь? Звучит как стабильное и вполне благородное ремесло.

Он смотрел на вопрос трезво, с позиции практика, и от этого моя внутренняя драма казалась излишне надуманной. Но дело ведь было не в реставрации. А в том, что я уже добился вершины собственного Олимпа, но внезапно рухнул вниз. В этом корень проблемы. Потерять дар куда страшнее, чем никогда его не иметь.

— Не подумай, что я жалуюсь, — мои слова прозвучали резче, чем я хотел. — У каждого предмета своя история, и в этом есть некая прелесть. Но...

— Слишком уж хочется быть по ту сторону? — Вильгельм с хищной точностью вонзился в самую суть. — Быть тем, кого реставрируют. Обрести бессмертие через свои творения.

Он вновь попал в ту самую маленькую, тщеславную рану, что не заживала все эти годы.

— Именно! — вырвалось у меня с внезапной силой. — Раньше я писал не просто формы, а переносил на холст самую человеческую душу. Я мог изобразить томную вдову, и сам чувствовал эту утрату, этот холод в груди. Мог написать портрет ребёнка, и серый мир вокруг расцветал красками его воображения, которые видел только я. А теперь? Теперь я пишу лишь то, что видят глаза, а не сердце. Холст, краски, игра света и теней. Я разучился смотреть... сквозь всё это.

— Как поэтично, — его губы тронула лёгкая, почти колкая улыбка, но в глазах не было насмешки. Скорее, любопытство коллекционера, изучающего редкий экземпляр. — Но я хотел бы услышать о другом. Что занимает твой ум, когда ты не корпишь над холстами? Что влечёт тебя помимо искусства?

Я на секунду задумался, с трудом вспомнив увлечения последних лет, так или иначе не связанные с творческими потугами.

— Ничего особо примечательного. Верховая езда, постоянное чтение, прогулки по паркам. А ещё я много практикуюсь в фехтовании, — перечислил я, пожимая плечами.

— Благородные увлечения, — Вильгельм удовлетворённо кивнул, однако в его взгляде читалась вежливая скука. Внезапно он поднялся, отряхивая складки одежды с той же лёгкостью, с какой оборвал нашу беседу. — Но ночь, увы, не бесконечна. И нам, кажется, пора перейти от аперитива к главному блюду. — Он протянул руку своей рыжей спутнице, и та тут же прильнула к нему.

— Не скучайте в моё отсутствие, — бросил он мне через плечо, и в его голосе прозвучал намёк, от которого по спине пробежал холод. — Уверен, вы найдёте, чем заняться.

Он вышел, уводя с собой свою избранницу, и дверь бесшумно закрылась. А я остался в пурпурном полумраке, где воздух всё ещё был густ от ладана и винных паров. И прежде, чем я успел что-либо осознать, тёмноволосая девушка, до этого момента бывшая лишь тёплым присутствием рядом, придвинулась ко мне вплотную. Её пальцы, ловкие и настойчивые, уже расстёгивали пряжку на моих брюках, а губы обжигаяще горячим шёпотом коснулись уха, вытесняя из головы все дурные мысли.

И тогда мир вокруг окончательно перестал существовать. Остались лишь блики тусклого света на потолке, тяжёлое, возбуждённое дыхание и её тело, горячее и податливое, под моими руками. Всё, что было во мне до этого — сомнения, тоска, пустота, — растворилось в густом, опьяняющем вихре ощущений. Я не помню, как мы оказались на груди подушек, как с её кожи соскользнула последняя ткань, обнажив бархатистую гладь. Её губы были сладкими от вина, а приглушённые стоны сливались с бульканьем кальяна в единую мелодию. Я перестал сопротивляться, позволив нахлынувшим ощущениям унести себя. Это была не любовь, и даже не страсть. Скорее яростный порыв, попытка вырваться из самого себя, из плена собственных мыслей. В такт нашему сбивчивому дыханию звякали браслеты на её запястьях, а бархат подушек впитывал жар наших переплетённых тел.

А когда всё закончилось, она, тяжело дыша, раскинулась на подушках, уставшая и довольная. Я же лежал рядом, глядя в потолок, и чувствовал, как реальность медленно и неумолимо возвращается ко мне, холодная и знакомая. Опьянение начало отступать. Восторг испарился, оставив после себя лишь лёгкую физическую усталость и всё ту же, неизменную пустоту. Одеваясь в полумраке, я ловил на себе её томный, благодарный взгляд. Пальцы дрожали, наспех застёгивая пуговицы сорочки. Я как мог привёл себя в порядок, смочил платок оставшейся в кувшине водой, провёл по лицу, пытаюсь смыть с себя не только пот, но и липкий налёт этой странной, бездушной близости. Выскользнув из комнаты, я быстрым шагом отправился на выход.

Ночной воздух снаружи здания обжёг лёгкие своей свежестью после удушающей атмосферы борделя. И тут же из тени отделилась высокая, знакомая фигура. Вильгельм подошёл ко мне вплотную, и в тусклом свете уличного фонаря я увидел его насмешливую улыбку.

— Ну что, мой друг? — его голос прозвучал тихо и ясно, разрезая предрассветную тишину. — Нашёл ли ты наконец то, что искал?

— Едва ли, — я с горькой усмешкой провёл рукой по лицу. — Зато вполне неплохо провёл время. — Ухмыляясь, я вдруг заметил в уголке его губ алое пятно, тёмное и густое, словно запёкшаяся вишня. — А ты, кажется, чем-то измазался.

Лишь на секунду отведя взгляд, Вильгельм с присущей ему грацией смахнул багровую каплю подушечкой большого пальца.

— Всего лишь вино, — насмешливо фыркнул он. — Притом весьма сносное для подобного заведения. — Мы зашагали прочь от борделя, погружаясь в объятия спящего города. Шаги отдавались глухим эхом по мостовой, уводя нас всё дальше в сторону парка. — И всё же, скверно осознавать, что наши труды пошли на смарку. Неужели после всего пережитого тебе не захотелось схватить кисть и выплеснуть на холст все пережитые эмоции? Превратить смятение и страсть в буйство ярких красок?

— Нет, — ответил я с внезапной, отрезвляющей честностью. — Не захотелось.

— Вот ведь незадача! — воскликнул он, но в его голосе слышалось не разочарование, а азарт охотника, напавшего на свежий след. — Но я не готов так просто сдаться! Будем копать глубже. Скажи, почему, по-твоему, твоё сердце вообще остыло к искусству?

— Сам хотел бы знать, — пожал я плечами. — Наверное, потому что ничто не длится вечно.

Уголки губ Вильгельма дрогнули в странной, почти болезненной усмешке.

— Это как посмотреть. Но что именно ты имеешь в виду?

— Выгорание. Пресыщение. Переосмысление. Неизбежная расплата тех, кто по-настоящему одержим своим делом, — я говорил, и слова лились сами собой, подогретые остатками вина и ночной откровенностью. — Я не выбирал живопись. Она выбрала меня. И поначалу... это было сродни помешательству. Заполнять холст неувимыми образами, превращать хаос души в порядок линий и цветов, чувствовать, как краски пульсируют в такт твоему сердцу — всё это превращало моё творчество в полнейший восторг! Но, как я и сказал, ничто не вечно.

Видимо, и эта страсть была обречена рано или поздно угаснуть. А все попытки вернуть её тщетны. Быть может, стоит просто остановиться и прекратить бессмысленную борьбу за прошлое, довольствуясь реставрацией...

— Но ты не можешь, — без тени вопроса констатировал Вильгельм.

Его слова будто прозвучали прямо у меня в голове, вмиг отринув всякое желание сдаваться.

— Нет! — вырвалось у меня с внезапной решимостью. — Ты прав. Наша жизнь слишком коротка. И мне хочется оставить после себя не просто след, а настоящий пожар, чьё пламя будет гореть даже после моего обращения в прах!

— Цель, достойная истинного творца, — кивнул Вильгельм. — Но время безжалостно в своём стремлении стереть всё, что мы создаём. В чём я не раз убеждался сам. — В его словах прозвучала странная, личная нота, но прежде чем я успел её осмыслить, он продолжил: — Но ты молод и полон решимости. Не каждый рискнул бы забраться так далеко от дома лишь ради призрачного шанса вновь обрести себя. — Он вдруг замолчал, а его взгляд устремился куда-то в звёздное небо над нашими головами. — И порой только такая безумная решимость и способна привести нас к целям, недостижимым для рационального ума.

— Пожалуй, ты прав, — тихо согласился я.

Вильгельм внезапно остановился посреди аллеи, в самом центре круга света от газового фонаря. Его лицо показалось мне древней маской — прекрасной и безжизненной. А фигура будто не отбрасывала тени. В его алых глазах, уставленных на меня, вспыхнула опасная, манящая искра, что явно предвещала нечто совершенно неизбежное.

— Но что, если... — начал он, и в его голосе прозвучала та самая властная нота, против которой я вновь не мог устоять, — твой поиск на этом не закончится?

Холодная волна ужаса, примитивного и необъяснимого, неожиданно поднялась из самой глубины моего существа, требуя бежать прочь, спастись как можно скорее. Но его взгляд, тяжёлый и всепроникающий, сковал меня на месте прочнее стальных пут. Я замер, будто парализованный, вынужденный внемлить каждому его слову.

— Позволь мне предложить тебе последнюю, самую отчаянную авантюру, — его голос прозвучал тихо, но с такой силой, что заглушил всяческий шёпот инстинктов. — Мы исходили вдоль и поперёк все тёмные уголки этого города. И явно взяли нужный курс. Так не пора ли сменить декорации? Я приглашаю тебя отправиться со мной... в мой родовой замок.

— Что? — это был не вопрос, а скорее хриплый выдох. Одна лишь мысль об этой затее ударила в виски ледяным ужасом. Чистой, животной паникой, что на мгновение пронзила чары Вильгельма, как игла.

Но лишь на мгновение. Волна его очарования вновь накрыла меня с головой, тёплая и тягучая, сметающая на своём пути все остатки этого короткого сопротивления.

— Только представь: древняя крепость на уединённом острове, затерянном в густом тумане. Общество моей... своеобразной семьи. Величественные залы, где в камне застыли столетия, и тёмные катакомбы, где, кажется, до сих пор эхом разносятся отзвуки прошлого. — Вильгельм театрально раскинул руки, и в этот миг предрассветный мрак зловеще сгустился вокруг нас, поглощая всё, кроме его размытого силуэта. — Если это не заставит твоё сердце биться чаще, то ничто уже не сможет.

Разум, цепляясь за последние островки логики, отчаянно сигнализировал об опасности. Я ведь почти не знал этого человека! Поездка в Румынию — это одно, но его предложение пахло совершенным безрассудством.

Но тут же, вопреки страху, по телу разлилась волна неестественного умиротворения. А следом — дикий, азартный восторг. Настоящий замок! Готическая эстетика, о которой я раньше мог лишь читать! Настоящая мрачная сказка, ставшая явью. От одной только мысли о

новом приключении по коже забегали мурашки. А Вильгельм... он же мой друг. И он желает мне только добра, не так ли?

— Не знаю, хорошая ли это идея, — выдавил я, чувствуя, как воля тает, словно воск под пламенем свечи.

— А что тебе терять? Неужели предпочтёшь вернуться в Лондон к своим бездушным холстам? Или всё-таки рискнёшь ступить туда, куда десятилетиями не ступала нога чужака? Гость в наших стенах — редчайшая честь. Там, за туманом, тебя ждут такие тайны, о которых ты и помыслить не мог. И лишь единожды побывав в нашем замке, ты уже не захочешь возвращаться обратно.

Он говорил медленно, будто нараспев. Его алые глаза казались ярче прежнего, постепенно становясь единственным источником света в сгустившейся тьме. Моё сознание затуманивалось, мысли путались, подчиняясь мерному ритму его речи.

— Можешь подумать до завтра, — наконец произнёс он, и мрак вокруг нас слегка расступился. Однако в его словах сквозила непоколебимая уверенность в моём ответе. — Я отплываю из Констанцы ранним вечером и буду бесконечно рад видеть тебя на борту. Поверь, этих впечатлений хватит на целую вечность. Обязательно прихвати с собой кисти и краски. Виды там просто бесподобные!

— Хорошо, я... я подумаю, — мой голос прозвучал словно чужой. — И если всё же решусь, где мы встретимся?

— Я заеду за тобой перед отбытием, — он мягко улыбнулся, повернувшись ко мне спиной и сделав шаг в предрассветную мглу. — Однако чутьё подсказывает мне, что ты примешь верное решение. А если нет... что ж, тогда я хотя бы попрощаюсь с дорогим другом.

Напоследок он обернулся, посмотрев на меня с такой приятной теплотой, что последние остатки моего внутреннего сопротивления рассыпались в прах. И пусть где-то в глубине души всё ещё тлел крошечный уголёк тревоги, я уже чувствовал — мой выбор предрешён.

Казалось, в этот миг сама судьба толкала меня в объятия тьмы.

Глава 3

Ночь казалась долгой и беспокойной. Я метался в постели, разрываясь между холодным голосом рассудка и странным, но навязчивым зовом сердца. Разум твердил: это безумие, чистой воды авантюра! Ехать в неизвестность с человеком, о котором не знаешь ничего, кроме его дурманящего обаяния? Самоубийство!

Но едва эта мысль обрела форму, как её тут же смывало внезапной волной почти лихорадочной жажды приключений. Настоящий замок! Древний и овеянный тайнами. Какие только пейзажи там можно будет написать! Какие тени лягут на камень, какие истории прошепчут мне свои тёмные секреты? Это же шанс, о котором можно только мечтать! Единственный и неповторимый. А Вильгельм... он же мой друг. И его уверенность казалась таким твёрдым, таким желанным островком в море моих собственных сомнений.

Ночь так и шла по замкнутому кругу — от трезвого ужаса до пьянящего восторга, пока я наконец не провалился в короткий, тревожный сон, окончательно вымотанный этой внутренней борьбой почти под самое утро.

Ожидаемо, я проснулся совершенно разбитым. Но с твёрдым, почти иррациональным решением. Несмотря на сонливость, движения мои были отточенными и быстрыми. А разум по-странным чист и лишён прежних сомнений. С самого рассвета я начал сгребать свои небогатые пожитки в большой дорожный чемодан, с которым приехал из Лондона. Кристиан, мрачный и невыспавшийся, наблюдал за этой суетой, и его молчание было красноречивее любых упреков. Он помогал мне, не проронив ни слова, но каждый его жест, каждый тяжёлый взгляд буквально вопил о тревоге.

Мы закончили сборы лишь к вечеру, когда за окном сгустились свинцовые тучи и запахло грозой.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — наконец не выдержал Кристиан. Его голос заметно дрогнул. — Неужели ты не услышал ничего из того, что я говорил?

— Напротив, все твои слова достигли цели, — ответил я, и дальнейшая фраза вырвалась сама собой, странная и нелогичная. — И оттого я хочу ринуться в путь ещё сильнее. Сам не понимаю, почему, но этот прыжок в неизвестность ужасно влечёт меня. Мы с тобой прекрасно провели время, дорогой друг. И я бесконечно благодарен за твоё гостеприимство. Но дорога зовёт, и я не хочу более тебя обременять. Съезжу в замок Вильгельма, а оттуда — напрямик домой, в Лондон.

— Что ж... ладно, — он сдался, вздохнув с обречённостью. — Всё равно к моей жене скоро приедет сестра. И свободная гостевая комната нам не мешает. Но пожалуйста, Эдгар, будь осторожен.

— Постараюсь. Не думаю, что задержусь у Лазарусов надолго, — сказал я, хоть сам в это не верил.

— И насколько именно ты собираешься?

— Не знаю. Может, на пару месяцев. Дорога долгая, а мне должно хватить времени, чтобы... найти то, что ищу.

Благо, я прихватил с собой из Лондона походный набор для живописи. На случай, если вдохновение настигнет меня в дороге. Глупая, наивная надежда.

— Хорошо. Я буду ждать вестей. — Кристиан тяжёлой рукой похлопал меня по плечу, с большим усилием заставив себя улыбнуться. — И если дорога снова заведёт тебя в Бухарест, ты всегда можешь рассчитывать на моё гостеприимство.

— Спасибо. — Я улыбнулся в ответ, тронутый его преданностью. — Я запомню.

В этот момент в дверь раздался тот самый, теперь уже знакомый, властный стук.

Дверь отворилась, и в проёме возник Вильгельм. Его взгляд, холодный и тяжёлый, на мгновение задержался на Кристиане. Но уже не как на хозяине дома, а скорее как на временном хранителе чужой собственности, которую наконец-то изымают. Ни слова не проронив, он кивком велел следовать за собой. Но прежде, чем уйти, я крепко пожал руку друга, пытаясь в этом единственном прикосновении передать всё, что осталось невысказанным, прежде чем шагнуть в наступающие сумерки, навстречу тёмному силуэту, ожидавшему меня по ту сторону дверного проёма.

Возле дома уже стоял закрытый чёрный экипаж, доверху загруженный багажом. Мой чемодан тотчас подхватил слегка сторбленный возница. Молчаливый мужчина в ливрее того же пронзительного бирюзового оттенка, что и костюм Вильгельма, на мгновение встретился со мной взглядом.

Возможно, меня подвело собственное зрение, или где-то в глубине подсознания по-прежнему звучал беспокойный голос Кристиана. Но взгляд возницы, как мне тогда показалось, был абсолютно пустым, а глаза больше напоминали отполированные морские камни. В этих безжизненных зрачках не было ни любопытства, ни усталости, ни даже отблеска простого человеческого присутствия. Это был взгляд существа, чья воля не просто истлела — она была начисто вытравлена, оставив после себя лишь идеально послушную, безропотную оболочку. Лёгкая дрожь пробежала по моей спине, но я тут же отогнал это нелепое ощущение.

Когда чемодан был пристёгнут, возница беззвучно вернулся на козлы. Вильгельм скользнул в тёмный салон экипажа и жестом пригласил меня на сиденье напротив. Я шагнул внутрь, и дверца захлопнулась с глухим, финальным звуком. Словно крышка музыкальной шкатулки. И теперь мы, две застывшие фигурки, обречены были кружиться в её тесном пространстве до самого конца мелодии.

С лёгким толчком наш транспорт тронулся с места, увозя меня всё дальше от дома Кристиана. В долгий, туманный путь до Констанцы.

Экипаж, запряжённый вороными скакунами, быстро покидал освещённые берега цивилизации. Последние огни Бухареста медленно таяли за спиной, как рассыпающиеся по полу жемчужины, поглощаемые наступающей мглой. Я прильнул к окну, наблюдая, как ухоженные фасады сменяются ветхими домишками, а те, в свою очередь, растворяются в сыром, ненасытном тумане. Вскоре и они остались позади, обнажив настоящую, дику Румынию.

Наш путь вился каменистой лентой меж высоких холмов, закутанных в потрёпанную лесную мантию. Деревья, тёмные и безмолвные, вздымались по обеим сторонам дороги, словно стена из чёрного бархата. Вековые ели и дубы простирали к свинцовому небу свои узловатые ветви. Словно скорбные руки, застывшие в вечной, немой молитве. Лишь изредка сквозь листву проглядывали огоньки одиноких усадеб, и эти редкие точки света лишь подчёркивали всепоглощающее, почти осязаемое одиночество этих мест. Воздух, густой и влажный, пах прелой листвой, хвоей и далёким дымком — древним, первобытным запахом земли, забытой временем.

Всё здесь дышало готическим величием и призрачной меланхолией. Застывшие реки, похожие на расплавленное олово под потускневшим небом, одинокие часовни с покосившимися крестами, силуэты гор, теряющиеся в облаках. Словно каждый клочок этого пейзажа был готов позировать для полотна, полного романтического трагизма. Это была именно та Румыния, которую я искал — мрачная, загадочная и невероятно притягательная.

Стремительно сгущались вечерние сумерки. А вскоре за окном и вовсе воцарилась непроглядная тьма. Лишь изредка луна, словно равнодушный страж, бросала призрачный свет на дорогу, выхватывая из мрака то искривлённый ствол старого дерева, то каменный крест на обочине.

— Скажи... — я наконец нарушил затянувшееся молчание, — почему мы выдвинулись так поздно?

Вильгельм, чьё лицо было скрыто тенью, ответил почти беззвучно, будто сама тьма доносила его слова.

— Боюсь, только так мы успеем к назначенному часу отбытия «*Артемиды*». Не хотелось бы заставлять капитана нервничать.

— «*Артемиды*»? — переспросил я, понизив голос почти до шёпота.

— Мой корабль. Мы должны быть в порту завтра с наступлением темноты. А дорога как раз займёт не меньше суток. К тому же... — Он слегка повернул голову, и луна на мгновение осветила его задумчивый профиль. — мне так комфортнее.

— Ясно. Значит, будем ехать без остановок? — уточнил я.

— Именно так, — подтвердил Вильгельм, и в его ответе прозвучала окончательность, не терпящая пререканий.

И экипаж, не сбавляя хода, нёсся вперёд, в самое сердце пейзажей, охваченных тьмой.

А когда стрелки карманных часов, едва различимые в этом густом сумраке, слились воедино, возвещая полночь, мои веки окончательно налились свинцом, а сознание постепенно обволакивало вязкой дремотой. И я уже начал было клевать носом, как вдруг испуганно вздрогнул и вынырнул из забытья, когда где-то вдали раздался протяжный, леденящий душу волчий вой. И это был не один голос, а целый ужасающий хор, поднимающийся из самой глубины ночного леса.

Я тотчас откинул полупрозрачную шторку, прильнув к холодному стеклу. Но там по-прежнему царила непроглядная чернота, из которой выступали лишь смутные силуэты деревьев. А в противоположном углу экипажа так же бодро, как и час назад, восседал Вильгельм. Он всё ещё не спал. Его глаза, словно два тлеющих алых уголька, были пристально устремлены на меня, а на устах играла тень улыбки, холодной и любопытствующей.

— Есть идеи, где мы сейчас? — мой голос дрогнул, выдав испуг.

— Понятия не имею. Где-то среди леса, — он ответил с непринуждённостью человека, прогуливающегося по знакомому парку. — Судя по шуму, недалеко от деревни.

— Шуму? — переспросил я, не понимая.

— Ну да. Разве ты не слышишь? — Вильгельм мягко улыбнулся.

Я заставил себя успокоиться и наострил слух, старательно отсекая стук собственного сердца. И в этот момент до меня донеслось нечто. Станный, гипнотический гул, напоминающий дикое, завывающее пение, в такт которому били незнакомые аккорды струн и звенели чудные бубенчики. Это была музыка, которую я никогда прежде не слышал. Музыка, рождённая не для человеческого уха.

Но за стеклом по-прежнему была лишь темнота. Звук, казалось, исходил из самого сердца леса, из его мрачных, непостижимых недр. Не в силах совладать с любопытством, я приоткрыл окно. Леденящий ветер ворвался в салон экипажа, и тут моим глазам открылось нечто...

Мы ехали по тропе, вившейся меж сомкнувшихся крон, как вдруг за стеной из деревьев возник одинокий огонёк. А затем гуща стволов расступилась, открыв вид на узкую речку. И на том берегу, освещённое десятками костров, бушевало невообразимое, почти бесноватое веселье.

Картина, раскинувшаяся на том берегу, была достойна кисти самого Иеронима Босха. Это зрелище напоминало диковинный шабаш, лишь позаимствовавший атрибуты праздника. Десятки фигур, освещённые трепещущим светом костров, метались в каком-то исступлённом ритуале. Мужчины в расшитых кафтанах, с лицами, искажёнными экстазом, скакали туда-сюда в неистовой пляске, вскидывая ноги и извивая руки так, будто их кости обратились в змей. А женщины в цветастых юбках, подобно разгоревшимся вихрям, хаотично кружились вдоль берега. Их длинные чёрные волосы сливались с ночью, а браслеты на запястьях и щиколотках звенели пронзительным, безумным аккомпанементом.

Музыка не имела ничего общего с гармонией. Это был хаотичный гул бубнов, визг струн, надрывный рёв незнакомых духовых и хриплые, горловые крики, больше напоминающие ритуальные заклинания, нежели пение. Я видел, как молодая пара с дикими криками перепрыгнула через высокий костёр, и толпа взревела от восторга, едва искры взмыли в небо, словно рой огненных мух. Всё это было дико, первобытно и дышало такой неукротимой, почти звериной жизнью, что от этого зрелища замирало сердце.

— Что это? — прошептал я, заворожённый этим действием.

— Затянувшаяся цыганская свадьба, — голос Вильгельма прозвучал с лёгким презрением. — Среди местного сброда их достаточно. Не более чем шумные дикари, помешанные на суевериях.

— Ясно, — не отрывая взгляда, ответил я. — Но выглядит... завораживающе. В этом есть какая-то первозданная, необузданная страсть!

— Страсть, говоришь? — Вильгельм усмехнулся, и в его смехе прозвучала холодная сталь. — Их страсть поверхностна и продажна. Сегодня они пляшут до рассвета, а завтра будут обчищать карманы доверчивых путешественников на этой самой дороге. Их души столь же пестры и глубоки, сколь и черны. Они живут сегодняшним днём лишь от того, что у них нет ни прошлого, ни будущего. Их «культура» — это культ сиюминутной выгоды и громкой мишуры.

— Ты слишком строг, — возразил я, всё ещё пленённый зрелищем. — В этом безумии есть своя дикая поэзия. Они словно проживают целую жизнь, сжигая её за одну ночь.

— И оставляя после себя лишь пепел и пустые бутылки, — он откинулся на сиденье, словно устав от этого разговора. — Их веселье — это крик, заглушающий тишину их собственной нищеты. Духовной и материальной. Не обманывайся внешним блеском, Эдгар. Порой за яркими красками скрывается лишь прогнившая древесина...

Я не стал спорить. Для него они были лишь шумными насекомыми, досаждающими своим жужжанием. А для меня... для меня в этом безумном карнавале угадывались очертания той самой подлинной, необузданной жизни, которую я тщетно пытался найти в тишине своей мастерской. И пока экипаж уносил нас прочь, я до последнего смотрел в ту сторону, где пылал чуждый, манящий костёр, оставляя в душе странное смятение — смесь восторга, тоски и смутной тревоги.

Шум цыганской свадьбы постепенно растворялся в ночи, прежде чем окончательно стихнуть, уступая место мерному стуку колёс и скрипу старого экипажа. Этот монотонный ритм, словно колыбельная, окутал моё сознание, и я, наконец, поддался усталости, погрузившись в глубокий сон.

Но уже через несколько часов я проснулся, когда экипаж сменил грохот грунтовой дороги на глухой стук брусчатки. Протирая заспанные глаза, я взглянул в окно.

Мы въехали в город, что после ночного зрелища казался слишком уж серым. Низкие каменные дома теснились по сторонам узких улиц, а их черепичные крыши сливались в одно бурое пятно. На площади возвышалась скромная церковь с потемневшей от дождей иконой над входом. Ранние торговцы расставляли свои лотки с сонной неспешностью. Воздух пах свежим хлебом, горелым дымком и влажным камнем. Запах восточноевропейского утра, сдержанный и неуютный.

Вильгельм сидел напротив, и впервые за всё путешествие я заметил на его лице следы усталости. Он не ослабел, нет. Но в его безупречной собранности появилась трещина.

— А наш возница не устанет за такой путь? — прошептал я, наклоняясь к нему.

— Не беспокойся. Это один из моих самых верных спутников, — тихо ответил Вильгельм. — Он может не спать до нескольких суток во время затянувшихся путешествий. Но вот я, кажется, утомился, — добавил он, прикрыв глаза.

— А я уж думал, ты вообще никогда не спишь, — усмехнулся я.

— Никакие силы не безграничны, мой друг.

С этими словами он резко задернул шторку на своей стороне, отсекая первые лучи утреннего солнца, которые только начали пробиваться между крышами. Его фигура замерла в неестественной неподвижности. И я, чтобы не мешать, задернул и свою штору, оставив лишь небольшую щель в углу, дабы наблюдать за миром, мелькавшим по ту сторону окна.

Так мы и ехали весь оставшийся день. Лишь изредка я выглядывал наружу, отмечая, как городской пейзаж сменяется безграничными полями, а те — новыми, столь же серыми городками. И только ближе к вечеру, когда солнце, пылая багровым закатом, почти полностью скрылось за горизонтом, а небо на востоке стало густо-фиолетовым, экипаж замедлил ход. И тогда в нос ударил знакомый, резкий запах. Смесь солёного ветра, смолы и сырой рыбы.

Мы прибыли в порт Констанцы.

Сквозь щель в шторе открывался вид на бескрайнюю водную гладь, уходящую в багровую даль. На ней качались десятки судов, от рыбацких баркасов до более крупных шхун. Деревянные пирсы уходили в море, словно длинные пальцы. В воздухе стоял гул от голосов, скрипа лебёдок и криков чаек, устроивших базар на крышах портовых складов. Фонари ещё не зажгли, и в сгущающихся сумерках порт казался таинственным и немного зловещим лабиринтом из мачт, канатов и теней, готовым поглотить любого, кто осмелится ступить на его влажные камни.

Целые сутки в дороге превратили моё тело в скованную, онемевшую глыбу. И когда экипаж наконец замер, я с трудом выбрался наружу, едва не кувыркнувшись на влажную брусчатку. Я тяжело вздохнул, с хрустом расправляя одеревеневшие конечности. Вильгельм же выпорхнул из кареты с легкостью пушинки, будто и не проводил все эти часы в скованном положении. Напротив, он казался отдохнувшим и собранным, а его силуэт чётко вырисовывался на фоне заката. Солнце, тонущее в море, заливало небо яростным багрянцем почти того же оттенка, что и его глаза. Возница начал разгружать наши вещи и медленно поволок их в сторону судна, пока мы разминали давно затёкшие ноги.

К нам тут же подскочил уличный мальчишка лет двенадцати, без умолку тараторящий на румынском и размахивающий помятой газетой. Его лицо, покрытое веснушками, светилось надеждой, а взгляд жадно выискивал малейшую возможность наживы. Я уже собрался было вежливо отшить его, но Вильгельм опередил меня. Он шагнул вперёд, и несколько коротких, отточенных фраз, произнесённых ледяным тоном, подействовали на парнишку лучше всякого окрика. Юнец тотчас замолк, беспомощно пожав плечами и шмыгнув вглубь портовой суеты, словно испуганный грызун.

— Чего он хотел? — спросил я, уловив в голосе Вильгельма необычную жёсткость.

— Узнавал, за сколько ты готов расстаться со своим пижонским цилиндром, — саркастично усмехнулся он. — А ты сам-то как думаешь?

Было очевидно, что парнишка просто продавал газеты, но мне отчаянно хотелось разглядеть в этой ситуации хоть крупицу иного, менее приземлённого смысла.

— Ха-ха, очень смешно, — фыркнул я, потирая онемевшую шею. — Так мы сразу на корабль?

— Нет. Сперва мне нужно обсудить со своими людьми вопрос... провианта, — Вильгельм сделал едва заметную паузу, и в его глазах мелькнуло что-то отстранённое и деловое. — Мы прибыли чуть раньше срока, так что у нас в запасе есть ещё несколько часов на подготовку к отбытию. Можешь пока посетить вон тот паб в конце улицы и хорошенько перекусить. Ты наверняка проголодался после долгой дороги.

Кивнув, я направился в указанную сторону, минуя вереницу портовых складов. Воздух был густ от запахов солёной воды и гниющей рыбы. На прощанье я обернулся и увидел, как Вильгельм подошёл к бородатому мужчине в поношенном сюртуке и треуголке. Его лицо, обветренное и грубое, казалось высеченным из того же безжизненного камня, что и у возницы. Да и его взгляд был столь же пустым и обращённым куда-то внутрь себя. Что-то холодное

шевелинулось внутри, но я отогнал эту мысль. И вместо глупых раздумий, повернулся и зашагал прочь, в сторону уютного огонька паба, обещавшего глоток нормальности перед новым витком этой безумной авантюры.

Заведение с вызывающим названием «У Морского Дьявола» оказалось именно тем местом, где пахло дешёвым ромом, влажным деревом и извечной тоской. Лица завсегдатаев, испещрённые морщинами, напоминали старые морские карты с проложенными маршрутами тяжёлой жизни.

С трудом, на ломаном румынском и с помощью живописных жестов я объяснил угрюмому бармену, что хочу яичный омлет, ломоть сыра и пару кусков хрустящего бекона. Простая, честная английская еда. То, по чему моя душа истосковалась сильнее, чем по любым прочим изыскам. Устроившись за липким столиком у запотевшего окна, я наблюдал за местным контингентом. Несколько оборванных матросов шумно перебрасывались костями. У стойки, словно вросший в свой стул, сидел угрюмый старик, чья трубка давно потухла. А в углу две подозрительные личности с лихорадочным блеском в глазах яростно, на пониженных тонах обсуждали что-то на своём неуловимом наречии.

Спустя некоторое время ко мне подошла милая, улыбчивая девушка с огненно-рыжими волосами и поставила передо мной тарелку с дымящимся омлетом. Я принялся за ужин с почти животным, безрассудным наслаждением. А вскоре в паб вошёл Вильгельм. Он скользнул между столиками, словно не касаясь грязного пола, и опустился на стул напротив.

— Что ж, почти всё готово, — произнёс он, и его голос странно контрастировал с хриплым гомоном заведения. — Осталось погрузить на корабль последние ящики с провизией, и сможем отчаливать.

— Целые ящики еды? — удивился я, прожевывая последний кусок. — Куда тебе столько?

— В замок, конечно! — Он мягко улыбнулся. — Не слишком разумно каждый раз тратить сутки на переправу до Большой земли ради куска мяса.

— Постой, то есть нам предстоит ещё один день провести в море?! — Я обречённо откинулся на спинку стула. — О боже...

— Никто не говорил, что будет легко, — усмехнулся Вильгельм. — Надеюсь, морской болезни у тебя нет?

— Скоро узнаем... — мрачно ответил я, с тоской разглядывая жирные следы на опустевшей тарелке.

К нам тут же подпорхнула та самая официантка, что приносила мне омлет. Она быстро зашебетала что-то невнятное на румынском, вероятно, перечисляя блюда, доступные в их заведении. Я уловил лишь знакомое «*vițel la abur*» — парную телятину, которую так любил заказывать Кристиан в ресторанах Бухареста. Но Вильгельм лишь бегло улыбнулся, после чего показал девушке два пальца и отправил её прочь парой отточенных фраз, прозвучавших на безупречном местном наречии.

— Заказал нам две пинты светлого пива. Хлебнём на дорожку, — пояснил он, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. — А она ничего, да?

— Хм? Ну да. Вполне симпатичная... для провинциалки, — пробормотал я, чувствуя себя немного неловко от такого прямого вопроса.

— Смотрите, какой столичный пижон нашёлся! — рассмеялся Вильгельм, и в его глазах заплясали весёлые искорки.

— Я просто честный! — защищался я. — А ты что, ужинать не будешь? Мы же целые сутки ехали. Поешь хоть что-нибудь.

— Аппетита нет, — отмахнулся он, и его взгляд на мгновение стал отстранённым. — Да и у нас полный трюм провизии. Перекушу по дороге.

— И как же в замке обстоят дела с хранением продуктов? — поинтересовался я, когда нам принесли долгожданное пиво.

— Как и везде. Для скоропортящегося у нас обустроен обширный погреб, где царит вечный холод. Ещё есть несколько кладовых для круп и прочей бакалеи. — Вильгельм говорил ровно, но в его интонации сквозила лёгкая усталость. — Каждый из нас, возвращаясь домой с Большой земли, привозит провиант минимум на месяц. Для нас и для прислуги. Таков закон семейства Лазарус.

— Должно быть, это хлопотно, — посочувствовал я.

— Даже не представляешь... — тень чего-то тёмного и тяжёлого скользнула в его взгляде, но тут же исчезла.

В это время рыжая девушка вышла во внутренний дворик с тяжёлой деревянной бадьей, полной выстиранных скатертей. Вильгельм проводил её долгим, пристальным взглядом, в котором читалось не столько вожделение, сколько какое-то иное, глубокое любопытство.

— Эх, жаль оставлять такой прекрасный цветок увядать в этой глуши, — тихо произнёс он, и в его голосе прозвучала странная, задумчивая нота. — Но что уж поделаешь. Ладно, пойдём. Я заплачу за пиво.

— Да брось, я могу и сам, — настаивал я, доставая кошелёк.

— Эдгар, не спорь! — его тон внезапно стал твёрдым, почти повелительным. — Могу я угостить друга? Так велит гостеприимство! Подожди меня здесь.

С этими словами он направился к стойке, где бородатый мужчина, судя по цвету волос и глаз, отец той самой девушки, что-то записывал в гроссбух. А я, оставшись один, принялся допивать свой напиток, время от времени поглядывая на дверь, за которой скрылся силуэт милой румынки. Затем я заметил, как Вильгельм, отдав монеты бородачу, коротко кивнул ему и скользнул куда-то вглубь заведения, быстро исчезнув среди густой толпы посетителей.

За окнами паба уже сгустилась настоящая, непроглядная тьма, и в порту зажглись редкие газовые фонари, отбрасывающие на мокрые камни дрожащие жёлтые круги. Внутри же заведения становилось всё теснее. Сюда стекался самый отчаянный портовый сброд. Воздух густел от крепчайшего табака, пота и перегара. Громкие, хриплые голоса, перекрывающие друг друга, звон разбитой посуды — всё это создавало гнетущую, почти враждебную атмосферу. И меня тотчас охватило желание поскорее выбраться отсюда в предполагаемую безопасность корабельной каюты.

Решив, что ждать дольше нет смысла, я поднялся и начал искать в этой смердящей толпе знакомый силуэт Вильгельма. Однако мой друг словно бесследно растворился в этом дымном мареве. Я обошёл весь зал, заглянул в каждый угол, протискиваясь между пьяными компаниями, но его нигде не было. Нарастающая паника заставила меня подойти к стойке, где тот самый рыжий бородач вытирал кружки.

— Извините, вы не видели блондина в голубом? — выдавил я на ломаном румынском.

Мужчина поднял на меня тяжёлый, ничего не выражающий взгляд и, не удостоив ответом, отрицательно мотнул головой, продолжая своё занятие. От его молчания стало ещё тревожнее.

Паника, холодная и липкая, уже подбиралась к горлу, как вдруг на плечо легла знакомая бледная рука.

— Потерялся? — игриво произнёс Вильгельм. Он стоял позади меня, свежий и безмятежный, будто только что вышел из оперного театра.

— Ещё бы! Где ты пропадал? — выдохнул я, чувствуя, как отступает адреналин.

— Справлял нужду, — он лишь улыбнулся, и в его глазах читалось какое-то странное, хищное веселье. — Не стоило так волноваться. Ну что, пойдём? Нас ждёт корабль.

— Да, — согласился я, всё ещё пытаюсь унять бешеный стук сердца. — Пошли уже.

Уже на выходе из заведения я машинально обернулся к запотевшему окну, выходящему во внутренний дворик. Там на верёвках по-прежнему болтались мокрые скатерти, едва колышимые лёгким ночным бризом. Но рыжей девушки, что совсем недавно их развешивала,

больше не было видно. Ни единого следа. Словно её и не существовало вовсе, а весь этот дивный образ был лишь миражом, порождённым усталостью и сгущающимися сумерками.

Выйдя из душного паба, мы направились в порт, и вскоре моим глазам предстала «*Артемиды*». Это был изящный трёхмачтовый барк, чей тёмный корпус поглощал скудный свет портовых фонарей. По бортам призрачно белели резные руны, переплетающиеся с румынскими народными орнаментами, а на носу горделиво высилась позолоченная фигура женщины с луком — сама богиня-охотница, давшая судну имя.

Но восхищение быстро сменилось тревогой. Матросы, сновавшие по палубе, были поразительно похожи на нашего возницу. Такие же безмолвные, с остекленевшими взглядами, движущиеся с неестественной, механической синхронностью. Это была идеальная дисциплина, но от неё веяло чем-то нечеловеческим, словно я наблюдал за работой полчища муравьёв, а не живых людей.

В этот момент портовый кран как раз перемещал на борт последний деревянный ящик, скреплённый слегка подгнившими верёвками. Вскоре он должен был присоединиться к остальной куче, нагружавшей трюм корабля. Все они были почти семь футов в длину и около трёх в ширину. В них, должно быть, помещалось много продуктов.

И тут случилось непредвиденное.

Едва достигнув палубы, ящик с оглушительным грохотом рухнул на доски. Судно болезненно качнулось, а верёвки, удерживавшие одну из стенок, лопнули с сухим треском.

Вильгельм, стоявший рядом со мной, внезапно шагнул вперёд. Вся его поза выражала такое напряжённое, яростное ожидание, будто на кону была вся его жизнь. Я никогда не видел его таким. В его глазах вспыхнула настоящая паника, а без того бледные пальцы сжались до натуральной белизны на костяшках. Он замер, словно ожидая увидеть в разбитом ящике нечто ужасное. Нечто, что я не должен был видеть.

Но на палубу высыпалось лишь самое обычное содержимое — морковь, картофель и кочаны капусты, покотившиеся по скользким доскам. Вильгельм замер на секунду, а затем окончательно успокоился. Его плечи расслабились, а на лице вновь появилась привычная маска лёгкой насмешки.

— Впредь будьте осторожнее, джентльмены! — его голос прозвучал ровно, но с должной строгостью. — В следующий раз внутри может оказаться дорожное вино. Подумать только, какая небрежность!

Матросы, не проронив ни слова, тут же бросились убирать рассыпавшийся провиант, наспех чиня ящик и запихивая овощи обратно. Их молчаливая покорность была почти злоеющей. Затем Вильгельм жестом подозвал того самого человека в треуголке.

— У нас на борту пассажир, — чётко произнёс он, не допуская возражений. — Эдгар Ван Хёрст. Он будет размещён в моей каюте. Проследи, чтобы команда не докучала ему и относилась с тем же почтением, что и ко мне.

Капитан вяло кивнул в ответ, и в его покорном жесте читалась многовековая привычка к беспрекословному повиновению. Затем он резко сунул в рот два пальца, и пронзительный, леденящий душу свист разрезал ночную тишину. Этот звук словно вдохнул жуткую жизнь в безмолвную команду. Мгновенно, с той же механической слаженностью матросы бросились по своим местам. Не было никаких жестов или приказов, отдаваемых на непонятном мне наречии. Члены безмолвного экипажа словно понимали, что нужно делать без каких-либо слов и уточнений, взбираясь на ванты с паучьей ловкостью.

Я, как дилетант в морском деле, лишь смутно понимал смысл их действий. Со скрипом заработали лебёдки, наматывая якорный канат, тяжёлый и облепленный ракушками. На мачтах один за другим начали разворачиваться паруса. Сначала громадные гроты, затем более узкие стаксели. Они медленно наполнялись ночным бризом, и эта картина была одновременно

прекрасной и зловещей: призрачные чёрные полотна, поймавшие лунный свет, на фоне совершенно беззвёздного неба и столь же безграничного Чёрного моря.

«*Артемиды*» дрогнула и, словно проснувшееся исполинское существо, плавно тронулась с места. Мы начали скользить по тёмным водам бухты, медленно удаляясь от огней Констанцы, которые теперь казались всего лишь россыпью одиноких искр. Я стоял у поручней фальшборта, чувствуя под ногами лёгкую вибрацию палубы, и наблюдал, как берег превращается в размытую полосу, а затем и вовсе исчезает в ночи. Луна, холодная и равнодушная, освещала наш путь, ложась серебристой дорожкой на беспокойные воды. Воздух пах солью, смолой и чем-то чужим.

И в этот момент, глядя на профиль Вильгельма, обращённый к открытому морю, я с внезапной, пронзительной ясностью осознал: обратного пути больше нет. Что бы ни ждало меня в конце этого путешествия — слава, забвение или нечто, о чём я не смею и думать — моя судьба отныне была в руках этого загадочного аристократа и его жутковатого корабля.

Глава 4

Чёрное море в эту лунную ночь с лихвой оправдывало своё имя. Оно было тяжёлым, густым, как расплавленный обсидиан. И лишь сверкающие гребешки волн, разбивающиеся о борт, нарушали его зловещую гладь. «Артемида» шла по волнам с той же беззвучной грацией, что была свойственна и её хозяину. Огни Констанцы давно растаяли за кормой, словно последние искры угасшего костра, а редкие огоньки встречных судов один за одним быстро исчезали во мгле. Уже через час мы остались в полном одиночестве посреди безбрежного, безразличного водного пространства.

Я стоял на палубе, вдыхая солёный воздух и вспоминая прошлый подобный круиз. Всего дважды за жизнь мне доводилось выходить в море, пересекая Ла-Манш, путешествуя во Францию по приглашению одного из тамошних маркизов. Тогда я писал его портрет в сиянии заката над Провансом, и картина вышла одной из лучших в моей коллекции. Славные были времена...

Мои размышления прервало зрелище действий команды. Они двигались по палубе с той же немой, отлаженной синхронностью, что и в порту. Ни смеха, ни ворчания, ни простых живых разговоров. Лишь скрип снастей, шёпот ветра в парусах и приглушённый шорох шагов. Их движения были отточенными и лишёнными всякой суеты, словно они были шестерёнками в одном огромном, идеально смазанном механизме. Эта покорность была просто идеальной. И оттого — леденящей душу.

Спустившись в помещение, которое Вильгельм с пафосом назвал своей каютой, я едва сдержал горькую усмешку. Ведь это была скорее тесная, похожая на гробницу каморка, заставленная старомодной дубовой мебелью и задрапированная тяжёлым, тёмным бархатом, чьи узоры из алых нитей больше напоминали паутину. Воздух здесь пах старым деревом, морской солью и чем-то ещё — терпким и сладковатым, напоминающим аромат засохших трав. Всё это помещение дышало мрачным, отстранённым эстетизмом, лишённым какого-либо намёка на уют.

Большую же часть сего пространства занимали узкий письменный стол, заваленный потрёпанными фолиантами в кожаных переплётах с непонятными тиснениями, массивный сундук с причудливой металлической фурнитурой и одна-единственная кровать с высокими резными спинками, накрытая помятой простыней цвета слоновой кости.

— И как же будем спать? — спросил я, указывая на небрежно закинутую постель. — Уж не вместе ли?

Неловкий смешок привлёк внимание Вильгельма, стоящего в дверном проёме.

— А что, хотел бы? — парировал он, и в алых глазах на мгновение вспыхнула знакомая искорка. — Да ладно, шучу. Видишь ли, за долгие месяцы в постоянных путешествиях я серьёзно испортил режим. И теперь мне куда привычнее спать днём и бодрствовать ночью. Так что можешь не беспокоиться. Будем спать по очереди. И раз уж на дворе ночь, можешь прилечь и отдохнуть. А на рассвете кровать займу я.

— И чем же будешь заниматься до самого утра? — спросил я, чувствуя, как усталость накрывает меня с головой.

— Ну, для пассажира занятий на корабле не так уж много, — он пожал плечами, и его взгляд скользнул куда-то в сторону люка, ведущего на палубу. — Пойду наверх и буду наблюдать за волнами в свете луны. Это очень умиротворяет.

— Хорошая мысль, — кивнул я, снимая сюртук. — А я с удовольствием вздремну часок-другой. Ужасно устал в дороге.

В подтверждение своих слов я непроизвольно зевнул и принялся неловко устраиваться на жёстком матрасе. К счастью, морская болезнь миновала меня. Голову лишь слегка ломило после пережитого дня, но я не сомневался, что крепкий сон всё исправит.

Вильгельм бесшумно вышел, прикрыв за собой дверь, и я остался один в полумраке каюты, быстро погружаясь в дремоту под мерный аккомпанемент скрипа корабельных балок и гипнотический шум воды за бортом.

* * *

Посреди ночи я проснулся...

Резко и без всякого перехода, будто кто-то грубо выдернул меня из объятий сна. Понадобилось несколько долгих минут, чтобы сознание, затянутое пеленой, постепенно прояснилось. И тогда я понял, что послужило причиной моего внезапного пробуждения. Это был странный, но отчётливый звук, донёсшийся со стороны трюма — из самых тёмных, скрытых недр корабля, что находились чуть ниже моей каюты. Не просто скрип или стук, а настоящий глухой удар. Будто что-то деревянное с грохотом ударилось о стенки трюма.

Я протёр глаза и приподнялся на локтях, прислушиваясь к воцарившейся тишине. Но ответом послужил лишь ускоренный ритм собственного сердца, нарушаемый привычным гулом волн и тихими шагами по палубе.

Наверное, что-то сорвалось с креплений из-за качки. По крайней мере, я пытался убедить себя в этом, медленно опускаясь обратно на влажную подушку. Но сон отступил, уступив место настороженности. Я попытался осмотреться, но в каюте по-прежнему царила абсолютная тьма. А единственным источником света, способным её разогнать, была узкая полоса, пробивавшаяся сквозь неплотно прикрытую дверь. Из коридора, освещённого дрожащим сиянием одинокой свечи, зажатой тисками стального подсвечника.

И вдруг я снова услышал звук. Но на сей раз это был... всплеск?

Не плавный шелест волн, а единичный, целенаправленный удар чего-то тяжёлого о водную гладь. Ледяная игла страха вновь вонзилась мне в спину. Я бесшумно поднялся с койки и, крадучись, подошёл к окну, отодвинув тяжёлые занавески и распахнув скрипучие ставни. Как и ожидалось, снаружи зияла непроглядная, чёрная как смоль пустота. Ни огней, ни силуэтов, лишь бездонная ночная тьма и тусклые блики луны на волнах. Что бы ни потревожило этот чарующий морской покой, оно уже скрылось в его бездонном чреве, исчезнув без всякого следа.

Я всё ещё вглядывался в пустоту, когда где-то позади меня раздался одинокий скрип.

Короткий, едва различимый, словно кто-то очень хотел незаметно прокрасться в мою каюту. Сердце на мгновение замерло, но затем забилось с такой отчаянной силой, что эхо его зазвенело в ушах. Я медленно вернулся к кровати и всмотрелся в щель дверного проёма.

И тогда я увидел...

В коридоре стоял Вильгельм. Он не двигался, не дышал, не подавал вообще никаких признаков жизни. Я не слышал ни скрипа лестницы, ни тяжёлого хлопка люка. Его силуэт просто возник из ниоткуда, словно блуждающий призрак. Минуту несколько долгих секунд, а он всё так же стоял у двери, явно не собираясь входить внутрь каюты. А его лицо, обычно улыбчивое и насмешливое, было зловеще скрыто в полумраке.

И тут мой взгляд, привыкший к темноте, уловил нечто, от чего кровь похолодела в жилах. Ведь в свете той самой, единственной свечи, Вильгельм должен был отбрасывать тень на противоположную стену.

Но тени не было.

Позади него были лишь гладкие доски, едва освещённые пламенем. Будто свет проходил сквозь Вильгельма, не замечая его присутствия. В ту же секунду на меня, словно сметающая волна, обрушилась непреодолимая тяжесть. Веки мгновенно налились свинцом, а ноги предательски подкосились. Я едва успел рухнуть на койку, прежде чем сознание поглотила густая, беспробудная тьма, унося в бездну неестественного, почти насильственного забытья.

Не знаю, сколько времени я провалился в этом тревожном сне. Но уже совсем скоро меня выдернуло из его недр нежное, но настойчивое покачивание за плечо.

— Проснись, соня! Моя очередь дрыхнуть! — раздался над ухом бархатный голос Вильгельма. — Лучше сходи-ка наверх, подыши воздухом. Виды за бортом этим утром крайне живописные.

Я медленно сел, протирая глаза. Обрывки ночного кошмара — глухие удары из трюма, зловещая тишина и тот самый силуэт без тени, стоящий в дверном проёме — ещё колотились в памяти, словно пойманные в силки птицы. Но в голове будто кто-то начисто стёр все тревожные пометки, оставив лишь смутное, беззубое воспоминание. Словно это был всего лишь дурной сон. За окном лилось пасмурное утро, я чувствовал себя более-менее отдохнувшим, и страх растаял, как туман под рассветным солнцем.

— С удовольствием освобожу постель, — я саркастично хмыкнул, спуская ноги с койки. — Случилось что-нибудь интересное, пока ты нёс ночной караул?

Вильгельм усмехнулся в ответ, и в его улыбке не было ни намёка на усталость.

— Нет, мой друг, — отмахнулся он. — Абсолютно ничего.

Пока он готовился ко сну, я наскоро оделся и поднялся наверх. Палуба встретила меня пронзительной, солёной свежестью. Солнце, бледное и размытое, медленно поднималось из-за линии горизонта, окрашивая небо и воду в свинцово-золотистые тона. А вокруг, словно заводные куклы, суетились матросы. Всё с теми же удивительно точными и безжизненными движениями.

Пытаясь пройти к корме, я неловко задел плечом одного из них — молодого парня в засаленной робе. Тот, не издав ни звука, мягко шлёпнулся на мокрые доски прямо у моих ног. Я замер, ожидая ругани или хотя бы удивлённого взгляда. Но матрос лишь молча поднялся на ноги. А его глаза, пустые и стеклянные, скользнули по мне без малейшей искры осознания.

Будто он наткнулся на бездушный предмет, а не на человека.

Затем он так же беззвучно продолжил свой путь, исчезнув в толпе других матросов. Тишина, царящая на корабле, отныне казалась мне всё более зловещей. Даже сегодня я не слышал ни привычного балаболовства, ни отрывистых команд, ни весёлых морских песен. К тому же создавалось ощущение, что никто из них не покидал палубу, проводя на ней целую ночь, не меняясь на дневной караул. Эта немая дисциплина начинала давить на сознание сильнее любой бури.

И тут, словно по мановению невидимой руки, навалившаяся тревога рассосалась, вновь уступив место странному, почти насильственному спокойствию. В голове чётко и ясно выстроились оправдания: «У всех свои странности. Это же румыны — горячий, но молчаливый народ. Возможно, они общаются как-то иначе, жестами или взглядами, а я просто не замечаю этого. Да и отсутствие сна среди подручных Вильгельма я вижу не впервые». Мысль показалась мне на удивление логичной, и я с облегчением принял её, как данность.

День пролетел незаметно. А когда часть команды спустилась вниз на обед, проявив-таки хоть какую-то долю человечности, я, не в силах представить себе трапезу в их безмолвной компании, отправился прямо к коку. Тот молча протянул мне миску с густым овощным рагу, вид которого был съедобным, но совершенно безрадостным.

Я решил вернуться в каюту, где в полумгле, под мерный скрип корабельных балок, спал Вильгельм с неподвижностью статуи. Примостившись на краю койки, я принялся за еду, чувствуя себя чуть менее одиноким в обществе мирно спящего друга, чем среди безжизненных матросов на палубе.

И когда я уже доедал рагу, мой взгляд упал на руки Вильгельма. Он лежал в неподвижном оцепенении, слишком неестественном для живого человека, сложив ладони на груди, словно мумия в тесном саркофаге. И между его бледных пальцев я разглядел то, чего раньше никогда при нём не замечал. Маленький, истлевший от времени тканевый мешочек с узором в виде неизвестного мне герба.

Что же он там хранит? Внутри меня вдруг зашевелилось любопытство, назойливое и безрассудное. Я отставил тарелку и, затаив дыхание, приблизился к его телу. Медленно, будто крадущийся вор, я аккуратно разжал пальцы его левой руки, что накрывала собой правую. Холодная, восковая кожа едва поддавалась на мои попытки.

Мешочек был уже почти у меня в руках, как вдруг освободившаяся рука Вильгельма метнулась вперёд со скоростью змеи.

Пальцы, тонкие и цепкие, как корни старого дерева, впились в моё запястье с такой силой, что я услышал хруст собственных костей, ахнув от боли и неожиданности. И в этот момент его глаза распахнулись. Два кровавых угля в маске из белого воска, полные первобытной ярости и дикого ужаса тотчас устали на меня. А обычно насмешливые черты исказились практически звериным оскалом, обнажив ослепительно белые, подозрительно заострённые клыки.

— Что ты делаешь?! — его голос прошёл по помещению глухой волной, словно доносясь из глубокой пещеры, больше напоминая рык голодного хищника.

— Я-я просто... просто хотел посмотреть... — мой голос прозвучал сдавленным шёпотом, а сердце забило в панической аритмии. — Прости! Я не хотел тебя будить!

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем пальцы Вильгельма медленно разжались, а напряжение в воздухе быстро сошло на нет.

— Ладно, — тихо сказал он, и голос его вновь стал привычным, хоть и усталым. — Могу тебя понять. Любопытство — сладкий, хоть и опасный порок. Но эта вещь очень дорога мне. Здесь хранится то немногое, что связывает меня с домом. Даже так далеко...

Его слова сквозили недосказанностью, будто за ними скрывалось нечто большее, чем простая тоска по родному гнезду. Но я не смел требовать большего.

— Понимаю. Прости ещё раз! — я попятился, ощущая, как стыд прожигает мне щёки. — Думаю, мне стоит уйти. Отдыхай.

Я выскочил из каюты, не оглядываясь. И лишь оказавшись на палубе, жадно глотая солёный воздух, я попытался привести в порядок хаотичные мысли. «Ничего страшного, просто разбудил уставшего человека, вот и всё...» — твердил я себе. Но кожа на запястье всё ещё пылала ледяным ожогом. И на ней уже проступал красноватый, едва заметный отпечаток его тонких пальцев. Я грубо одёрнул рукав, не желая видеть этот след. Но в глубине души, под толщей навязанного забвения, шевелилась мимолётная, но упрямая мысль: ничто на этом проклятом корабле, включая его хозяина, не подчинялось законам привычного мне мира.

Однако с каждым часом голос разума становился всё тише, безжалостно заглушаемый злобещим шёпотом этой новой, пугающей реальности.

А когда наступил ранний вечер, я вновь стоял на палубе, замороженный мимолётным зрелищем растекающегося по горизонту закатного солнца, превращающего волны за бортом в кроваво-золотое море. Мой внутренний художник вновь предпринял робкую попытку воззвать к вдохновению. Рука сама потянулась к этюднику, чтобы запечатлеть эту тревожную, зыбкую красоту. Но едва я представлял себе холст, как вдохновение истлевало, словно клочок бумаги в беспощадных языках пламени, оставляя после лишь пепел тревоги. И тогда вновь накатывало навязчивое, глубокое и неумолимое, как океанское течение, чувство: что-то здесь не так.

Будто сам воздух, которым я дышал, был пропитан ложью. Но каждый раз при одной лишь мысли об этом наступало успокоение, сладкое и подозрительное, словно мне в душу насильно вливали порцию опиума, и я почти убеждал себя, что всё в порядке. И чем дальше уносил нас этот корабль, тем тоньше становилась нить, связывавшая меня с прежней жизнью.

Совсем скоро ночь поглотила последние отсветы минувшего дня. И когда небо окончательно почернело, я вдруг осознал, что «Артемида» вошла в туман. Не в рассеянную морскую дымку, а в сплошную, молочную стену, непроницаемую и безмолвную. Вокруг не было видно ни огней, ни звёзд. Лишь слепая, гнетущая белизна. Воздух тотчас стал влажным и тяжёлым,

словно в заброшенном склепе. Даже ветер заметно утих, замерев в почтительном ужасе. Лишь волны, будто обезумевшие, с удвоенной яростью бились об борт, и корабль закачался с такой силой, что мне пришлось вцепиться в поручни, чтобы не рухнуть на палубу.

— Мрачновато, да? — Я вздрогнул, услышав за спиной знакомый голос.

К бесшумным появлениям Вильгельма невозможно было привыкнуть.

— Да, есть немного, — выдохнул я, продолжая держаться за фалышборт. — Вообще ничего не видно.

— Значит, мы почти добрались. Мне нужно быть начеку остаток пути, чтобы подготовиться к прибытию. Я освободил каюту, так что можешь пойти и поспать часть ночи.

В отличие от меня и матросов, его тело словно вросло в доски палубы, отчего он двигался в такт бушующим волнам с поразительной устойчивостью.

— Но солнце ведь только село. И почему только часть?

— Потому что мы прибудем к замку ещё до полуночи, и нас наверняка встретит кто-нибудь из семьи. Они у меня знатные полуночники. Поэтому обязательно велют подать поздний ужин, чтобы выразить почтение дорогому гостю, коих на нашем острове не было уже... да, в общем-то, никогда, — Вильгельм хищно улыбнулся, похлопав меня по плечу. — А перед трапезой я успею поводить тебя по замку и выделю какие-нибудь уютные покои. Так что отдохни сейчас, чтобы не клевать носом на нашей маленькой семейной встрече. Ты ведь не хочешь произвести дурное впечатление?

— Конечно, нет! — поспешно ответил я. — Обещаю, всё будет в лучшем виде!

— Не сомневаюсь...

Спустившись в каюту, я быстро разделся и лёг на койку, с трудом смыкая глаза. Однако постель, на которой несколько часов спал Вильгельм, сейчас была совершенно холодной, как камень в тёмном подземелье. Эта мысль, колючая и неприятная, заставила меня нервно ворочаться следующие несколько минут. Но вскоре тяжёлая, неестественная дремота снова навалилась на меня, унося в глубокие воды забытья, где не было ни тревог, ни вопросов, лишь безмолвное ожидание того, что откроется моим глазам в момент пробуждения.

И уже совсем скоро я был разбужен оглушительным грохотом над головой. Судя по звуку, вверху впервые творилось нечто беспорядочное: матросы метались по палубе как одержимые, создавая жутковатую какофонию из шагов и движений. Я по-прежнему не слышал ни криков, ни строгой команды — лишь призрачная суeta в преддверии чего-то особенного раздавалась в ночной тишине.

Не теряя ни минуты, я рванул вверх, на ходу застёгивая сорочку на продрогшем теле. Вильгельм стоял в носовой части корабля. Его силуэт едва вырисовывался в туманной мути, окутавшей корабль непроглядным саваном, в котором не было видно даже бушующих волн. «Артемида» шла вперёд в абсолютной мгле, словно ладья Харона, пересекающая Лету.

— Что происходит? — выдохнул я, едва увернувшись от промчавшегося мимо матроса.

— Мы почти прибыли, — не оборачиваясь, тихо ответил Вильгельм.

— Да? И как же ты это понял? — фраза вырвалась у меня с натянутой небрежностью, словно я жаждал укрыться от происходящего за привычной маской цинизма. Но даже мне эта попытка показалась жалкой и прозрачной, словно бумажный щит против стального клинка.

Встав рядом с хозяином корабля, я впился глазами в туман, в жалкой попытке подражать его невозмутимости.

— Я всегда чую приближение дома... — слова Вильгельма повисли в воздухе, многозначительные и пугающие. Но в них не было тоски. Лишь плоская, окончательная констатация факта, будто он говорил не о точке на карте, а о неотъемлемой, тёмной части самого себя.

И тогда началось.

Корабль, подобно острию ножа, вскрывал утробу тумана, и стихия ополчилась на нас в ответ. Лёгкий бриз превратился в яростный ураган, а волны забились о борт с удвоенной

силой, как если бы сама природа отчаянно пыталась отбросить корабль прочь. Я вцепился в фальшборт, чувствуя, как ветер рвёт одежду и слепит глаза. Матросы хватались за канаты и мачты, а их безмолвие стало ещё более зловещим в этом хаосе.

Однако Вильгельм оставался незыблем. Ветер, свирепствующий вокруг, будто не смел коснуться его силуэта. Ни один волосок не шелохнулся на его голове, а складки камзола лежали неподвижно, словно высеченные из мрамора.

Несколько долгих минут корабль сражался с этой внезапной бурей, как вдруг мы наконец вырвались из призрачных тисков ночной мглы. Воздух в мгновение ока очистился, и перед нами, в призрачном свете полной луны, появился остров, отгороженный от мира кольцом густого тумана.

Именно в этот самый миг я увидел его — Замок Лазарус.

Он возвышался из чёрных вод, как кошмар, рождённый самой ночью. Гигантский и пугающий в своих размерах, он опутывал своими строениями всю территорию острова. Все его бесчисленные извивы и скалы. Готические шпили замка впились в небо, словно рога исполинского чудовища. Стены, тёмные и мокрые, вздымались над морем неприступной цитаде-

лью. Ни в одном из бесчисленных окон не теплился свет. Лишь слепая, голодная тьма смотрела на нас из недр этой каменной крепости. Всё в этом жутком месте дышало древним злом и холодным величием, будто сама смерть возвела себе дворец на краю света. Он не приглашал — он подавлял. Он не сулил уюта — он вещал о вечном мраке.

Краем глаза я заметил, что Вильгельм наблюдает за мной. На его губах играла тонкая, хищная ухмылка. Он изучал мою реакцию, впитывая нарастающий страх, как нектар. И хотя разум, затуманенный неделями странного спокойствия, всё ещё шептал: «Всё в порядке», — моё чуткое сердце художника наконец вырвалось из оков забвения. Оно забилося в животной панике, взвыло в немом ужасе. И в этом отчаянном крике пронеслась мимолётная, леденящая душу мысль.

Это путешествие может стать для меня последним...

Глава 5

«*Артемиду*» медленно, словно крадучись, обогнула основание замка. К моему удивлению, корабль миновал одинокий причал под главными воротами, где сейчас качались лишь пара утлых рыбацких лодок. Вместо этого мы направились к задней, скрытой от посторонних глаз части острова. Здесь, в глубокой тени нависающих скал, зиял широкий, практически полноценно обустроенный причал, что легко мог бы вместить не меньше пяти больших судов. Корабль бросил якорь в этой мрачной гавани, и я, подняв голову, увидел головокружительную каменную лестницу, змеившуюся вверх по скале, к высоким воротам, не менее массивным, чем двери главного входа.

Однако мой взгляд куда сильнее привлекло другое судно, уже стоявшее здесь. И это была отнюдь не мирная шхуна. Грозный, чернобокий фрегат, утыканный жерлами пушек, молчаливо покачивался на волнах. Как и «*Артемиду*», он не имел флага. Словно корабль-призрак, чьё происхождение и цели тонули во мраке. Оставалось только догадываться, кому из семейства Лазарус принадлежал этот монстр.

Но все эти мысли в секунду померкли, стоило мне снова взглянуть на замок.

Вблизи он выглядел ещё более величественным и пугающим. Гигантское каменное строение, чьи шпили впились в брюхо туманного неба, казалось, выросло прямо из недр скалы. Бесчисленные окна, лишённые света, смотрели на меня слепым, равнодушным взглядом, а зубчатые башни напоминали разинутую пасть, готовую поглотить незваных гостей. Я пытался вообразить себе количество комнат, ходов, залов и галерей, таящихся внутри. Сколько слуг должно сновать по этим бесконечным коридорам, чтобы это поросшее мхом чудовище хоть как-то функционировало? Мой разум отказывался постигать масштабы этих лабиринтов, рождённых в кошмарном сне архитектора.

— Впечатляет, правда? — голос Вильгельма вернул меня к действительности. Его команда, словно муравьи, в безмолвной спешке отбрасывала трап, готовя корабль к разгрузке.

— До сих пор не могу поверить, что твоя семья живёт здесь, — признался я. — Это не те полу-особняки под Бухарестом, что я видел раньше. Скорее уж настоящая крепость, требующая целой армии слуг.

— Само собой. Благо, у нас их достаточно. Именно поэтому провиант и приходится везти целыми ящиками. Теперь-то тебя это не удивляет? — он усмехнулся, и его взгляд скользнул по моему лицу, прежде чем устремился куда-то вверх, в густеющий туман. — Я распорядился, чтобы твой чемодан доставили в гостевые покои. А мы пока можем пройти внутрь и поскорее познакомиться со всеми.

— Отлично! — отозвался я, стараясь вложить в голос больше энтузиазма, чем чувствовал.

Мы двинулись по мокрым камням причала, минуя матросов, выгружавших провизию, когда мой взгляд упал на один из ящиков, что стоял чуть в стороне. В отличие от остальных, он был пуст, а слегка покрытая плесенью крышка просто валялась рядом. Я бы не обратил на это внимание, если бы не одна странность.

Проходя мимо, я увидел на внутренней стороне его крышки... царапины. Не случайные сколы или трещины в старой древесине. А глубокие, рваные борозды. Словно кто-то с обезумевшей силой скребся изнутри, пытаясь вырваться из тесной темницы. И в этот момент ледяной холодок пробежал по моему позвоночнику. Но прежде, чем ужас успел оформиться в мысль, меня окликнул Вильгельм, уже стоящий возле лестницы.

— Эдгар? Ты идёшь? — Его голос прозвучал спокойно, но в нём слышалась стальная нотка, не терпящая промедления.

Не дожидаясь ответа, он пошёл дальше, быстро поднимаясь вверх по ступеням. Подол его сюртука мелькнул впереди, и мне ничего не оставалось, как, оторвав взгляд от зловещих следов, поспешить за ним, оставив тайну царапин растворяться в сыром, солёном воздухе старого причала.

Мы начали утомительный подъём по лестнице, вырубленной в самой скале. Каждый мой шаг отдавался эхом в каменистом основании острова, словно оповещая замок о скором приближении гостя. Усилившийся ветер трепал мои волосы и неприятно обжигал кожу, однако мой спутник шёл впереди с невозмутимой лёгкостью. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне нависающих башен.

И вот мы наконец оказались перед высокими дубовыми воротами, обитыми кованым железом, изрядно почерневшим от времени. Вильгельм положил ладони на массивные ручки, после чего посмотрел на меня через плечо. В его хищном взгляде угадывалось небывалое предвкушение, а на губах застыла знакомая ухмылка.

— Добро пожаловать в мой дом, дорогой друг! — произнёс он с театральным придыханием. — Входи свободно и по собственной воле.

Странная фраза повисла в воздухе без ответа. Но разве не странностью была пропитана вся эта авантюра с самого начала?

С лёгким скрипом, словно пробуждаясь от долгого сна, ворота распахнулись. Мы переступили порог, и тяжёлое полотно дуба захлопнулось за нами с глухим, финальным грохотом, отсекающим последнюю связь с внешним миром.

Первым, что ударило в нос, была странная смесь запахов: мебельного воска, старого дерева и сырого камня, будто мы вошли не в жилище, а в тёмную усыпальницу, забывшую тепло живой души. Затем взгляд скользнул по интерьеру. Кто-то явно пытался придать замку современный вид: стены просторной прихожей были затянуты бледно-бордовыми обоями с выцветшим викторианским узором, а на полу лежала потрёпанная временем ковровая дорожка. Но вековые строения явно не желали подчиняться. Обои местами отслоились, обнажая влажный, поросший мхом камень. Дорожка протёрлась до дыр, а под ней угадывались неровные плиты пола.

Всё это напоминало дорогой костюм, надетый на скелет. Или старую актрису, неумело и жадно нацепившую на себя все новомодные наряды, не сумев скрыть свою древнюю, увядающую суть. Люстры, должно быть, когда-то сверкавшие хрусталём, теперь были густо покрыты паутиной и пылью, а их свет едва разгонял густеющие в углах тени. Казалось, будто наше появление нарушило этот безмолвный многовековой покой.

Прихожая плавно перетекала в лабиринт узких, слабо освещённых коридоров, на стенах которых висели тусклые картины в потресканных рамах. Их сюжеты отныне были совершенно неразличимы, больше напоминая смутные пятна потемневших красок, словно размытые образы в сознании безумца.

Из этого полумрака перед нами бесшумно возникли несколько слуг. Они были одеты куда опрятнее корабельной команды — в старомодные бархатные жилеты того же пронзительного бирюзового оттенка, что был фирменным цветом одежды Вильгельма.

Однако с матросами *«Артемиды»* их всё же кое-что роднило...

Те же безэмоциональные, пустые взгляды, в которых читалась лишь пугающая немая покорность. Молча, с отточенными движениями, они сняли с нас дорожные плащи. Их прикосновения были быстрыми и безразличными, а кожа холодна, как металл пряжек на их униформе. Затем Вильгельм властным взмахом руки отослал их прочь, и прислуга тотчас растворилась среди множества арочных проходов, оставив после себя лишь звенящую, гробовую тишину.

Мы двинулись дальше, постепенно проходя всё глубже в сердце замка. И тут, посреди очередного узкого прохода, озарённого тусклым светом редких свеч, моё сердце ёкнуло. Из тени навстречу нам выпорхнула молодая девушка в чёрно-белом платье. Своим беззвучным

появлением она была похожа на Вильгельма, с его дурной манерой внезапно возникать из ниоткуда. Однако в её движениях была совершенно иная, куда более очаровательная и пленительная грация.

Она стояла перед нами, словно видение, рождённое самим сумраком замка. Её волосы были не просто рыжими — они пылали медным пожаром, отливая в темноте тревожным багрянцем, словно кровь, пролитая на бархат. А её глаза... были того же пронзительного, почти демонического алого оттенка, что и у Вильгельма. Но в них плескалось не холодное высокомерие, а живое, колкое любопытство, с которым она изучала моё лицо.

Я замер, чувствуя, как глупая, восторженная улыбка застывает на моих губах. Девушка была до неприличия прекрасна. С той самой запретной, почти божественной красотой, что заставляет сердце сжиматься от восторга и необъяснимой тоски. Вне всяких сомнений, это была сестра Вильгельма. Из его рассказов я представлял её наивной девочкой, мнящей себя принцессой, запертой среди старых залов и высоких башен. Но передо мной стояла настоящая юная леди, с осанкой королевы и взглядом хищной кошки, только что проснувшейся после долгого сна. Видимо, умение доминировать одним лишь молчаливым присутствием — их фамильная черта.

Она была почти моего роста, на вид лет восемнадцати, не больше. Однако в чертах её лица читалась не смущённая девичья мягкость, а уже сформировавшаяся, опасная женственность. Белоснежная кожа, идеальная, словно лик фарфоровой куклы, удивительно сочеталась с цветами её платья. Эта девственная, хрупкая бледность одновременно вызывала восторг и леденящий душу трепет, ибо под ней скрывалась та же мрачная загадочность, что исходила от её брата.

Задержав на мне оценивающий взгляд, она внезапно рассмеялась. Звонко, как колокольчик, пусть и с лёгкой фальшью. А затем вдруг бросилась на шею Вильгельму.

— Здравствуй, братец! Ты привёз мне подарок с Большой земли? — воскликнула она, практически повиснув на нём. Голос девушки был сладким, как патока. Однако мне показалось, что взгляд её алых глаз на мгновение вновь скользнул в мою сторону.

Я был слегка смущён, но меня поразило иное: она тоже говорила на почти безупречном английском. Пусть и с чуть более выраженным акцентом. И я мог бы объяснить себе это интересом к нашей культуре, но неужели они даже в стенах родного дома общаются на чужом наречии?

— Увы, сестрёнка, был слишком занят, — Вильгельм мягко освободился от её объятий. — Зато привёз нам дорогого гостя. Прошу любить и жаловать — Эдгар Ван Хёрст. Художник и реставратор из Лондона.

На её лице мелькнула тень разочарования, быстро сменившаяся ослепительной улыбкой.

— Что ж, рада познакомиться, мистер Ван Хёрст! Боюсь, у нас так давно не было гостей, что мой брат совсем забыл о приличиях и не удосужился представить вам меня, — она с озорным укором взглянула на Вильгельма, но тот лишь закатил глаза. — Так позвольте же сделать это самой. Грета Лазарус.

Она медленно, с театральной грацией, стянула кожаную перчатку с левой руки, обнажив бледную кисть с тонкими, изящными пальцами. Я, подчиняясь вековому ритуалу, склонился для поцелуя. Её кожа оказалась обжигающе холодной, как мрамор в старом склепе.

— Ах, неужели в нашем доме появился настоящий джентльмен? Умоляю, оставайтесь на подольше! — Грета игриво усмехнулась, и этот звук был сродни чистейшему звону хрустала.

Она натянула перчатку обратно и уже было сделала шаг, чтобы уйти, как вдруг обернулась. И её взгляд изменился, став более пристальным и пронизывающим.

— Добро пожаловать в замок Лазарус, мистер Ван Хёрст. Надеюсь, вам у нас понравится...

И с этими словами она исчезла за ближайшим поворотом, оставив после себя лишь тяжёлый, сладковатый шлейф парфюма, пахнущего увядающими розами.

— Вот ведь заноза, да? — спросил Вильгельм, глядя ей вслед.

— Она удивительна! — выдохнул я, всё ещё ощущая на губах ледяной ожог её кожи.

— Многие так считали. Но не позволяй ангельскому личику себя обмануть. Поверь, в этом омуте чертей больше, чем в *«Божественной комедии»*.

Мы двинулись дальше, и с каждым шагом мрачное очарование замка начинало обретать всё более зловещие черты. Коридоры, казалось, уходили в бесконечность, поглощаемые тьмой, которая была не просто отсутствием света, а некой плотной, почти осязаемой субстанцией. Повсюду толстым слоем лежала пыль, словно её копили здесь веками. Я жаждал увидеть хоть какие-то следы жизни — разбросанные вещи, забытые безделушки, малейший намёк на уют. Но вопреки ожиданиям здесь царила абсолютно стерильная, мёртвая пустота, словно все обитатели замка были лишь призраками, обречёнными вечно бродить по этим залам.

Изредка мы встречали на пути слуг, чьи жилеты теперь были и других цветов, очевидно, каким-то образом разделяя их на отдельные группы. Большинство из этих молодых и не очень мужчин и женщин проносились мимо нас с тряпками и щётками в руках. Беззвучные и безликие, словно манекены, они тщетно пытались хоть немного оживить это богом забытое место. Их движения были отточенными, но безжизненными, будто они были всего лишь частью общего убранства. А упрямая пыль, будто живой организм, лишь вновь оседала на полированные поверхности, едва они отворачивались.

Что поражало больше всего — это царивший вокруг полумрак. Немногие горящие свечи в канделябрах отбрасывали трепещущие тени, которые лишь подчёркивали непроглядную тьму в боковых галереях. И с каждым шагом я всё больше поражался тому, как легко Вильгельм ориентируется в этом лабиринте. Он двигался вперёд с уверенностью сомнамбулы, будто видел в темноте так же ясно, как при свете дня.

Вскоре мы вышли в главный зал. Просторное помещение с высоким, теряющимся в тенях потолком, должно было поражать своим великолепием, но вместо этого наводило тоску. По стенам, облачённым в тёмно-зелёные обои, висели ряды портретов в позолоченных рамах. Бледные лица с пустыми глазами, казалось, с молчаливым укором взирали на нас с высоты. Две массивные витые лестницы из лакированного дерева вели наверх, в ещё более гнетущие ярусы. По центру зала тянулся длинный, выцветший алый ковёр, словно след давно прошедшей кровавой реки.

Именно здесь я заметил странность, от которой по спине пробежал холодок: все окна, встречающиеся на нашем пути, были наглухо заколочены массивными досками. Ни один лучик лунного света не мог пробиться внутрь, а значит, и дневное солнце никогда не озарит эти помещения. Мысль о жизни в вечном мраке на мгновение вызвала у меня настоящую дрожь. Благо мы не стали задерживаться здесь надолго, практически сразу пройдя в смежное помещение, и я тотчас замер на его пороге.

Это была библиотека.

Но здесь таилось не просто собрание книг. Это был настоящий храм знаний, возведённый в масштабах, достойных королей. Бесчисленные стеллажи из тёмного дуба уходили ввысь, к самому потолку, прогибаясь под тяжестью массивных фолиантов. В воздухе витал священный аромат — смесь старой кожи, пожелтевшей бумаги и воска.

— А это центр наших скромных домашних собраний! — с горделивой иронией в голосе произнёс Вильгельм. — Чую, тебе здесь понравится. Мы, Лазарусы — большие ценители знаний. Особенно о жизни различных культур. Всё, что можно узнать о мире по ту сторону моря, собрано здесь. Ну, или почти всё. Стараемся возить актуальные книги из каждого путешествия. Надо же в нашей глуши хоть как-то соприкоснуться с культурой и следить за прогрессом.

Я прошёл вперёд. Моё трепетное сердце художника и книгочея, учащённо забилося. Пространство между стеллажами было обставлено низкими диванами и глубокими креслами, заманчиво приглашая погрузиться в чтение на долгие часы. На свободных участках стен висели

портреты прославленных творцов и великих умов — Ньютона, Канта, Рубенса, Шекспира — словно лики святых в этом пантеоне знаний и искусства.

Но больше всего меня поразили сами книги. Некоторые переплёты выглядели столь древними, что, казалось, их страницы могли рассыпаться от одного лишь неловкого прикосновения, унося с собой мудрость давно забытых эпох. Лазарусы, должно быть, потратили целое состояние, выкупая эти раритеты из частных коллекций или выигрывая на аукционах. Иронично, но в этом оплоте тьмы, похоже, хранилось больше света человеческой мысли, чем в большинстве университетских чертогов.

Мы углубились в лабиринт между стеллажами, и тут Вильгельм внезапно оживился.

— О, а вот и мой дорогой братец! — возгласил он, и в его голосе прозвучала сложная смесь насмешки, родственной теплоты и чего-то ещё, тёмного и ревнивого.

Если бы Вильгельм не обратил моё внимание, я бы, наверное, и не заметил мальчишку, развалившегося в одном из множества кресел. На вид ему было не больше двенадцати лет. Худощавый, с угловатыми коленями и плечами подростка. Его тёмные, выующиеся волосы, похожие на мои, были всклокочены, а лицо, лишённое утончённости Вильгельма и Греты, дышало преждевременной усталостью и цинизмом. Но алые, как у всех Лазарусов, глаза горели на бледном лице холодным, оценивающим огнём, не оставляя сомнений в его происхождении.

Я сделал шаг для приветствия, и его взгляд медленно поднялся на меня. Но в нём не было детского любопытства. Лишь до ужаса глубокая, почти физическая усталость и отстранённое презрение, словно он видел перед собой не человека, а надоедливую муху.

— С возвращением, Вилли! — его голосок был высоким, но интонации — измождёнными, почти старческими, полными неизменного презрения. — Смотрю, ты не слишком-то скучал в путешествии. И даже прихватил с Большой земли новую игрушку.

Его внешний вид лишь подчёркивал наглость: растрёпанные волосы, мятая, небрежно застёгнутая сорочка, поношенный жилет с грубыми штопками. В ином месте я принял бы его за уличного сорванца. Но здесь, в этой оправе из вековых книг и бархата, он выглядел как кощунственная пародия на аристократа. Однако Вильгельм, казалось, был не то что не оскорблён, а даже развлечён. Он терпеливо усмехнулся, положив руку мне на плечо.

— Ты, как всегда, невыносимо бестактен, Юлиан, — произнёс он без единой нотки раздражения. — Но будь так добр, прояви хоть немного такта. Ведь перед тобой наш гость — Эдгар Ван Хёрст. Талантливый художник из Лондона.

Юлиан тяжело вздохнул, словно от непосильной ноши, и нехотя поднялся с кресла.

— Ну, раз уж из самого Лондона! — он раскинул руки в преувеличенном, почти шутовском жесте. — Смилуйтесь, сэр Ван Хёрст, простите невежду! Не признал в вашей просвещённой особе посланца высокой культуры! — Его слова были густо сдобрены язвительным сарказмом, но в алых глазах, тем не менее, мелькнула острая, хищная заинтересованность. — Надеюсь, мой братец сделает всё, чтобы ваш визит вышел запоминающимся.

Он склонился в неуклюжем, нарочито утрированном реверансе, и его улыбка внезапно обнажила неестественно острые клыки. А когда он приблизился, я уловил странный букет из запахов кожаного масла, горьких трав, старой ткани и... алкоголя?

Закончив с представлением, Юлиан с размаху рухнул обратно в кресло, словно его конечности были налиты свинцом. Затем он протянул руку и схватил стоявшую на столе откупоренную бутылку красного вина.

И не меняя выражения лица, с видом истинного пропойцы принялся пить его большими глотками прямо из горлышка.

— А ему... — прошептал я, шокированный увиденным, но Вильгельм мягко перебил.

— Не обращай внимания, — его голос звучал почти нежно. — Юлиан у нас мальчик... особенный. И от того ему многое позволено.

Позволив брату утопать в его алкогольном уединении, Вильгельм повёл меня дальше вглубь змеиного логова коридоров. Но я не выдержал и, схватив его за рукав, остановил посреди звенящей тишины.

— Послушай, — начал я, понизив голос, словно стены могли нас подслушать, — почему вы даже здесь, у себя дома, говорите на английском?

В глазах блондина мелькнула тень развлечения. Он сделал паузу, будто подбирая слова, которые я смогу переварить.

— Практика, мой дорогой Эдгар. Всего лишь практика, — он мягко высвободил рукав. — Язык — это ключ. А английский, надо признать, отпирает множество дверей в современном мире. Да и большинство значимых трудов, научных и культурных, издаются именно на нём. Когда постоянно читаешь и пишешь на чужом наречии, оно постепенно становится для тебя привычным.

Он сделал шаг вперёд, и тень скользнула по его лицу.

— К тому же, — его тон стал слегка снисходительным, — ты общался пока лишь с нами. Младшим поколением. Наш разум куда более... податлив. Но едва ты услышишь речь предков, сразу поймёшь, сколь труднее язык даётся уму, отягощённому грузом традиций.

В его голосе прозвучала лёгкая, почти неуловимая насмешка, но было ли это презрением к старшим или просто констатацией факта, я понять не успел.

— Что ж, — вздохнул я, чувствуя, как от его объяснений загадок только прибавилось. — Ладно. Пойдём.

И мы снова зашагали вперёд, вглубь вечной ночи замка, оставив за спиной очередной неразрешённый вопрос. Ещё один призрак, присоединившийся к сонму других, что неслышно следовали за нами по пятам.

Мы шли так долго, что я начал терять счёт времени. Коридоры западного крыла отличались от всего увиденного ранее: стены здесь были обиты потёртым багровым бархатом, а под ногами лежали толстые ковры, приглушавшие наши шаги. Я смутно понимал, куда мы направляемся, когда в конце галереи перед нами возникли высокие, побелевшие от времени двери с позолоченной лепниной, осыпавшейся, как истлевшая кожа.

У входа, подобно стражам, замерли двое слуг в алых, до неприличия ярких жилетах, блестящих, как свежая кровь. Вильгельм кивнул, и они молча расступились, словно марионетки, чьи нити дёрнул невидимый кукловод. Двери отворились беззвучно, и я застыл на пороге, поражённый зрелищем...

Передо мной открылся театральный зал. Гигантский, многоярусный, с рядами пыльных бархатных кресел, уходящих в полумрак. Где-то в вышине терялся расписной потолок с потускневшими фресками. Всё здесь дышало былой роскошью, ныне обветшалой и печальной: обдранная краска, протёртый до дыр шёлк, паутина в позолоченных ложах. А на сцене, освещённой скудным светом софитов, суежилась прислуга, расставляя грубые деревянные декорации, будто готовясь к грандиозной премьере.

Но моё внимание куда сильнее привлекла женщина в центре сцены.

Она репетировала с кипой помятых бумаг в руке, и её игра была... в целом сносной, но явно лишённой искры. Каждое движение казалось заученным, а мимика — преувеличенной. Однако когда она вдруг запела, её голос был подобен тягучей струе мёда. Тёплый, бархатный, завораживающий. Он быстро заполнил зал, превращая убожество декораций в настоящий храм искусства.

Но не только голос её был прекрасен. Даже с этого расстояния я видел эту ослепительную красоту: волосы цвета вороного крыла с редкой сединой, идеальные черты лица, гордую осанку,

формы, что могли бы вдохновить скульптора на шедевр. Она явно была из тех актрис, чьими подмостками должна служить не сцена, а скорее будуары богатых покровителей.

— У вас в замке что... и полноценный театр есть? — выдохнул я, не в силах скрыть изумления.

— Ага, — усмехнулся Вильгельм. — Дед приобрёл землю острова вместе с этим странным наследием. Возможно, когда-то здесь ставили настоящие шекспировские драмы или какие-нибудь лихие спектакли. Но сейчас эта сцена принадлежит лишь одной-единственной актрисе.

— Всего одной? — переспросил я, переводя взгляд на сцену, внезапно обнаружив, что она пуста. А на месте женщины остались лишь скользящие по воздуху листки с текстом. — Но...

— Вы не впечатлены? — раздался позади меня дивный, певучий голос.

Я вздрогнул и резко обернулся. Она стояла в двух шагах, возникнув из тени так же бесшумно, как и все обитатели этого замка. А на её губах играла лёгкая улыбка.

— Простите, юноша. Я не хотела вас напугать, — её голос был низким и глубоким, с хрипловатой ноткой, явно возникшей от долгих репетиций на сцене.

Теперь, вблизи, я разглядел её лучше: высокая, с осанкой королевы, в платье цвета крови, от которого веяло театральным трауром, она держала в пальцах длинный мундштук с тлеющей сигаретой на конце, от которой тянулась тонкая струйка дыма, пахнущего горьким табаком.

Её акцент действительно был куда заметнее, чем у Вильгельма, придавая речи архаичный, но экзотический шарм. А её алые глаза, холодные и всевидящие, словно у хищной птицы,

медленно скользили по мне, взвешивая и оценивая, будто я был не более чем привлекательным лотом на аукционе.

— Нет, что вы! Я просто был слегка... ошеломлён, — выдавил я, чувствуя, как под этим взглядом я превращаюсь в мальчишку, пойманного на шалости.

— Рад вас видеть, дорогая матушка! — Вильгельм вступил в разговор, сбрасывая возникшее напряжение. — Я провожу для нашего гостя небольшую экскурсию. Мы не хотели мешать вашему творческому процессу. Честно говоря, я был уверен, что вы сейчас заняты... немного другими делами.

— О, вы мне совсем не помешали! — рассмеялась женщина, и звук этот был похож на звон хрустальных бокалов. — Напротив, вы стали моей единственной аудиторией в эту тоскливую ночь. Марианна Лазарус, — торжественно произнесла она, словно даруя мне величайшую милость.

Я запоздало принял её руку в кожаной перчатке.

— Эдгар Ван Хёрст, — со всей галантностью представился я, согнувшись в почтительном поклоне.

— Какое благозвучное имя! Вы, должно быть, англичанин?

— Верно. Я прибыл из Лондона. Надеюсь найти здесь новый виток вдохновения для своих картин. И, признаюсь, я очень рад встретить в этом царстве теней ещё одного служителя искусства.

Марианна тотчас ахнула, робко приложив кончики пальцев к алым губам.

— Надо же! Не сомневайтесь, герр Ван Хёрст, ваша радость взаимна! Вильгельм, непременно побереги для меня этого юношу, — её взгляд снова скользнул по мне, на сей раз с откровенным, почти голодным интересом. — Мы обязательно должны побеседовать с вами о современном искусстве. Но, боюсь, сейчас меня ждут иные дела, не терпящие отсрочки. Кстати, дорогой сын, раз уж ты здесь, значит, привёз с собой новую партию провизии. Я немедленно отдам распоряжение на кухню, чтобы подавали ужин на... семерых, надо полагать? Вы ведь присоединитесь к нам, юноша? — её голос окутал меня сладким, дурманящим ядом, и сопротивляться ему было бесполезно.

— Непременно! — ответил я.

— Вот и прекрасно! — вновь вклинился Вильгельм. — Раз уж всё семейство бодрствует в этот час, не подскажите, где сейчас отец?

Марианна издала короткий, сухой звук, одновременно похожий на смешок и презрительное шипение кошки. Казалось, одно лишь упоминание мужа обожгло её, словно кислота.

— Да известно где! Чахнет в своих покоях, как старый дракон над золотом, — выпалила она и резко развернулась, хлопнув в ладоши с такой силой, что звук отозвался эхом под сводами зала. Прислуга на сцене мгновенно замерла, а затем бесшумно растворилась в темноте кулис, подобно перепуганным тараканам.

Я остался в лёгком ступоре, пытаюсь осмыслить этот взрыв скрытой ярости. Но разве Вильгельм не предупреждал, что его семья своеобразна? Что ж, теперь я видел это воочию.

Мы молча поклонились удаляющейся Марианне и снова ступили в лабиринт коридоров, взяв направление на юг замка. И, что было куда ощутимее, теперь мы двигались вверх. Через бесконечные спирали башенных лестниц, узких и душных, словно внутренности огромного каменного змея. Ступени, стёртые поколениями шагов, были неровными и коварными. Мои ноги быстро налились свинцовой усталостью, а дыхание предательски сбилось. Вильгельм же парил по ступеням с невесомой грацией, будто земное притяжение было для него пустым звуком. Коридоры башен становились всё теснее, а потолки — ниже, давя грузом векового камня. И здесь, на высоте, снова своя особая прислуга, облачённая на сей раз в пышно-пурпурные жилеты.

— Я так понимаю, персонал разделён по цветам не случайно? — выдохнул я, пытаюсь отвлечься от ноющей боли в бёдрах.

— Разумеется, — безразлично бросил Вильгельм. — Так проще. Бирюзовые — мои. Чёрные — деда. Зелёные — Юлиана. Белые — Греты. Алые, как ты видел, — матушкины. А эти, пурпурные, — отцовские.

— Неплохо придумано, — пробормотал я, хотя мысль о том, чтобы маркировать людей, как скот, вызывала у меня лёгкую тошноту.

Мы миновали массивные дубовые двери, наглухо запертые тяжёлым стальным замком. Он выглядел древним и зловещим, словно охранял какой-то страшный секрет. Меня пронзило любопытство: что же скрывается за этими воротами? Но Вильгельм, не замедляя шага, прошёл мимо, и мы продолжили свой путь в самый верх башни.

И вот мы наконец вошли в помещение, от которого у меня на мгновение перехватило дыхание. Но не от восторга, а от ослепляющей безвкусицы. Это была не комната, а скорее уж манифестация чудовищного богатства, лишённого всякого намёка на стиль. Стены, обитые пурпурным бархатом, кричащим своей насыщенностью, были увешаны картинами в тяжёлых, вычурных рамах. Все они изображали яркие батальные сцены или тучных, самодовольных вельмож, написанные с техническим мастерством, но полным отсутствием души.

Уж в этом я хорошо разбирался...

Повсюду стояли безделушки из золота и слоновой кости — без всякого порядка и смысла, как если бы их скупали ящиками на распродаже. Воздух здесь был густ от запаха дорогой политуры, воска и пыли, но в нём не было ни капли уюта. Лишь тяжёлое, давящее величие. И в центре этого кричащего изыска, восседая в тронном кресле из позолоченного дерева, нас ожидал мужчина.

— Младший! — его голос прозвучал хрипло, словно скрип несмазанных петель, и он взмахнул рукой с бокалом, расплескав на пол несколько капель вина, тёмных, как запёкшаяся кровь.

«Младший? Но Вильгельм явно был старше Греты и Юлиана...» — промелькнуло у меня в голове, но я оставил эту мысль при себе.

— Эдгар, позволь представить моего отца — Авраама Лазаруса, — голос Вильгельма был ровным, но в нём слышалась лёгкая напряжённость. — Искусного морехода и страстного коллекционера-антикварщика.

— Коллекционера? — в изумлении переспросил я.

— Антикварщика, — с ухмылкой поправил Авраам, и его взгляд скользнул по мне, острый и оценивающий, как взгляд торговца на рабском рынке. — И это чистая правда! Не могу отказать себе в удовольствии притащить домой очередную дорогостоящую безделушку. Кстати, твои карманные часы весьма неплохи. За сколько отдашь? — он обнажил зубы в улыбке, и среди ослепительной белизны вспыхнули золотые коронки, словно глубоко спрятанные сокровища.

Мои пальцы машинально коснулись цепочки на жилете.

— Я... не планировал их продавать.

— Да это шутка, Эдди! Расслабься! — он откинулся в кресле. — У меня и своих часов полно, по сравнению с которыми твои — просто дешёвая побрякушка.

Его грубость резала слух, но я собрал волю в кулак, стараясь сохранить достоинство.

— Тем лучше. Вильгельм сказал, вы мореход. Стало быть, тот корабль у пристани — ваш?

— Ага. Старушка «Удача», — с нежностью произнёс он. — Сколько разного добра я на ней перевёз, уже и не счесть. А уж сколько кораблей отправил на дно!

— Простите? — я замер, не понимая, говорит ли он серьёзно или это очередная глупая шутка.

— Ах! — фальшиво усмехнулся Вильгельм, и его пальцы слегка сжали моё плечо. — Старику, должно быть, вино в голову ударило! А нам уже пора идти дальше. Только будьте так добры, отец, не опаздывайте к позднему ужину. Сегодня он... особенный.

— Из-за твоего гостя, надо полагать? — Авраам лениво закрутил ус. — Что ж, тогда явлюсь ровно в девять!

Его акцент был гораздо грубее и резче, чем у Марианны. И даже самые изысканные английские слова в его устах звучали бы как похабная поговорка, выкрикнутая в портовом пабе.

— Благодарю, — коротко бросил Вильгельм и решительно повёл меня к выходу.

«Ну и семейка...» — пронеслось в моей голове. А следом — горькая мысль о том, что обратный путь через все эти башенные проходы обещал быть не менее долгим и утомительным.

Мы двинулись вниз, и вскоре моё первоначальное любопытство сменилось усталым раздражением. Бесконечные переходы и лестницы начали сливаться в одно серое, изматывающее полотно. Но чем глубже мы спускались в недра замка, тем сильнее я чувствовал нечто совершенно иное: пронизывающий холод, впивающийся в кости, словно ледяные иглы, заставляя зубы стучать в такт нашим шагам.

Вскоре мы оказались в тесной кладовой, полки которой ломились от овощей в плетёных корзинах, мешков с зерном и мукой, а в стене зияла чёрная пасть огромной, потухшей печи. Единственное окно было наглухо заколочено, и лишь тонкие, бледные лучи луны, похожие на призрачные пальцы, пробивались сквозь щели, не в силах прогнать мрак. И тогда я заметил, что, несмотря на лютый холод, дыхание Вильгельма не превращалось в пар, будто его лёгкие были нечувствительны к морозу.

— Ч-что это за место? — пробормотал я, ёжась от холода.

— Раньше здесь был вход в катакомбы. Хотя, формально, он и сейчас есть, — он указал на тёмный проём в глубине комнаты. — Но из-за сквозняков здесь обустроили кладовую. Обычно тут трудятся слуги деда, подготавливая и обрабатывая часть провизии. Но сейчас они, очевидно, заняты ужином.

— И зачем же ты привёл меня сюда? — я обхватил плечи руками, пытаюсь согреться.

— Хочу представить тебя главе нашего семейства — дедушке Иакову! — Вильгельм сделал паузу, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на смесь трепета и опасения. — Но, боюсь, он плохо говорит по-английски. И ещё... ты, должно быть, уже заметил забитые окна? Видишь ли, у деда редкая болезнь. Солнечный свет для него смертелен. Малейший луч оставляет на коже ожоги, будто от раскалённого железа. Поэтому он обитает... там.

Он снова указал на чёрный провал в стене.

— Хочешь сказать, что твой дед живёт в катакомбах? — я не мог в это поверить.

— Знаю, это кажется немного странным, — его голос прозвучал слишком гладко, будто заученная фраза. — Но ему так действительно комфортнее. А мы из солидарности забили окна. Чтобы он мог хотя бы изредка посещать совместные семейные мероприятия. Да и нам без солнечного света более чем терпимо.

Что ж, это объясняло их семейную бледность. Пусть и оставалось слишком уж диким. В словах Вильгельма хоть и была логика, но какая-то кривая, вывернутая, как отражение в треснувшем зеркале. Но я, ошеломлённый холодом и всей этой странностью, лишь кивнул.

— Что ж, ладно. Так мы идём?

— Конечно! Только... постарайся не пугаться его внешности. Скажем так, тьма наложила на него свой отпечаток. Да и вообще, лучше держись рядом со мной. — В последних словах Вильгельма слышалась неподдельная тревога, и это испугало меня куда больше, чем любые предостережения.

Катакомбы встретили нас гробовым холодом и запахом векового тления. Стены, сложенные из грубого камня, местами поросли мхом. Ржавые железные решётки, словно рёбра древнего чудовища, преграждали боковые ходы, а в кованых держателях торчали обугленные останки факелов. Казалось, их пламя погасло сотни лет назад и уже никогда не возгорится вновь. Вильгельм, захвативший из кладовой керосиновый фонарь, внезапно вручил его мне.

— Подержи-ка... Де-е-ед! — его крик разнёсся эхом по каменным сводам. — Это я, Младший! Выходи!

— Слушай, а почему «Младший»? — спросил я, чувствуя, как тьма вокруг начинает давить на сознание. — Ты ведь старший из вашей троицы.

— А? Ну, так уж повелось, — он отвёл взгляд. — Просто кличка.

Его ответ показался мне уклончивым, но я не стал настаивать.

— Де-е-е-ед! — вновь прокричал Вильгельм, и его голос растворился среди камня, так и не встретив ответа.

Я отошёл на несколько шагов, поднимая над головой фонарь. Его свет выхватывал из мрака низкие, зарешечённые камеры с грубыми каменными полами.

— Слушай, а зачем здесь вообще нужны эти помещения? — прошептал я, и мой голос был беспощадно поглощён окружающей тишиной.

— Да кто ж его знает? — отозвался в темноте Вильгельм, и в его тоне слышалось напряжение. — Дед купил замок в его первозданном виде. Может, в былые времена тут сидели пленники какого-нибудь герцога или... графа.

Я медленно шёл вперёд, и вдруг свет фонаря выхватил нечто любопытное. Участок пола между камерами был наскоро заколочен грубыми досками. Они лежали неровно, будто их набросали в спешке, чтобы скрыть чёрную дыру, зияющую в каменной плитке. Меня охватило щекочущее нервы любопытство, смешанного с леденящим предчувствием. Из щелей между досками тянуло мёртвенным сквозняком. Я наклонился, пытаюсь разглядеть, что там.

Но в этот момент тишину вдруг разорвал странный, шелестящий звук, словно кто-то развернул огромный кожаный плащ. Я вздрогнул и поднял фонарь выше, пытаюсь разогнать мрак.

— Вильгельм? — позвал я, и голос мой дрогнул.

Ответа не последовало. Лишь глубокая, всепоглощающая тишина, в которой собственное сердцебиение казалось оглушительным барабанным боем. Сделав несколько неуверенных шагов вперёд, я увидел в свете фонаря арку, скрывавшуюся во тьме. А в ней — неподвижный тёмный силуэт. Облегчённо выдохнув, я рванулся к нему.

— Фух! Слава богу ты нашёлся! А я уж было решил, что...

Я замер в нескольких шагах от силуэта. Фонарь в моей дрожащей руке выхватывал из мрака всё больше новых пугающих деталей. И теперь я совершенно точно понял — это был не Вильгельм. Очертания были слишком угловатыми, слишком неестественными, а сама фигура казалась одновременно твёрдой и невесомой, будто вырезанной из самой тьмы. И тогда я осознал, что стою лицом к лицу с чем-то древним, чудовищным и совершенно нечеловеческим.

А затем силуэт пришёл в движение. Он буквально поплыл ко мне, бесшумно и плавно, словно ожившая тень. И тогда свет фонаря вырвал из мрака пугающие черты: лысая голова, кожа, натянутая на череп, заострённые уши, торчащие, как у летучей мыши. И глаза... два алых угля, пылающие в глубоких тёмных глазницах, полные нечеловеческого голода и древней, беспощадной злобы. Они впились в меня, и в них не было ни капли человеческого. Лишь первобытный инстинкт хищника, учувшего добычу.

Из горла вырвался сдавленный стон. Я отшатнулся назад, споткнулся и рухнул на каменный пол. Фонарь с глухим звоном ударился о плиты, и стекло его стенок треснуло. Направление света исказилось, погрузив старика обратно в тень. Но два красных ока продолжали пылать в темноте, неотрывно следя за мной.

Слепой, животный ужас заставил меня схватить фонарь и вновь направить его вперёд. В панике я слегка порезал ладонь одним из осколков стекла, совершенно не чувствуя боли в приступе сковывающего страха. И тогда дрожащий луч выхватил из мрака искажённую усмешку на иссохшем лице. Из складок чёрной мантии выглянули две костлявые ладони с изогнутыми когтями, острыми как бритвы. Они потянулись ко мне, медленно и неумолимо, словно желая вцепиться мне в горло.

Я попытался отползти назад, пятясь по холодному камню, не в силах подняться. Голос отказывался повиноваться, издавая лишь бессвязное, жалкое бормотание. И когда силуэт бледного старика почти вплотную приблизился ко мне, а его руки едва не коснулись моего лица, между нами вдруг возникла другая фигура.

Это был Вильгельм. Он встал передо мной, словно живой щит. Его спина была напряжена, а рука поднята в успокаивающем жесте.

— Дедушка Иаков! Это же я, ваш дорогой Вильгельм! — голос моего спутника прозвучал нарочито легко, словно мы столкнулись на светском рауте, а не в подземном узилище.

И тут я вдруг почувствовал себя полным идиотом. Он же предупреждал. Болезнь, темнота, уродство. Стыд за свою панику заставил меня поспешно подняться и отряхнуться, на ходу подбирая фонарь.

При свете, падающем теперь на нас троих, старик преобразился. Он выпрямился, сложив руки перед собой в почти благородной позе, и поправил складки мантии. Его движения, мгновение назад бывшие струящимися и змеиными, теперь обрели некую старческую, почти церемонную чопорность. Пламя в его глазах угасло, сменившись лишь старческим любопытством. В мерцающем свете фонаря, рядом с Вильгельмом, он уже не казался воплощённым кошмаром.

Однако что-то глубоко внутри меня, за гранью разума, продолжало быть в немой панике.

Иаков нахмурился, переводя тяжёлый, изучающий взгляд то на Вильгельма, то на меня. Наконец его внимание остановилось на внуке. Он громко хмыкнул, а затем раскинул руки в театральном жесте, и его лицо расплылось в улыбке, обнажив ряд неровных, неестественно острых зубов.

— Вильгельм! Блаженный сфет оччей моикх! — его голос пророкотал, словно колесо по булыжнику. — Какх ше я рад твоему фозвращению, мой доррогой мальчик! — Каждое слово он выговаривал с мучительным усилием, коверкая звуки так, будто его язык был сделан из камня. Вильгельм был абсолютно прав, его английский крайне далёк от идеала.

— *Eu însumi mă bucur să mă întorc pe insula mea natală*, — плавно ответил Вильгельм на румынском, и я даже смог уловить смысл: он рад наконец вернуться в родные края. — Дружище, знакомься, это мой дедушка Иаков. Согласись, он просто душа! — с лёгким хиханьем обратился он ко мне. — А это Эдгар Ван Хёрст. Художник и реставратор.

— Оот как? — Алые глаза сверкнули колким интересом. — Профес-сия юноши фесьма кстати. Стало быть, фам не впервой иметь дело с дтревней рухлядью, Ван Хёрст Эдгар? — саркастично усмехнулся он, протягивая мне костлявую руку, увенчанную изогнутыми ногтями, что минуту назад тянулась к моему лицу с явным злым умыслом.

Но я собрал волю в кулак и заставил себя пожать её. Кожа старика была сухой и холодной, как змеиная чешуя.

— Поверьте, вы ещё вполне в прекрасной форме, — выдавил я, пытаюсь сохранить тон лёгкой шутки.

— Эдто уж точно! — он громко рассмеялся, и звук этот был больше похож на каменный скрежет. — Славный мальчик! Надеюсь, он оправдает твои ожидания... какими бы они ни были, — его взгляд, обращённый к Вильгельму, внезапно стал тяжёлым и многозначительным.

— Не сомневайтесь, — парировал он. — Кстати, у нас в девять часов семейный ужин. Мы, конечно, поймём, если вы решите отдохнуть и не придёте...

— О, не переживай! — старик просиял, и его лицо снова исказила неестественная улыбка. Он потер свои бледные ладони с таким видом, будто только что заключил крайне выгодную сделку. — Я обязательно прииду!

— Что ж, — Вильгельм тихо вздохнул, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на досаду. — тогда ждём вас через час, дорогой дедушка.

Затем он развернулся и наконец повёл меня прочь, уводя из этого царства древнего ужаса, что притаилось в самом сердце замка.

— Ты поранился, — внезапно заметил Вильгельм почти у самой лестницы.

— Ерунда! Просто неловко обращался с фонарём, — попытался отшутиться я, но мой друг выглядел совершенно серьёзно.

— Не стоит тебе здесь кровоточить... — твёрдо сказал он, вытянув платок из нагрудного кармана. — Пока обвяжи руку вот этим. Позже я велю кому-нибудь из слуг заняться твоей раной.

С одной стороны, его забота обо мне была понятна и даже приятна. С другой... что значит, не стоит кровоточить? Подумать об этом мне вновь не удалось, ведь Вильгельм тут же отправился вверх по лестнице, и мне пришлось последовать за ним. Мы быстро миновали катакомбы, кладовую и, наконец, вырвались в знакомые коридоры. Воздух вновь стал менее холодным, а образы интерьера даже показались мне весьма приятными после жуткого подземелья.

Когда же мы оказались в главном зале, я почувствовал, как напряжение медленно отпускает меня, оставляя после себя лишь тяжёлое, необъяснимое предчувствие.

Пока мы двигались по направлению к гостевым покоям, я пытался привести в порядок хаос впечатлений, обрушившихся на меня за эти несколько часов. Замок Лазарус был гнетущим, но по-своему удивительным местом, сотканным из обрывков забытых эпох. В нём не было единства стиля, зато царил жутковатый, пёстрый гротеск, где каждая комната дышала своим собственным прошлым. Одни залы хранили сырой холод средневековья, другие упивались вычурностью романтизма, а иные поражали опошленной роскошью, словно стареющая куртизанка в дорогих, но потрёпанных побрякушках.

И семья Лазарус была живым воплощением этого пёстрого безумия. Все они казались уникальными личностями, не похожими друг на друга, но скованными общим родовым почерком: алыми глазами, фарфоровой бледностью и той неопишуемой энергией, что заставляла мою душу сжиматься от восторга и ледящего трепета. Не по годам ворчливый Юлиан, очаровательная и непостижимая Грета, трепетная к искусству Марианна, грубоватый Авраам и древний, вселяющий первобытный ужас Иаков. Словно собранные из осколков разных миров, но неразрывно связанные невидимой нитью.

И всё же, парадоксальным образом, именно в этом хаосе, в этой чудовищной неестественности, я впервые за долгие годы ощутил щемящий душу восторг. Моя серая, выхолощенная жизнь в Лондоне померкла перед этим водоворотом эмоций, где ужас и восхищение сплелись воедино. Возможно, душа, которую я тщетно искал для своих картин, и правда обитала где-то здесь...

Наконец Вильгельм остановился у одной из дверей и распахнул её со скрипом, будто открывая давно запечатанную гробницу. А войдя внутрь, я увидел примерно то, что ожидал. И впервые за последнее время это принесло желанное облегчение. У стены стояла широкая кровать с потемневшим балдахином, напротив которой разместился письменный стол и слегка искривлённый шкаф. Окно, разумеется, было наглухо заколочено, а небольшой каменный камин зиял пустотой и холодом. Похоже, в замке Лазарус и правда давно не было гостей. Мой чемодан одиноко ждал меня в центре комнаты, словно единственная связь с утраченной реальностью.

— Я велю растопить камин, чтобы ты мог согреться. Что ж, вот здесь ты и будешь жить ближайшее время. Ну, рассказывай, как тебе обитель Лазарус? — поспешил поинтересоваться Вильгельм, застав в дверном проёме.

— Очень... впечатляет, — ответил я, несмотря на то, что не был до конца уверен в своих выводах об этом месте и всё ещё метался между стремлением поскорее стать частью этого безумия и глухим, животным желанием бежать отсюда как можно дальше. Но было ясно точно. — Это место и правда удивительное.

— Вот именно! — довольно улыбнулся он. — Я зайду за тобой перед ужином, ближе к назначенному времени. До встречи!

Вильгельм покинул комнату, и его шаги бесшумно растворились в гулкой тишине коридора.

Оставшись один, я ощутил, как тяжесть молчания обволакивает меня, густая и недвижимая, словно саван. Всё это было чудовищно, абсурдно и до мурашек любопытно. И одно я понимал уже сейчас: это место, кажется, было просто создано для меня. Но спешить с выводами не стоило. Ведь где-то в глубине души, будто назойливый червь, всё ещё шевелилось смутное беспокойство. И стоило мне только подумать о предстоящем ужине, как оно впивалось в сердце с новой силой, изо всех сил стараясь предупредить меня о чём-то неотвратимом...

Глава 6

Оставшись наедине, я принялся за приготовления.

Комната по-прежнему утопала в сумерках, и лишь тусклый свет камина, растопленного слугой, отбрасывал на стены мои беспокойные тени. Смахнув с широкого зеркала на туалетном столике слой пыли, я принялся укрощать свои непослушные тёмные пряди. Отражение возвращало мне взгляд человека, в чьих глазах плескалась смесь тревоги и давно забытого предвкушения. Я волновался, но заинтригован был куда сильнее. По отдельности каждый из Лазарусов был ярким и в чём-то даже пугающим аккордом. Но мысль о том, чтобы услышать всю эту странную симфонию разом, заставляла моё сердце биться заметно чаще. Грядущий семейный ужин обещал зрелище, перед которым стыдливо меркли все скучнейшие светские рауты Лондона.

Я открыл чемодан, и пальцы сами нашли то, что искали: серые шерстяные брюки, просторный жилет того же оттенка и свежую сорочку из тонкого батиста. Серый — цвет, который я всегда ценил за его благородную сдержанность и практичность. Он не кричал, но позволял подчеркнуть детали. Переодевание стало для меня неким ритуалом. Успокаивающей рутинной, возвращающей ощущение контроля. Решив не брать галстук, я расстегнул верхние пуговицы. Формальности в этом доме, казалось, были не к месту. Здесь царил иной, более древний и гибкий этикет.

Ровно без пяти девять в дверь постучали, и на пороге возник Вильгельм. Он был одет куда свободнее, чем прежде: тёмно-синие брюки, белая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Глубокий вырез на груди был обрамлён изящными оборками из тонкого батиста, что придавало его образу расслабленную, почти поэтическую небрежность. О его пристрастии к бирюзовому напоминало лишь изысканное ожерелье с крупным аквамаринном — холодным камнем цвета морской бездны, что лежал в ложбинке между ключицами.

Он окинул меня быстрым, оценивающим взглядом, и на его губах вспыхнула снисходительная ухмылка.

— Ну что, готов окунуться в пучину моего семейного бытия? — его голос прозвучал низко и бархатисто, а во взгляде плясали знакомые искорки самодовольства.

Во мне же всё сжалось в тугую, лихорадочный комок. Страх и любопытство сплелись воедино. Вдохнув поглубже, я выпрямил плечи и с показной уверенностью встретил его взгляд.

— Готовность — понятие относительное, — парировал я, поправляя манжет. — Тем более, что выбора у меня всё равно нет. Можем идти?

— Непременно! — он обнажил зубы в стремительной улыбке, и мне показалось, что его взгляд на мгновение задержался на моей шее. — Самому не терпится поскорее сесть за стол. Не представляешь, как я голоден... — В его алых глазах на мгновение вспыхнул такой первобытный, ненасытный огонь, что по спине пробежал холодок. Но он тут же погас, растворившись в привычной маске томной учтивости.

И всё же, этот мимолётный проблеск был куда красноречивее любых слов. Грядущий ужин обещал быть не просто трапезой. Это было священнодействие, и я, ничего не ведая, уже подходил к его алтарю.

Мы вновь зашагали по бесконечным коридорам, на сей раз направляясь к банкетному залу. Месту, где мне ещё не доводилось бывать. Нервы заставляли сердце биться чуть чаще, но предвкушение нового опыта по-прежнему было сильнее страха. Вильгельм, казалось, читал мои мысли с пугающей лёгкостью.

— И всё-таки ты волнуешься, — произнёс он, беззвучно ступая по ковровой дорожке. В его голосе отчётливо звучала ехидная усмешка.

— Так заметно? — выдохнул я, чувствуя, как предательское тепло разливается по щекам. — Просто не хочу опозориться перед твоей семьёй. Мне, конечно, доводилось бывать в аристократических домах, ибо их владельцы очень любят держать при себе людей искусства, словно диковинных попугаев. Но твоя семья... — я запнулся, подбирая слова. — иная. Я думал, необычен лишь ты один, а остальные родичи окажутся скучным собранием богачей, прячущих свою пустоту за фамильным серебром. Но всё оказалось куда сложнее. И бесконечно интереснее!

— Я знал, что смогу тебя заинтриговать, — он мягко коснулся моего плеча, и его пальцы обожгли холодом даже через ткань сорочки. — Но отбрось свои тревоги, дорогой Эдгар. Уверен, всё пройдёт просто безупречно! — Его улыбка оставалась на месте, но я уловил в ней лёгкое, едва заметное напряжение. Казалось, он волнуется перед этим ужином ничуть не меньше моего.

Странно, но эта мысль почему-то придала мне решимости. Что бы ни готовил этот вечер, я был готов встретить его с достоинством.

Трапезный зал встретил нас шквалом ароматов и красок. Длинный дубовый стол ломился от яств, представлявших собой настоящий хаос из кухонь всего мира. Итальянские брускетты с томатами соседствовали с французскими тарталетками, наполненными блестящей красной икрой, венгерский паприкаш — с немецкими колбасками, а острые восточные закуски — с нежнейшим английским паштетом. Этот стол был точным отражением замка. Таким же пёстрым и лишённым всякой логики. Рядом с бутылками выдержанного бордо и рейнского вина стояли кувшины с тёмным пивом, графины со сливовицей и даже диковинный американский бурбон. Но всё это были лишь закуски и аперитив. А главное блюдо, судя по всему, ещё предстояло дожидаться.

За столом же царила не менее странная атмосфера. Юлиан, скучая, водил вилкой по фарфору, изредка отпивая из высокого бокала вино. Грета что-то увлечённо шептала Марианне, жестикулируя изящными руками. Иаков на другом конце стола сидел недвижимо, словно каменный идол, небрежно вписанный в интерьер. А вечно хмурый Авраам с дотошностью лекционера вертел в руках столовый нож.

— Позор! — внезапно рявкнул он, обращаясь к слуге. — Мельхиор требует более регулярной чистки! Вы что, хотите опозорить нас перед гостем?!

Мы с Вильгельмом заняли свои места. И тогда, желая сгладить неловкость и влиться в беседу, я поддержал тему:

— Вот поэтому я предпочитаю серебро. Если оно и тускнеет, то всё равно остаётся куда более изысканным на вид.

Воздух в комнате мгновенно сгустился. Все разговоры смолкли, и взгляды семьи, тяжёлые и внезапно настороженные, уставились на меня. Неловкая пауза затягивалась, и ситуацию, к моему удивлению, спас Юлиан.

— Ха! Вот и я этим балбесам говорю! — воскликнул он с преувеличенным энтузиазмом. — Выкиньте уже это бездушное старьё и обзаведитесь чудесным столовым серебром. То-то нам было бы счастье при каждой трапезе! — в его голосе звенел откровенный, ядовитый сарказм, смысл которого я был не в силах уловить. — Но увы. Такова уж традиция семьи. Эти вилки и ножи дедушка Иаков, поди, ещё во времена Влада Цепеша притараканил!

На юнца тут же шикнула Марианна. Однако сам Иаков лишь старчески усмехнулся, сжимая в костлявых пальцах ручку ножа.

— Недт, дружок, в моё время такими не польсовались, — пророкотал старик, и его слова прозвучали как ледяной ветер, гуляющий в склепе.

— Может, хватит уже болтать о приборах, ну в самом деле! — возмутилась Грета, с силой стукнув по столу кружкой с... пивом.

«Вот вам и утончённая аристократка!» — пронеслось у меня в голове. И, странное дело, эта неожиданная простота делала её в моих глазах ещё привлекательнее.

— У нас впервые за долгое время гость с Большой земли! Неужели мы не можем поговорить о чём-то поинтереснее дорогих металлов?

— В самом деле! — опомнился Юлиан, и его алые глаза впервые с неподдельным любопытством уставились на меня. — Мистер Ван Хёрст, напомниме, чем вы занимаетесь?

— Живопись и реставрация, — кратко ответил я.

— Ах, да, точно. И это нынче популярно в Лондоне?

— Подозреваю, искусство будет популярно всегда. А восстановление его главных шедевров — тем более.

Вильгельм одобительно усмехнулся, однако мальчишка не отступал.

— Хотите сказать, что творческие потуги людей могут быть по-своему... бессмертны?

— Пожалуй, да. В отличие от нас самих. Но только если речь идёт об искусстве мысли и фантазии. Физически же всё устаревает. Ведь иначе у меня не было бы работы.

Семейство одарило мою неуклюжую шутку негромким, но дружелюбным смехом. А Грета и вовсе смотрела на меня, не скрывая кокетливого интереса.

— Что ж, вы абсолютно правы, — продолжил Юлиан. — Полагаю, поэтому Вилли и привёз вас сюда. Чтоб вы вдохнули новую жизнь и в это захудалое местечко.

Я посмотрел на Вильгельма, пытаюсь уловить в его взгляде подтверждение или опровержение. Но тот лишь сделал едва заметный жест, давая мне понять, что я могу ответить сам.

— Возможно. Но по большей части, это было моё желание.

С другого конца стола внезапно оживился Авраам. Отложив нож, он махнул в мою сторону ладонью, утяжёлённой перстнями. Жест, явно призванный привлечь внимание, но едва не ослепивший меня отражением света в золоте.

— Позвольте спросить, сеньор Ван Хёрст! — его голос прозвучал хрипло, но с неподдельным интересом. — А что насчёт... *la rentabilidad*?

— Простите? — не понял я.

— Он спрашивает о прибыльности, — лениво пояснил Юлиан, не глядя на нас, будто эта тема была ему до смерти надоедлива.

— Да, верно! Прибыльность! Как с ней обстоят дела в вашем ремесле? Просто, между нами говоря, когда я в последний раз ступал на людские земли, мне довелось посетить один аукцион в Неаполе и... *Dios mío!* — Авраам с силой ударил ладонью по столу, заставив хрусталь исполнять симфонию тревожных перезвонов. — Суммы, предлагаемые там за холст какого-то дохлого итальянца, были просто сумасшедшие! — его голос едва не сорвался на хриплый шёпот. — Чёрт, да за такие деньги можно снарядить целую эскадру!

Его восхищение, казалось, исходило исключительно из чувства наживы. И всё же, я понимал его удивление.

— Увы, это редкий случай, — честно ответил я. — Пусть в нём и наблюдается некая тенденция. Огромная часть художников сейчас остаётся незамеченной лишь потому, что спросом на рынке искусства всё чаще руководят репутация и статус создателей. А содержание их полотен неминуемо обречено остаться в тени своих творцов. Что меня, признаться, печалит. Не только как художника, но и как реставратора. Слишком часто в мою мастерскую стали попадать бестолковые холсты, за которыми, однако, стоит трагичная история автора или какой-нибудь социально-политический контекст. Цирк, да и только.

— Я совершенно с вами согласна, герр Ван Хёрст! — вдруг вмешалась Марианна. Её тарелка оставалась девственно чистой, будто она питалась одним лишь вниманием нашей разношёрстной публики. — Автор должен стоять за искусством, а не перед ним. В театре с этим проще. На сцене — лишь лицедеи и декорации. Мы создаём иллюзию, погружая зрителя в водоворот страстей, в то время как драматурги остаются в тени, творя свои удивительные миры

в тишине кабинетов. Но меня всегда занимала иная мысль, — её бархатный голос снизился, а взгляд жадно впился в моё лицо. — Эта призрачная связь между творцом и его детищем. Она ведь должна быть чем-то... сакральным. Особенно для художника. Что вы чувствуете, герр Ван Хёрст, когда безжизненный холст под вашей кистью обретает душу?

Её вопрос пронзил меня с неожиданной силой, обнажив старую рану.

— Вообще-то... — я с горечью вздохнул, глядя на собственные руки, которые сейчас казались бесполезными. — С недавних пор я чувствую лишь пустоту. И именно поэтому я здесь. Когда мы с Вильгельмом встретились, он попытался помочь мне вернуть хотя бы часть этих ощущений. А когда его попытки не увенчались успехом, он пригласил меня сюда. В эту обитель готичной романтики, в надежде, что именно здесь, среди древних стен, я снова смогу сотворить нечто большее, чем просто бездушный холст, обмазанный красками.

Грета сочувственно вздохнула, и её взгляд смягчился, наполнившись уютной теплотой.

— Надеюсь, вы найдёте, что ищете, мистер Ван Хёрст. В противном случае ваша поездка рискует оказаться пустой тратой времени.

— Отнюдь! — возразил я. — Чем бы ни закончилось моё путешествие, я не стану жалеть, что прибыл сюда. Ведь как минимум мне довелось познакомиться с такими необыкновенными людьми.

Все одобрительно заохали, и лишь один Юлиан громко, презрительно фыркнул.

— Это сейчас тебе так кажется, малец, — пренебрежительно бросил он, и его тон, полный вековой усталости, странно контрастировал с юным личиком. — Чем дольше будешь жить среди нас, тем сильнее возненавидишь день, когда ступил на борт «Артемиды». А от твоей глупой юношеской наивности останется только груз неверно принятых решений.

Гнев вскипел во мне горячей волной. Возмутительно, что этот сопляк позволяет себе подобные речи! Я сжал пальцы под столом, с трудом сдерживаясь, чтобы не отпустить что-нибудь грубое в ответ.

— Юлиан, прекрати! — взорвался Вильгельм, приподнявшись со стула. А его глаза, казалось, засияли опасным багрянцем. — Ты ведь не хочешь испортить первое впечатление Эдгара от ужина с нами?

Мальчишка медлил с ответом, вернув зал в неловкую тишину.

— Разумеется, нет, дорогой братец, — с показной покорностью протянул Юлиан, откинувшись на спинку стула и отрешенно уставившись в свой бокал. Он явно отступал, но не из-за страха, а скорее из усталого соблюдения неписаных правил.

Ситуация оставила неприятный осадок. Но что тревожило больше всего — остальные члены семьи не спешили осуждать юнца. Казалось, будто в его ядовитых предостережениях они слышали горькую, но неизбежную правду.

В этот момент в столовую бесшумно вошли слуги в алых жилетах и принялись расставлять новые блюда: сочные фрукты, душистые сыры, тушёные овощи и свежий хлеб. На стол поставили ещё больше бутылок, будто прежнего изобилия алкоголя было мало. По всем правилам этикета были разложены салфетки, а на колени повязаны шелковые платки. Но, к моему удивлению, никто, кроме Юлиана, с радостью пригубившего мускат, не притрагивался ни к еде, ни к напиткам.

— А когда внесут основное блюдо? — тихо спросил я у Вильгельма.

Он обернулся ко мне, и на его губах застыла многообещающая улыбка, от которой по спине пробежал знакомый холодок.

— С минуты на минуту... — мягко ответил он, и в алых глазах заплясали искорки нетерпения.

Я сидел, пытаясь отвлечься от гнетущего ожидания, изучая причудливый узор на скатерти. Лазарусы перебрасывались лёгкими, ничего не значащими фразами на смеси языков, и я не стремился вникать в их беседу, чувствуя себя посторонним в их семейном кругу. Всё шло

достаточно мирно, и мне, одурманенному странным обаянием этого места, всё ещё казалось, что худшее осталось позади.

Украдкой я поглядывал на карманные часы, отсчитывая минуты. Признаться, я изрядно проголодался, позволив себе лишь несколько лёгких закусок, дабы не показаться обжорой. И именно в тот момент, когда я пережёвывал ломоть запечённого картофеля, я заметил, как Вильгельм сжал кулаки, уперев локти в стол.

Чего он так нервничает? Неужели волнуется о впечатлении от главного блюда, ведь именно он занимался доставкой провианта? Или же за этим скрывалось нечто большее?

И тут с кухни донеслись тяжёлые, шаркающие шаги. В дверном проёме замерла группа слуг в бирюзовых жилетах. Они вчетвером несли нечто вроде массивной разделочной доски, длиной в шесть футов, служащей подносом для чего-то, накрытого тонкой тканью. Если это и было ужином, то я не мог даже предположить, что скрывалось под тёмным полотном, учитывая размер и странность его форм.

С глухим стуком, от которого вновь задрожали хрустальные бокалы, они поставили свою ношу прямо в центр стола, на специально пустующее место.

— Что ж! — воскликнул Вильгельм, вдруг поднявшись с места. — Этот деликатес я привёз прямиком из Констанцы. Надеюсь, вы оцените всю палитру вкусов, что раскроется в этом удивительном блюде. *Bon appétit*, мои дорогие!

Прислуга резко сдёрнула ткань. И в этот же миг мой мир перевернулся.

Под ней было тело. Полностью обнажённая молодая девушка с растрёпанными рыжими волосами. Сердце тотчас сжалось в ледяной ком, а разум отказывался принимать реальность происходящего. Её грудь прерывисто вздымалась в тяжёлом, хриплом дыхании. Охваченный леденящим ужасом, я всмотрелся в её лицо. И, к сожалению, узнал его...

Та самая миловидная официантка из паба в Констанце, что скрылась во дворе с корзиной белья.

— Э-это что ещё такое? — мой голос сорвался на визгливый шёпот. По лицу начал стекать холодный пот, а пальцы бессильно задрожали. — П-почему она здесь? Что вообще происходит?!

И тут я увидел её глаза. Стекланные, затуманенные, они бессмысленно скользили по собравшимся. Тело, обмякшее и ватное, дёргалось в беспомощных судорогах. Я видел опумных курильщиков в лондонских притонах, но даже их взгляд не был столь отрешённым от жизни.

— Это наш ужин, дорогой Эдгар! — голос Вильгельма прозвучал сладко и ядовито. Его улыбка исказилась, обнажая неестественно острые клыки. Всё дружелюбие испарилось, уступив место первобытным порокам. — Правда, боюсь, тебе от него ничего не достанется. Но не переживай! Мы обязательно найдём в кладовой что-нибудь подходящее... для смертного.

Девушка на столе что-то бессвязно прохрипела, не в силах пошевелиться. Я взглядом искал поддержки у других Лазарусов, но их лица были искажены тем же голодным предвкушением, а длинные, извилистые языки уже касались пересохших губ. Даже милая Грета сейчас смотрела на добычу с холодным интересом прекрасного, но беспощадного хищника.

— О, дорогой братец, ты не изменяешь своим вкусам, — игриво заметила она, потирая изящные руки. — Опять рыжая!

— Главное, что живая... на этот раз, — просипел Авраам, принохиваясь к воздуху над её телом, как гурман над редким вином. — И, кажется, совершенно невинная!

— Слишком юна! — пророкотал Иаков. — Нетостаточно выдержки!

— Поверь, дедуля, нынче сложно найти зрелую даму, не обременённую сомнительными связями, — парировал Вильгельм. — Главное, я всё сделал чисто. Её отец, считай, сам продал свою кровинушку. Не обошлось, конечно, без лёгкого внушения, но вы знаете, как я это люблю. — Его взгляд на секунду скользнул в мою сторону, и слова обрели новый, жуткий смысл. —

Этот подарок я приберёг специально для вас, мои дорогие! Ведь... жалко было оставлять такой прекрасный цветок увядать в той глуши.

Лишь сейчас до меня дошёл истинный, чудовищный смысл его слов, сказанных тогда, в пабе. Это был не комплимент, а оценка гурмана, приценивающегося к товару.

— Слушайте, я не знаю, зачем вы устроили весь этот спектакль, но умоляю, прекратите! Это уже слишком! — в отчаянии выкрикнул я, глядя, как тело девушки бессильно бьётся в наркотическом забытии.

Вильгельм протянул руку и коснулся моей дрожащей щеки. Его прикосновение было холодным, как могильный камень.

— О, тебе нечего бояться, мой милый друг. В конце концов, не ты ведь на столе! — он громко рассмеялся, и в его смехе не было ни капли тепла. — Хотя, может, когда-нибудь... что ж! — он резко обернулся к семье. — Не будем томиться и смущать нашего гостя! Наслаждайтесь ужином!

Я не успел издать и звука, когда все шестеро Лазарусов набросились на дёргающееся тело с синхронностью голодной стаи.

Тишина, воцарившаяся в зале, была оглушительнее любого крика. Их лица исказились, кожа натянулась на выступающих скулах, губы оттянулись, обнажая челюсти, а из дёсен с мерзким, влажным хрустом выдвинулись клыки — длинные, изогнутые и острые, как бритвы.

Они впивались в неё всюду.

В нежную кожу рук, в тонкую шею, в мягкость живота и бёдер. Их подбородки и одежда мгновенно покрылись липкими, тёмными пятнами крови. Разрывая плоть, они жадно припадали к сочащимся ранам, и тишину разрывали лишь утробные всхлипы, омерзительное хлюпанье и тихий, затухающий стон жертвы.

Инстинкт самосохранения, дикий и слепой, вырвал меня из ступора. Я вскочил с места, опрокинув тяжёлый стул, и бросился прочь из столовой, не смея обернуться. Коридоры замка, прежде бывшие загадочным лабиринтом, превратились в настоящую ловушку. Двери, которые я пытался распахнуть, были наглухо заперты. Я бежал, не разбирая дороги, а моё сердце кололось о рёбра, словно птица, запертая в тесной в клетке.

На моём пути, будто из самих стен, возникали слуги в бирюзовых жилетах. Молча, с неестественной силой, они пытались схватить и обездвигить меня. Их пальцы, холодные и цепкие, впивались в мои руки и плечи. Я вырывался и изо всех сил, пинаясь и брыкаясь, чувствуя под ладонями неестественную твёрдость их тел. Даже юные служанки, казавшиеся хрупкими, обладали достаточной силой, чтобы повалить меня на пол. Словно они были не людьми, а лишь инструментами в руках своих хозяев.

Но отчаяние придавало мне сил. Я отшвыривал их, и они бесшумно откатывались, чтобы тут же подняться и продолжить преследование. Но я вновь и вновь выкручивался из их хваток, продолжая бежать дальше, всё глубже погружаясь в чрево каменного чудовища.

И тогда, окончательно выдохнувшись, я ворвался в пустую библиотеку. Мои лёгкие горели, мышцы ныли, а ноги предательски подкашивались. Я прислонился к стеллажу, пытаясь заглушить оглушительный стук собственного сердца. И в этой звенящей тишине я услышал, как дверь за моей спиной тихонько отворилась. Притаившись за массивным шкафом с фолиантами, я аккуратно выглянул из-за пыльных полок. В зал вошёл Вильгельм. Его шаги по мягкому ковру были абсолютно беззвучны. Он вёл себя как охотник, преследующий добычу.

— Э-эда-ар! — его голос плыл по воздуху, сладкий и певучий, как призыв сирены. — Где же ты, мой дорогой друг? Я чую твой запах... этот восхитительный, терпкий аромат страха. Я знаю, что ты где-то здесь! Прости, что не был достаточно откровенен о пристрастиях моей семьи. Но рано или поздно тебе пришлось бы это увидеть. И согласишься, вышло весьма эффектно! Зная мою родню, я представляю, каких усилий им стоило поддерживать всю эту

интригу до кульминационного момента. Выходи, и я всё объясню. Честное слово, тебе не будет больно! Ну, разве что немного...

На мгновение мне почудились в его тоне знакомые нотки того самого эксцентричного, но доброго юноши, с которым я ещё недавно делил вино и разговоры. Он говорил так убедительно, с такой тёплой и почти раскаявшейся интонацией, что мне даже захотелось поверить. Вернуть всё назад, к тем странным, но ещё человеческим дням. Но нет! Память о стеклянных глазах рыжей девушки и оскале на его лице была слишком свежа и ужасна.

Он замолк и замер на месте. Я видел его профиль в просвете между книгами.

— Значит, не хочешь по-хорошему? Что ж, будь по-твоему... — он медленно, с наслаждением, втянул воздух ноздрями, его грудная клетка расширилась, обтягивая тонкую ткань рубашки, будто он пробовал воздух на вкус. И затем... его алые глаза уставились прямо в мою сторону. — Вот ты где!

Я рванулся с места, как подстреленный заяц, вылетая из библиотеки и снова погружаясь в бесконечные коридоры, чувствуя, как за спиной нарастает его холодное, неумолимое присутствие. Но на очередном повороте я с размаху влетел во что-то твёрдое и неподвижное, словно дубовый шкаф, и грузно шлёпнулся на бархатный ковёр.

Подняв голову, я встретился взглядом с Вильгельмом. Его изящные губы были испачканы запёкшейся кровью, а улыбка обнажила нечеловечески длинные, острые клыки. В его глазах плясали весёлые искорки адского торжества.

— Ну что? Достаточно будоражит кровь? — его голос был ядовит и сладок, как испорченный мёд. — Не знаю, как тебя, но меня это невероятно... вдохновляет!

Будто ошпаренный, я вскочил и рванул прочь, в отчаянии опрокидывая на своём пути всё, что попадалось под руки — массивные канделябры, столики с безделушками и полупустые стеллажи. За мной с оглушительным грохотом рухнула целая витрина с фарфором, преградив коридор грудой сверкающей утвари и полированного дерева. Задышавшись, я прислонился к стене, надеясь, что эта баррикада хоть ненадолго задержит преследующее меня чудовище.

Однако из-за импровизированного завала донёсся лишь короткий, презрительный смешок.

— Вздумал наводить беспорядки в моём замке? — Маска обаятельного аристократа исчезла без следа. Теперь передо мной было лишь древнее, безжалостное зло, наконец-то сбросившее все оковы притворства.

Слизнув кровь с губ, Вильгельм сделал невероятное: он взмахнул ногой, упёрся ею в стену и... пошёл. Прямо по вертикальной стене, ступая по ней с той же небрежной грацией, с какой ходил по полу. Его локоны не свисали вниз, нарушая все законы мироздания, а туфли бесшумно ступали по обоям и потёртым полотнам картин.

— В чём дело, Эдгар? — он с лёгкостью сошёл обратно на ковёр, раскинув руки в театральном жесте. — Это же я! Твой друг Вильгельм!

Я отшатнулся и попытался рвануть в другую сторону. Но монстр был быстрее. Мелькнула тень, и он уже стоял передо мной, преграждая путь. Его глаза пылали в полумраке, как раскалённые угли.

— Я не шутил, говоря, что обитель Лазарус полна секретов, — прошептал Вильгельм, чья плоть теперь источала запах меди, вперемешку с могильным тленом. — И у тебя будет достаточно времени, чтобы узнать ещё многие из них. Ведь... ты никогда уже не покинешь этот замок.

Затем он схватил меня за руку, подняв над собой, как тряпичную куклу. Я беспомощно забился в воздухе, отчаянно размахивая конечностями. Свободной рукой он надорвал ворот моей сорочки, обнажив шею.

И последним, что я ощутил, прежде чем мир поглотила тьма, было обжигающее прикосновение острых клыков к моей плоти. А следом — всепоглощающая, разрывающая сознание

боль, острее тысячи клинков. Словно предсмертная агония, в которой не было ничего, кроме чистого, животного ужаса.

В глазах начало темнеть, тело тотчас обмякло, а сознание постепенно затянуло непроядная, беззвёздная пелена...

* * *

Сознание возвращалось ко мне медленно и неохотно, будто продираясь сквозь густой туман. Первым пришло ощущение боли. Тяжёлой, разлитой по всему телу, напоминая жесточайшее похмелье. Только в десяток раз сильнее. В голове стоял оглушительный звон, конечно, казались тяжёлыми и непослушными, а мышцы сводила лёгкая судорога. Я с трудом понял, что лежу на кровати в выделенных покоях, но мир всё ещё беспощадно плыл перед глазами, словно в дурном кошмаре. Пальцы, дрожа и плохо слушаясь, нашли на шее два затянувшихся рубца.

Всё это было наяву. Кошмарный ужин, клыки и оскал, вся эта кровавая бойня... не сон.

Я был переодет в чужую, поношенную одежду: просторную рубаху, штопанные брюки и грубые ботинки. Позорное, утильное одеяние пленника.

И тогда я увидел его. Вильгельм стоял у камина, безмолвный и невозмутимый, вновь облачённый в свой безупречный бирюзовый костюм. Ни намёка на вчерашнее пиршество. Лишь лёгкая, почти ласковая улыбка играла на его губах.

— С пробуждением, дорогой друг! — его голос прозвучал сладко и громко, заставляя мою воспалённую голову сжаться от боли. — Ух, как у тебя тут жарко! Надо сказать, я немного отвык от каминного тепла. Нам-то с семьёй оно без надобности. Но ради тебя я готов потерпеть. Всё для того, чтобы твоя кровь и плоть не портились от болезней и переохлаждения.

Он говорил обо мне, как о куске мяса, от чего к горлу подступил сухой ком. Я невольно отпрянул, прижимаясь к изголовью. Но моё тело едва слушалось, а движения были вялыми и запоздалыми.

— Минувший ужин доказал, что я в тебе не ошибся, — продолжил он, приближаясь, и его алые глаза сверкнули голодным блеском. Он сделал паузу, словно смакуя воспоминание. — Ты даже не подозреваешь, насколько сладка твоя кровь!

Он внезапно наклонился, его холодные пальцы обхватили мою руку. Почти нежно. Я попытался вырваться, но это было жалкое, беспомощное дёргание. С притворной заботой он помог мне подняться с кровати. Мои ноги подкосились, и я бы рухнул, если бы он не поддержал меня, обняв за плечи и поглаживая по голове с фамильярностью хозяина. Его прикосновение было ледяным, и от него меня ещё сильнее забила дрожь.

— О, милый Эдгар, тебе нужно согреться, — он повёл меня к камину, позволяя теплу пламени хоть немного унять дрожь в теле. — А ещё лучше съесть чего-нибудь. Ведь за ужином ты почти ничего не съел.

Его усмешка была тихой пыткой. Я трясся в его объятиях, испытывая животный, всепоглощающий ужас. Запах его кожи — холодный, с примесью старого вина и чего-то медного — заставлял желудок болезненно сжаться.

— Так твои силы восстановятся быстрее, — Вильгельм перешёл на шёпот, а его губы почти коснулись моего уха. — Это очень важно, учитывая, что впредь ты будешь для меня постоянным источником удивительно вкусного лакомства.

Он сладко облизнулся. Волна тошноты подкатила к горлу, сдавив его спазмом. Я согнулся пополам, едва сдерживая рвотные позывы, и в этот момент мой взгляд упал на старомодную кочергу-пику, прислонённую к каминной полке. Длинную, с острым наконечником. Я тотчас рванулся вперёд, выхватывая её из держателя, и отшатнулся от Вильгельма, выставив дрожащее остриё в его сторону.

Отчаянный, слепой порыв...

— Не прикасайся ко мне, чудовище! — мой голос сорвался на визгливый, испуганный шёпот. В нём не было угрозы, лишь чистая, безотчётная паника. Я всё ещё не верил, что тот, кто стоит передо мной, всё это время так легко притворялся моим другом.

Однако Вильгельм не сделал и шага. Он лишь склонил голову и рассмотрел импровизированное копьё в моих дрожащих руках с видом учёного, изучающего любопытное, но бесполезное насекомое. На его губах играла знакомая ухмылка, теперь лишённая всякой притворной теплоты. Она была холодной, садистской и абсолютно властной.

— Дерзкий ход! — произнёс Вильгельм с театральным восхищением. — Только, боюсь, бесполезный. Ты не сможешь убить меня, Эдгар. Ведь формально...

Он сделал лёгкий, изящный шаг навстречу острию. И я, застывший в параличе ужаса, мог лишь наблюдать, как оно пронзает его плоть.

— ...я уже мёртв, — закончил Вильгельм, обнажая клыки в жуткой ухмылке. Он продолжал насаживаться на кочергу с мерзким шелестом рвущейся плоти, преследующим меня со вчерашнего ужина. — И я буду прикасаться к тебе столько...

Его холодная, цепкая рука обхватила моё лицо. Острый ноготь впился в кожу щеки, оставив кровавый подтёк.

— ...сколько захочу. Ведь отныне ты всецело принадлежишь мне!

В отчаянии я повернул голову к зеркалу над камином, ища хоть какое-то подтверждение реальности. Но в потускневшем стекле отражался лишь я один. С безумными глазами и кочергой в руках, вонзённой в пустоту.

— Ч-что ты такое? — мой голос сорвался в дрожащий, беспомощный шёпот. Пальцы разжались, выпуская бесполезное оружие.

Вильгельм с лёгкостью, словно вынимая мелкую занозу, извлёк железный прут из своего тела, разглядывая следы густой, чёрной жидкости, оставшейся на заострённом наконечнике. Затем расстегнул пару пуговиц на сорочке и раздвинул полы, показывая рану. И в этот момент его бледная плоть начала затягиваться прямо на моих глазах, пока от страшного прокола не осталось и следа.

— Ты действительно хочешь знать? Что ж... наша семья и правда весьма необычна. Мы зовём себя «вампирами», — он произнёс это слово с лёгкой насмешкой, будто речь шла о старомодном титуле. — Это прозвище дал нам кто-то из старших. Уже и не помню, кто именно. Слишком давно это было. Главное, что мы, в каком-то смысле, ходячие мертвецы. Наши сердца не бьются, но мы живём. В самом извращённом понимании этого слова. Мы бессмертны, Эдгар. Нас нельзя убить большинством известных тебе способов, а наши силы превосходят даже самые смелые мечты смертных. Но эта благодатная вечность отягощена постоянной жаждой, которую мы вынуждены утолять вкуснейшей человеческой кровью. И обычно своих жертв мы сразу выпиваем досуха, как ты мог видеть на примере вчерашней трапезы. Но! — Он сделал театральную паузу, и в его алых глазах вспыхнуло маниакальное удовольствие. — Тебе, мой дорогой Эдгар, несказанно повезло! Тебя ждёт немного иная судьба. Пусть и не лишённая некоторых неудобств.

— И что же теперь со мной будет? — голос мой предательски задрожал. — Ты сказал, что я буду постоянным источником твоего... лакомства.

Желудок свело от одной мысли об этом.

— И это чертовски верная формулировка! Ведь ты удостоился чести быть моим личным, постоянным деликатесом. Видишь ли, у тебя удивительно вкусная кровь. — Он приблизился, вдыхая воздух у моей шеи, как сомелье, дегустирующий аромат выдержанного вина. — Не знаю почему. Может, твой образ жизни или твоя творческая душа придают крови столь изысканный букет. Но уже тогда, на званом вечере, я учуял этот дивный аромат. По правде сказать, я думал тогда же тебя и прикончить. Однако впоследствии решил, что твоя кровь слишком уж хороша для разовой трапезы. Её нужно... смаковать. Растянуть удовольствие на долгие годы. А насчёт

твоего вдохновения, — он презрительно усмехнулся. — меня оно никогда не волновало. Вся эта чушь про душу в картинах каждый раз вызывала лишь смех! Но благодаря этим потугам я смог неплохо провести время, пока мои слуги готовят корабль к отплытию. А заодно нашёл отличный предлог, чтобы заманить тебя сюда. Хотя и не обошлось без небольшого гипноза.

В моей голове, наконец, сложился пазл. Все странности, все смутные тревоги, всё, о чём твердил Кристиан и мой собственный внутренний голос, обрело чёткую, ужасающую форму. Отсутствие днём, избегание зеркал, безвольная покорность слуг, бледность кожи и необычный цвет глаз, что порой сверкали в темноте.

Я словно проснулся от долгого дурмана. И это ощущение было невыносимым.

— Значит, всякий раз, когда я осознанно шёл на все эти авантюры... ты сам направлял меня?

— Совершенно верно! И знаешь что? Ты можешь собой гордиться! — Его взгляд пылал нескрываемым удовольствием. — В нашей семье у всех есть свои... особенности. Моя — усиленное влияние на сознание смертных. И ты на удивление хорошо сопротивлялся ему. Мне стоило титанических усилий снова и снова глушить в тебе голос разума.

Я не знал, что сказать. Трудно было осознавать, что человек, которому я доверял, всё это время плёл паутину лжи и интриг с одной-единственной целью — обратить меня в пищу.

— Я считал тебя другом! — выдохнул я в последней, отчаянной попытке достучаться до того, кого больше не существовало.

— Понимаю твоё разочарование. Но взгляни на это иначе! Твоё положение могло быть куда хуже. — Он сделал шаг ко мне, и его взгляд стал почти сочувственным. Но теперь я знал — это была всего лишь маска. А передо мной стояло настоящее, древнее чудовище.

— Может быть. Но что именно ты собираешься со мной делать?

— Ничего такого, что человеческий организм не выдержал бы. Буду пить твою кровь, скажем, раз в неделю. Ты сможешь это пережить. Правда... боюсь, это не самый приятный процесс, — он сморщил нос с комичной брезгливостью.

— Да уж, я почувствовал.

— О-о-о нет, мой друг. То, что ты испытываешь сейчас — лёгкое головокружение в сравнении с последствиями грядущих трапез. Вчера я лишь пригубил твоей крови, чтобы подтвердить её качество. Но когда я начну наслаждаться соком твоей плоти по-настоящему, на восстановление будут уходить не меньше пары суток. И дни эти будут очень неприятными. Но ты хотя бы будешь жив! Ведь я буду пить твою кровь сугубо ради наслаждения, а не пропитания. Для этого у нас хватает... иных припасов.

Я вспомнил пустой ящик с исцарапанной изнутри крышкой.

— Твой груз. Так ты вёз сюда людей! Живых людей! — в моём голосе прорезалась хрип-лая ярость, но это лишь заглоло веселье в глазах Вильгельма.

— Не только! — развёл он руками с притворной искренностью. — Прислуге же тоже нужно есть! Да и мы с семьёй не прочь иногда побаловать себя человеческой пищей. Хотя она и не утоляет наш истинный голод, но зато даёт вкус. Так что «Артемида» была загружена телами лишь наполовину, — он усмехнулся, выдержав театральную паузу. — Так на чём мы остановились... ах, да! В остальное время, пока я не пью твою кровь, ты будешь всегда находиться рядом со мной. Чтобы развлекать и скрашивать унылые ночи в этом старом замке в качестве забавного и послушного питомца.

Это было уже за гранью. Ужас, паника и горечь предательства сдавили виски. Я отшатнулся, прижавшись спиной к шершавым доскам, наглухо забивавшим окно.

— Умоляю, хватит! Прекрати! Я не хочу быть твоим рабом! — мой голос окончательно сорвался на сдавленный, истеричный шёпот. Я зажал уши ладонями, чувствуя, как всё тело выбивает лихорадочная дрожь.

— О, мой милый Эдгар. Ты, кажется, ослышался, — голос Вильгельма стал сладким, как сироп. — Я собираюсь сделать тебя питомцем, а не рабом. Это большая разница!

Но я уже не слушал его. В голове стоял оглушительный гул, и я отчаянно цеплялся за надежду, что всё это просто затянувшийся ночной кошмар, и я вот-вот проснусь в своей убогой лондонской квартирке.

— Эй! Я, кажется, велел тебе успокоиться! — в голосе вампира вновь сверкнула ледяная сталь. — Лучше не искушай моё терпение.

— А ни то что?! — выкрикнул я в отчаянии. — Убьёшь меня, как убил ту девушку? Что ж, пускай! Лучше уж умереть, чем быть твоей вещью!

— О, это легко устроить. Но что тебе даст бессмысленная смерть? Просто забвение, лишённое всякой чести. Разве не разумнее выбрать жизнь? — Его тон вновь смягчился, стал убедительным, почти заботливым. — В огромном замке, в сытости и тепле. Я даже разрешу тебе пить алкоголь. В меру, разумеется, иначе кровь начнёт горчить. А уж компания-то здесь какая! — Он издевательски потёр руки. — Признаться, ты заинтриговал моих родичей. Поначалу они не понимали, зачем я притащил какого-то тощего смертного к нам на остров, да ещё в сознании. Благо хоть подыграли моему небольшому спектаклю при обходе замка. Но после вчерашнего вечера... ты им даже понравился. А для вампиров, живущих не одну сотню лет, это многого стоит. И пусть ты только мой питомец, полностью избежать внимания с их стороны не выйдет. Как Грета совершенно правильно заметила, гостей у нас не было уже очень давно. Так что смирись. Ты в ловушке, Эдгар. И ты сам в неё угодил. Так что будь послушным мальчиком и прекрати эти бессмысленные метания. А иначе... — Вильгельм взмахнул рукой, и внезапно всё моё тело содрогнулось, подчиняясь чужой воле. — придётся дёрнуть за поводок!

Неведомая сила согнула колени, и я грузно рухнул на четвереньки, уставившись в узоры его туфель. Горечь беспомощности и унижения обожгла мне лицо.

— Видишь? Я давно подобрал ключик к твоему сознанию, — его голос вновь стал отвлечённо ласковым. — И впредь ты будешь делать лишь то, что я пожелаю. Но, к твоему счастью, я не садист.

Чужая воля наконец отпустила моё тело. Более того, Вильгельм сам помог мне подняться и усадил на край кровати, глядя в глаза с пугающей, неподдельной нежностью. Эти метания между тираном и другом были изощрённее любой пытки.

— Я не потребую многого. Беседовать со мной, бродить вместе по замку, рассказывать истории, читать вслух... быть всё тем же славным Эдгаром Ван Хёрстом — вот и всё, что от тебя требуется. Обещаю, я не буду жесток без нужды. Ведь негативный настрой испортит вкус крови. — Он воодушевленно похлопал меня по плечу, но дрожь в теле от этого только усилилась. — В свободное же время, когда я буду занят или в отъезде, можешь гулять по моей части замка и общим территориям, в которые входит и приглянувшаяся тебе библиотека. Если захочешь, можешь даже посетить обиталища других членов моей семьи. Однако... я бы не советовал. — Вильгельм понизил голос до заговорщицкого шёпота. — Хотя я и запретил родичам причинять тебе вред, но искушать их не стоит. В конце концов, твоя кровь одинаково сладка для всех нас. Кто знает, удержатся ли они, если меня не будет рядом? В общем, об удобствах можешь не беспокоиться! Я позабочусь, чтобы мой лакомый кусочек содержался в идеальном состоянии.

Я с ужасом осознал смысл его слов. Со мной будут обращаться как с откормленным животным, которого холят и лелеют ради будущего убоя. От этой мысли тошнота снова подкатила к горлу.

— К слову, я оставляю тебе твои часы, — продолжил Вильгельм, поднимаясь. — Чтобы ты не терялся во времени суток. Помни, мы — ночные существа. И тебе придётся жить в том же ритме. Спать днём и бодрствовать ночью. Сначала будет непривычно, но ты справишься. — Он встал прямо передо мной, нависнув зловещей тенью. — В конце концов, я всё-таки сдержал

слово. Ты получил желанную встряску. И целую вечность для осмысления своих творческих мук.

Вильгельм легко толкнул меня в грудь, и я безвольно рухнул на матрас, не в силах сопротивляться.

— А сейчас постарайся заснуть и набраться сил. Грядущей ночью они тебе понадобятся. Я прослежу, чтобы кто-нибудь из слуг принёс тебе поесть, сразу как проснёшься. И кстати, лучше не зли этих ребят. Они безоговорочно подчиняются только нам. И если заметят в тебе угрозу или признаки неповиновения... убивать не станут, но руки сломают запросто. Особенно если вздумаешь впустить сюда солнечный свет. — Его взгляд, острый как бритва, впился в заколоченное окно. — Я уже вижу эту мысль, зарождающуюся в твоей голове. Лучше забудь и постарайся принять свою судьбу с достоинством. Иначе тебя ждёт очень незавидная смерть.

Он сделал шаг к двери, наполовину скрывшись в узком проёме.

— Советую поскорее привыкнуть к этим стенам, — его голос донёсся из темноты, полный абсолютной власти. — Ведь ты их уже не покинешь.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Звук захлопнувшейся клетки. Я остался один в гробовой тишине. С горящими рубцами на шее и ледяным комом безысходности в груди. Осознание моего положения накатило удушающей волной, в одночасье разделив мою жизнь на «до» и «после».

Вильгельм был прав. Бежать некуда. И мне придётся его слушаться. Я стал его пленником. Его вещью. Его едой. И моя вечность в стенах этого замка только начиналась...

Глава 7

С того рокового ужина минули недели.

Долгие, выматывающие недели, что я был вынужден прожить во мраке бесконечной ночи, совершенно не видя дня в этом новом, вывернутом наизнанку ритме, навязанном Вильгельмом. Пелена наивности окончательно спала с моих глаз, обнажив мир, перед которым бледнели даже самые жуткие людские страхи.

Мир, которым правили чудовища.

То, что я по глупости принял за причуды эксцентричной семьи, обернулось пугающей реальностью. Мой рациональный ум, взращённый в лондонских библиотеках, отчаянно цеплялся за призраки здравого смысла. Но Вильгельм, мой демонический хозяин, методично рушил последние оплоты разумности один за другим. И как бы ни велико было желание сопротивляться его власти, мне пришлось подчиниться. Он слишком хорошо дал понять, что у меня нет иного выбора, кроме как слепо следовать его приказам. Это был единственный способ избежать участи куда более страшной, чем та, что он приготовил для меня.

Во время наших ночных странствий по тайным уголкам замка Вильгельм, словно гид по дебрям собственной мёртвой души, приоткрывал передо мной врата в запредельные знания, сквозившие головокружительной мистикой. Он показывал тёмные уголки комнат, где его род покоился веками, словно драгоценные вина в погребке, и шепотом рассказывал о битвах и событиях, таинственными свидетелями которых они были. Но не как о подвигах, а скорее как о пережитой угрозе, которой они не смели коснуться во имя тайного существования их причудливого вида, существовавшего вопреки любым законам. Каждая история, сотканная из полутонов и кровавых намёков, впивалась в меня ледяными зазубринами. И я не просто слушал. Я хоронил свою прежнюю жизнь, оставляя её под пластами постоянного страха.

С каждым новым откровением, с каждым артефактом, дышавшим прахом забытых эпох, я понимал всю безнадёжность своего положения. И чем глубже я погружался в эту пучину, тем явственнее ощущал на своей шее не только память о пронзающих душу укусах, но и холодное дыхание самой безысходности.

Память о том вечере выжгла во мне всё. Хруст рвущейся плоти, чавкающие звуки пиршества, стеклянный взгляд рыжей девушки — это была не просто травма. Это была кислота, растворившая последние островки сомнения, оставив после себя лишь горький осадок принятия. Меня заперли в золотой клетке, где пол устлан бархатом, а кормушка ломилась от яств. Я был пленником, питомцем и постоянным лакомством. Я жил среди существ, чья суть была соткана из тьмы, голода и древнего, неумолимого зла.

И с каждым шагом по этим проклятым коридорам, с каждым новым секретом, что Вильгельм вкладывал в моё сознание, словно отравленную сладость, я осознавал всю бездонную глубину своего положения. Я стал лишь очередным пресловутым развлечением в бесконечном существовании самых ужасных монстров, каких только рождало людское воображение. И смириться с этим было невыносимее самой смерти.

Однако, как выяснилось, моя ценность для Вильгельма простиралась куда дальше простых вкусовых ощущений. В его глазах я был не просто очередным сосудом с приятным содержанием. Я был находкой, уникалом, бриллиантом, случайно оброненным в грязь смертного бытия. Он сравнивал вкус моей крови с нектаром, а запах кожи — с ароматом самого спелого плода.

Но дело было не только в этом...

Однажды, после очередной трапезы, оставившей меня разбитым и опустошённым на двое суток, Вильгельм разоткровенничался. Его голос, обычно полный насмешки, на сей раз приобрёл почти философскую, жутковатую задумчивость.

— Понимаешь, Эдгар, с твоей кровью в моё мёртвое тело проникает не только питательная сила, — говорил он, а его взгляд, казалось, был направлен куда-то сквозь меня. — Она несёт в себе саму суть твоего существа. Твою душу, если угодно. Все эти тщетные поиски музыки и осколки чуткого, вечно терзаемого сомнениями ума. Каждая капля багрового золота, бегущего по твоим венам, пробуждает во мне отголоски всех чувств, что ты когда-либо ощущал. И для меня это становится своего рода... напоминанием. Слабое эхо жизни в навеки застывшем сердце, лишённом трепета радости и тяжести печали. Ведь именно через кровь смертных мы, вампиры, постигаем эти давно забытые ощущения. Но лишь на мгновение.

Он сделал паузу, давая мне прочувствовать весь ужас этого признания. Я был для него не просто едой. Я был наркотиком, способным на миг вернуть ему призрачную тень утраченной человечности.

— Видишь ли, в наши дни редко удаётся найти столь чистый источник, — продолжал он, и в его тоне вновь зазвучал привычный цинизм. — Не отравленный пороком, нищетой или унылым буржуазным существованием. Особенно среди знати. Но главное... — он наклонился ко мне, и его улыбка стала хищной и оскаленной. — ты был так далеко от дома. Совершенно один. Я быстро понял, что если ты исчезнешь, никто и не хватится. Вряд ли твои лондонские приятели, поглощённые своими скучными делами, додумаются искать тебя здесь. Если вообще решатся на поиски. Не думаю, что ты стал для них столь уж значительной потерей.

Его слова, отточенные как кинжал, вонзились в моё самое больное место. В одиночество, что я так тщательно скрывал даже от самого себя. Я был идеальной жертвой. Незаметным странником, чьё исчезновение не оставило бы в мире ни малейшей ряби. Все обстоятельства складывались в идеальный, зловещий узор. Я был тем самым образцом, который нельзя было упустить. И Вильгельм, будучи искусным гурманом, не преминул воспользоваться этой возможностью.

Первый месяц в этом новом аду пролетел в каком-то сюрреалистичном, болезненном тумане. Счёт времени перестал быть чем-то сакральным, и я лишь безвольно плыл по течению однообразных ночей, превратившихся в самую настоящую рутину.

Вильгельм, верный своему слову, держал меня при себе с ревностью властного собственника, чем, как я успел заметить по язвительным комментариям Юлиана и голодным взглядам Авраама, изрядно раздражал остальных членов семьи Лазарус. «Младший наконец-то обрёл свою личную реликвию, — сказала как-то Марианна, — и теперь боится, что мы поцарапаем его сверкающую позолоту».

И она была права. Я был его реликвией. Его исключительной находкой. Могу ли я гордиться этим? Едва ли...

Как и было обещано, Вильгельм пил мою кровь лишь раз в неделю. Но каждая из этих «трапез» была для него невиданным наслаждением, а для меня — нисхождением в самые глубины физического страха и неопишуемой боли. Я узнал, что процесс этот отличался от обычного кормления. Случайно подслушанный разговор между Вильгельмом и Гретой приоткрыл причину: он слишком долго питался «отребьем». Портовыми шлюхами, заблудшими рабочими, бездомными и прочими бедолагами, которые не оставили бы за собой шлейфа расследований, что рано или поздно привели бы людей к замку вампиров. Эти несчастные были всего лишь расходным материалом, часть из которых, как я понял по обрывкам фраз, отправлялась на пополнение рядов вампирской прислуги, которая периодически «выходила из строя» от болезней, истощения или простой неосторожности вампиров, не слишком-то разбирающихся в условиях содержания смертных. А иные и вовсе шли на прокорм чудовищ в голодные времена, когда запасы живого, но одурманенного провианта в закрытых подвалах и комнатах иссякали.

Я постепенно складывал в голове картину их быта. Охота вампиров была вынужденно конспиративной, раскиданной по разным странам Европы. Десятки пропавших людей в одном месте посеяли бы панику и желание разобраться, привлекая ненужное внимание. Но одно-

два исчезновения в разных городах — лишь сухая статистика, не заходящая дальше сплетен и недолгих поисков. Так и формировались ряды их безвольной прислуги и пополнялись мрачные кладовые во время долгих путешествий на Большую землю. И вот, после столетий такой диеты, Вильгельм наконец получил возможность раз за разом вкушать кровь «настоящей интеллигенции», как он с наслаждением выразился. Благородную, чистую и, что главное, безопасную.

Ведь по прошествии месяца меня так никто и не искал...

И с тех самых пор, как я попал сюда, каждая пятница стала для меня синонимом ада. Процесс потребления крови требовал от Вильгельма какого-то жуткого, извращённого интима. Но не физического, а эмоционального. Ему нужно было ощущать мой страх, мою борьбу, самую суть моего существа, чтобы в полной мере насладиться вкусом, приправленным состоянием души. Он никогда не лишал меня сознания заранее.

Напротив, он желал, чтобы я чувствовал всё.

Сначала леденящий укол его клыков, острый и точный, как удар стилета. Затем волна огненной боли, когда они впивались глубже, разрывая плоть и находя артерии. А после... начиналось самое ужасное. Я чувствовал, как кровь внутри меня буквально закипает, будто по венам течёт расплавленный свинец. Её вытягивали из меня с такой силой, что казалось, будто вместе с ней тело покидает жизнь. Мир сужался до этого жгучего, невыносимого ощущения опустошения, до звука его сдержанных, блаженных вздохов у моей шеи. Минуты растягивались в вечность, наполненную болью, унижением и животным ужасом.

И лишь когда он насыщался, отрываясь от моей шеи с окровавленными губами и стеклянным от наслаждения взором, моё тело, наконец, получало разрешение утонуть в небытие. И тогда я проваливался в тяжёлый, беспокойный сон, длящийся почти все выходные. Но и это не было отдыхом. Моё тело продолжало агонизировать — в лихорадке, мышечных спазмах и бесконечных кошмарах, где я вновь и вновь переживал эти несколько минут адской пытки. Как правило, я просыпался лишь к понедельнику. Разбитый, обескровленный и с новыми рубцами на шее, как напоминание о том, что через несколько дней всё это повторится вновь.

Это был бесконечный порочный круг страдания, где даже сон не приносил желанного забвения.

Ведь даже в объятиях беспамятного забытия меня не отпускал ужас. Кошмары, рождённые болью и страхом, были настолько яркими и осязаемыми, что посреди дня я то и дело просыпался в ледяном поту, а моё сердце колотилось столь сильно, словно пыталось вырваться из груди. Это состояние напоминало жесточайшую лихорадку, когда тело, измождённое до предела, пытается восстановить утраченное, но терпит поражение в битве с инородным ядом, растекающимся по венам.

Но порой, сквозь пелену этого бреда, я ощущал его присутствие.

Вильгельм сидел на краю моей кровати, недвижимый и бледный, словно изваяние, охраняющее свою собственность. И иногда его ладонь, холодная, словно высеченная из глыбы льда, касалась моего пылающего лба. Жест, полный обманчивой доброты, словно исходящий от заботливой матери, чахнувшей у постели больного ребёнка.

В первые разы эта мимолётная забота смущала и даже вселяла призрачную надежду. Но глупые иллюзии развеялись быстро. Я был для него не более чем ценным источником наслаждений, чьё здоровье напрямую влияло на качество «продукта». Его беспокойство было сугубо прагматичным. Он оберегал вкус и свежесть своего изысканного лакомства, а вся его показная нежность была лишь холодным расчётом, чтобы я не испортился раньше времени.

Но даже несмотря на всю беспомощность своего положения, я порой думал о сопротивлении. Надеялся найти брешь в этой идеальной тюрьме.

Но что может хрупкий смертный противопоставить древнему злу, существующему вопреки всему рациональному? Этот замок был местом, куда не проникал солнечный свет, словно сам Господь отвёл свой лик от этой каменной гробницы, лишённой его милости и тепла.

Вампиры были бессмертны, а днём, пока они спали, замок стерегли легионы их слуг, словно безмолвная, неумолимая стража.

Мысль о самоубийстве, некогда чуждая и пугающая, теперь всё чаще становилась моим навязчивым спутником...

Она шептала о простом выходе. О том, чтобы одним решительным движением оборвать эту бесконечную пытку. Но даже на это у меня не хватало духа. Цеплялся ли я за жизнь? Или же мною двигал лишь животный, слепой страх перед погружением в окончательный мрак? Но неужели эта агония была лучше, чем вечный покой? Я раз за разом не мог найти ответы на эти вопросы.

И всё же где-то в самых потаённых глубинах моей искалеченной души, под грузом отчаяния и боли теплился крошечный, упрямый огонёк надежды. Он был слаб, почти неосязаем, но он был. Слепая, безрассудная вера в то, что даже в этом царстве тьмы должен существовать проблеск спасения. Что когда-нибудь, как бы невероятно это ни было, луч света пронзит вечную ночь, и я снова смогу вдохнуть воздух свободы. Пока эта искра жила, я был обречён цепляться за существование, даже в столь извращённом его понимании.

И потому мне пришлось подчиниться законам этого проклятого места.

Перво-наперво, я научился жить в ритме вампиров: бодрствовать во время тёмных, беззвёздных ночей и пытаться спать, когда за досками окон бушевал ныне недостижимый солнечный день. Но столь внезапная перестройка режима давалась довольно мучительно. Организм восставал, отказываясь находить покой в то время, когда привык жить, и я изнывал от бессонницы, клюя носом во время наших с Вильгельмом ночных бдений в библиотеке или во время его бесконечных монологов. Должно быть, я был похож на выброшенную на берег рыбу, беспомощно дёргающуюся в несвойственной ей среде.

Остальные же обитатели замка поначалу смотрели на меня как на диковинную, но скоротечную забаву. Я читал в их алых глазах ожидание: вот-вот Вильгельму надоест эта блажь, и он разом положит конец моему существованию. Но недели шли, и я, к своему собственному ужасу, становился привычной деталью их разношёрстного интерьера. А холодное любопытство Лазарусов постепенно оттаяло, и Вильгельм, как всегда, оказался прав.

Они стали сами искать моего общества. Ведь их общение веками ограничивалось узким семейным кругом, безнадёжно отставшим от времени, а контакты со смертными были лишь краткой прелюдией к убийству. Я же стал для них уникальным экземпляром — живой, говорящей газетой. Диковинкой из внешнего мира. Временами они «одалживали» меня у Вильгельма, как книгу из библиотеки. Марианна заставляла меня пересказывать театральные сплетни и обсуждать новых звёзд сцены. Её взгляд жадно ловил каждое слово о мире, который она могла наблюдать лишь из своей одинокой ложи. Грета болтала о городских нравах и модах, с детским любопытством расспрашивая о балах и светских раутах. Юлиан, этот двухсотлетний старик в теле мальчишки, допытывался до мелочей о паровых машинах и новых открытиях промышленной революции. А Авраам не устал выведывать секреты современных финансовых афер, потирая руки в предвкушении новых возможностей для своей прибыли.

Но за этим интеллектуальным голодом скрывалось нечто более тёмное — чувство абсолютной власти. Они знали, что я принадлежу им. И я буду покорно отвечать на любые вопросы, как дрессированный попугай. И хоть моя кровь была для них табу, я чувствовал на себе их взгляды. Тяжёлые и оценивающие, полные каких-то тайных и невысказанных планов.

Лишь Иаков оставался непреклонен. Из обрывков разговоров я понял, что древний вампирский патриарх видел во мне лишь пищу и даже слегка презирал Вильгельма за его сентиментальность.

Но хуже всего были совместные ужины. Первое время Вильгельм настаивал на моём присутствии при их кошмарных пиршествах. Я сидел, сжимая под столом дрожащие колени, в то время как они всей семьёй накидывались на живых, трепещущих людей. Иногда жертвы были

даже не одурманены, а просто связаны. И тогда вампиры смаковали не только кровь, но и отчаянные, предсмертные мольбы, вырывающиеся из дрожащих уст пленников. Слова о пощаде звучали на самых разных языках: румынском, английском, итальянском, немецком. Всё это становилось для Лазарусов своеобразным аперитивом, прежде чем они приступали к основной трапезе. И с каждым новым языком, услышанным в том жутком зале, во мне рос леденящий ужас от осознания истинного размаха их охотничьих угодий.

Мои мучения прервались неожиданно, когда в одну из ночей Иаков, не в силах сдержатъ голод, набросился на жертву с животной яростью, разрывая её плоть когтями и забрызгивая всё вокруг алыми ошмётками. И тогда я не выдержал. Рвотный спазм вырвался из меня прежде, чем я успел что-либо осознать. Я вскочил и, не видя ничего перед собой, опустошил желудок в ближайшую высокую вазу.

Воздух взорвался. Вильгельм вскипел от ярости, а остальные вампиры резко зашипели. Их трапеза была осквернена этим непристойным зрелищем. Но сквозь этот гневный ропот прозвучал звонкий, насмешливый голосок Греты.

— Вилли, дорогой, ну разве так можно?! — сказала она, и в её тоне была фальшивая укоризна.

К всеобщему удивлению, она подошла ко мне и протянула шёлковую салфетку, помогая вытереть лицо и унять судорожные вздохи. Её прикосновение было холодным, но в нём была странная, почти человеческая жалость. И её слова возымели действие. С той ночи мне было даровано освобождение от этих кровавых пиршеств, а еду стали приносить прямо в мою комнату.

Облегчение было безмерным. Но, как и всё в этом замке, оно имело свою цену...

Однажды ночью, едва я разомкнул глаза от тяжёлой дневной дремоты, как дверь покоев бесшумно отворилась. На пороге стоял Вильгельм, и его силуэт вырисовывался в сумраке, словно воплощённая тень.

— Я наконец нашёл для тебя кое-что особенное, *mon cher!* — объявил он с той же сладостью в голосе, что предшествовала прочим, особенно изощрённым, пыткам. — Персонального слугу! Впредь именно он будет приносить тебе еду. А ещё стирать одежду, брить, стричь и отводить тебя в ванную. Ведь визуальная эстетика и подача «блюда», знаешь ли, не менее важна для полноценного наслаждения кровью. Даже для нас. И впредь мне не придётся утруждать себя этими делами.

Сердце моё упало. Новый уровень контроля. Новая цепь. И когда дверь отворилась вновь, а в комнату вошёл обещанный слуга, во мне всё оборвалось...

Это был мальчик. Тот самый, что выкрикивал заголовки газет, зазывая покупателей в Констанце. Его живые, некогда бойкие глаза теперь были пусты и неподвижны, словно у стеклянной куклы. А в его маленьких, не по годам исхудавших руках был поднос с моим ужином.

— Нет... — вырвалось у меня хриплым шёпотом. Я рухнул на колени перед юнцом, схватив его за худые плечи. — Эй! Ты слышишь меня? Очнись!

Поднос с грохотом полетел на пол, тарелки разбились, еда размазалась по ковру. Но мальчик даже не вздрогнул. Он был твёрд и холоден, словно мертвец. А позади меня вдруг раздался довольный смешок Вильгельма.

— Раз уж у нас такой ценный гость, — его голос прозвучал прямо у моего уха, — то и штат прислуги пришлось увеличить. Как видишь, для этой роли сгодится любая смертная душа.

По моей щеке покати́лась слеза. Горячая и предательская. От осознания полной, абсолютной бесчеловечности. Даже капля жалости была чужда этому ужасному существу.

— Он же совсем ребёнок... — прошептал я, глядя в ничего не выражающее лицо мальчика.

— Именно! — парировал Вильгельм с ледяным прагматизмом. — Шустрый. Ловкий. Живучий. Не то что остальные неуклюжие болваны. И отныне он твой. Можешь приказывать ему всё, что пожелаешь. Разумеется, в рамках доступных тебе требований, не угрожающих его истинным хозяевам. Благодаря связи с нашим коллективным разумом он теперь понимает английский и легко исполнит всё, что ты пожелаешь. Но только он один. — Вильгельм сделал паузу, наслаждаясь моим отчаянием. — Как там говорят у вас, смертных? «Раб не мечтает о свободе. Он мечтает о своих собственных рабах». Что ж, наслаждайся!

Он развернулся и вышел, оставив меня на коленях среди битой посуды и разбросанной еды, лицом к лицу с живым, дышащим напоминанием о его дьявольской сути. Вся напускная учтивость, все сладкие речи были для вампиров лишь бесконечной чередой лжи. И Вильгельм был самой сущностью этого зла, облачённого в прекрасную плоть.

А этот мальчик... он был не просто слугой. Он был очередной жертвой в бесконечной череде страданий. Как та рыжая девушка из портового кабака. Как я сам. И глядя в эти остекленевшие глаза, я понимал: жестокости Вильгельма и его рода нет и не будет никаких пределов.

И вот в одну из ночей я столкнулся с самым ужасным и самым первобытным проявлением его сущности.

* * *

Как и всегда, Вильгельм пришёл поздним вечером пятницы. Я лежал на кровати, подмывая подушку под голову, готовясь к привычной церемонии двухдневного страдания.

Но на сей раз всё было иначе...

Дверь не открылась с его обычной, змеиной плавностью. Её едва не снесло с петель одним мощным ударом, после чего в проёме возникла тёмная фигура, чуть не сбив с ног замершего в коридоре мальчишку-слугу. Вильгельм явно был не в себе. Одетый лишь в чёрные, испачканные тёмными пятнами брюки, он ворвался внутрь комнаты, беззвучно ступая босыми ногами по пыльным половицам. Кожа его бледного торса от губ до низа живота была залита засохшей, липкой кровью.

Я не успел издать и звука, когда он всей своей тяжестью навалился на меня, пригвоздив к матрасу. От него несло кислым вином и медной вонью запёкшейся крови. В тот миг, привыкший к его пятничным визитам, я почувствовал нечто новое. Дикое и неконтролируемое. Передо мной было не существо, носящее маску аристократа, а сама сущность вечного голода, внезапно затмившая остатки разума.

Губы Вильгельма оттянулись, обнажая длинные клыки. Он молчал. И это молчание было страшнее любых слов. Обычно он отпускал колкости, играл со мной, как кошка с мышью. Затем следовал ритуал: лёгкие закуски и глоток сухого вина, чтобы «подготовить вкусовую палитру». Но сегодня не было ничего. Лишь тихий, утробный стон и дикий взгляд алых глаз, в котором не осталось ничего человеческого.

Внезапно его когтистая рука впились в воротник моей сорочки и с силой рванула. Ткань с треском разошлась, обнажив шею, ключицу и тонкое плечо. А вместе с ними — всю карту старых, затянувшихся рубцов минувших трапез. Вильгельм склонился ниже, вдыхая аромат моей кожи, словно мог учуять пульсацию крови сквозь неё.

— Вот оно... — его шёпот был похож на каменный скрежет. — Настоящее искусство!

И затем его клыки впились в мою шею.

Но это не было привычным, отточенным движением. Боль от его укуса, обычно длящаяся несколько секунд и сменяющаяся ядовитой эйфорией, сейчас не утихала, а лишь нарастала, превращаясь в огненную волну, захлёстывающую сознание. Его челюсти сжимались всё сильнее, вытягивая из меня жизнь с ненасытной жадностью.

На сей раз не было ни слабости, ни забвения. Была только боль. Бесконечная, всепоглощающая, выжигающая всё внутри. Она длилась минуты, но ощущалась как вечность. Во мне застыл крик, а тело судорожно пыталось вырваться, оказать хоть тень сопротивления. Но я был

беспомощно придавлен к ложу аномальной тяжестью его тела. Вскоре волна паралича накрыла меня с головой, и я почувствовал, как с каждым ударом сердца из меня постепенно уходит жизнь.

И лишь тогда, когда мир начал затягиваться чёрной пеленой, а в ушах зазвенела абсолютная тишина небытия, Вильгельм остановился. Почти с испугом он отпрянул от моей шеи, дрожащей рукой вытирая окровавленный рот.

— Чёрт! — его голос прозвучал чуждо и как никогда тревожно. — Что я наделал...

Мне едва удалось расслышать эти слова. Шум в ушах быстро нарастал, превращаясь в оглушительный рёв. Тьма затягивала меня, мягкая и безразличная. Сознание гасло, уступая место холодному, бездонному вакууму. И последней мыслью, проносящейся в моём угасающем разуме, было смутное ощущение, что на этот раз я могу уже никогда не проснуться.

Глава 8

Пробуждение было похоже на медленное, мучительное всплытие со дна ледяного омут. Сознание возвращалось ко мне обрывками, каждый из которых приносил с собой новую волну страданий.

Но в этот раз боль была иной. Глубокой, разлитой по телу, будто всё моё существо кто-то беспощадно перемолол в жерновах. Обычная ломота после вампирских укусов казалась лёгким недомоганием по сравнению с тем, что я чувствовал сейчас. Каждая кость, каждый мускул пронзительно выли в унисон, голова раскалывалась на части, а в ушах стоял такой гул, что я едва слышал собственное хриплое дыхание. Меня бросало то в леденящий озноб, то в лихорадочный жар, и я чувствовал себя разбитым сосудом, из которого выплеснули всё содержимое.

Сквозь мутную пелену перед глазами я различил смутные фигуры. Прислуги, безмолвные и эффективные, хлопотали вокруг, подбрасывая поленья в камин и расставляя на комнатных столиках подносы с едой и питьём. Восстановление обещало быть долгим...

И тогда я увидел его. Вильгельм стоял в ногах кровати, привычно неподвижный, а его взгляд был прикован ко мне. Уловив, что я пришёл в себя, он резким, почти небрежным взмахом руки отослал слуг прочь. Комната опустела в мгновение ока, и мы вновь остались одни. От того обезумевшего зверя, что набросился на меня, не осталось и следа. Он вновь был безупречен — чист, ухожен, облачён в бархатный домашний костюм. Лишь тень усталости в его глазах выдавала пережитое наваждение.

— Я уж думал, не очнёшься, — его голос был тихим, и в нём, к моему удивлению, прозвучали нотки чего-то, отдалённо напоминающего сожаление. — Хотя ты и представляешь для меня сугубо прагматичный интерес, я вынужден просить прощения. Той ночью я был слегка... одурманен. И заметно увлёкся. Подумать только, ещё капля крови, и я убил бы тебя. Или того хуже. Ну, как ты себя чувствуешь?

Он что, сам не видел, в каком я состоянии?

— Плохо, — просипел я, с трудом узнавая свой собственный пересохший и разбитый голос. Каждое слово отдавалось болью в горле. — Но, думаю, жить буду. Сколько я проспал?

— Четыре ночи. И твой организм всё ещё на грани. Так что придётся провести в постели ещё денёк-другой. Только... — он сделал паузу, и в его взгляде появилась тревожная серьёзность. — сперва я должен кое-что проверить.

Он бесшумно подошёл и сел на край кровати. Я невольно отодвинулся, холодок страха пробежал по спине. Но прежде чем я успел что-либо спросить, его рука плавным движением извлекла из складок сюртука небольшой отточенный нож, из тех, что прислуга использует на кухне.

— Убей себя, — тихо, но чётко приказал он.

Я замер, ледяное недоумение смешалось с нахлынувшим ужасом.

— Ч-чего? Зачем?

— Потому что я приказал! — его голос приобрёл стальную твёрдость. — Сейчас же возьми нож и вгони его себе в глотку!

Я переводил взгляд с холодного лезвия на его алые глаза. В них не было и тени насмешки или игры. Только полная, пугающая серьёзность.

— Ну уж нет! — мой крик вышел слабым, но отчаянным. Я отполз к изголовью, спина упёрлась в холодную стену. — Я не стану! Хочешь убить меня — сделай это сам!

И тогда его лицо озарила знакомая ухмылка. Вильгельм отложил нож на прикроватную тумбу с лёгким, почти небрежным щелчком.

— Фух... похоже, пронесло, — произнёс он с явным облегчением.

— Да о чём ты вообще?! — вырвалось у меня, пока сердце всё ещё бешено колотилось.

— Когда вампир поглощает людскую кровь, есть три исхода этого действия, — начал объяснять Вильгельм, словно читал рутинную лекцию. — Кровавое пиршество с неминуемой смертью жертвы в конце, лёгкая трапеза с сохранением жизни, как в твоём случае, и... третий, самый редкий вариант. Если выпить достаточно крови, чтобы отбросить жертву на самую грань между жизнью и смертью, то через несколько дней тяжёлых метаморфоз её сердце умирает. Однако... тело продолжает жить. И тогда человек становится «отродьем».

Я смотрел на него, не понимая.

— И чем же это грозит? Я стал бы... как они? — я кивнул в сторону двери, за которой, как я знал, стоял мой личный юный слуга.

— Нет, что ты! — Вильгельм засмеялся. — Прислужники — это совсем другое. Для их создания достаточно заставить любого смертного выпить достаточно нашей вампирской крови. После этого они остаются полностью лишены собственной воли и сознания, беспрекословно подчиняясь каждому представителю нашей... стаи, если угодно. Ведь помимо коллективного интеллекта, узы вампиров скрепляются и общей родовой кровью. А вот отродье — это первая ступень к тому, чтобы стать одним из нас. Оно получает как часть нашей силы, так и все наши слабости. В том числе жажду. Но самое главное: отродье всецело подчиняется тому вампиру, кто его обратил, при этом сохранив сознание, в отличие от слуг. И я по собственной глупости едва не сделал тебя своим вечно голодным рабом. Ты сохранил бы личность, но следовал любому моему приказу. Даже убил себя, если бы я приказал. Но, как ты понимаешь, подчинять тебя таким образом пока что не входит в мои планы. Ведь тогда тобой уже нельзя будет лакомиться! Ибо кровь отродья, как и кровь прочих себе подобных, для вампира является настоящей отравой.

Я машинально дотронулся до шеи, сквозь воротник рубашки нащупав россыпь свежих, ещё пылающих рубцов.

— Надеюсь, впредь ты будешь осторожнее. Мне и самому не хотелось бы становиться хоть сколь-нибудь похожим на вас...

— А вот сейчас обидно, вообще-то! — он фальшиво надулся, и я с облегчением увидел в нём того самого знакомого Вильгельма. Он был всё столь же чудовищным, но вновь предсказуемым. И от этого мне стало заметно легче. А потому я набрался смелости для ещё пары вопросов.

— И чем же ты был так «одурманен»? Обычно твоё поведение куда... сдержаннее.

— Голод, дорогой мой. Ты не представляешь, насколько сильна бывает неутоляемая жажда крови. Порой она и вовсе превращается в настоящий огненный шар в груди, способный превратить в ад даже наше бессмертное существование. В порыве разыгравшегося аппетита я заглянул в закрома, с несчастьем обнаружив, — он поморщился, — что часть провизии начала «портиться». Двое мужчин и одна женщина. Слишком долго они жили в тёмном подвале замка. Стали чересчур старыми и измученными, как забытые в недрах кладовой фрукты. И само собой, никто из семейства уже не хотел их есть! По одному только запаху было ясно, что кровь будет горькой, с тяжёлым душком. Но я принял эту ношу и избавился от них, пока продукт совсем не пропал. Только вот... голод лишь усилился. Причём до небывалых масштабов. Порой я и сам не понимаю все эти мистические аспекты нашей физиологии. Мне ведь всего сто лет. Ну, плюс-минус. И я ещё не научился так же виртуозно контролировать позывы голода, как, скажем, Марианна. Вот уж кто умеет всегда оставаться воздержанной и аскетичной. Я же попросту не смог сдержать инстинкты.

Ответ был логичным, но оставался ещё один, немного щекотливый вопрос.

— А полуголый ты зачем был? — спросил я и тут же пожалел, ощутив, как горит лицо. — Так кровь вкуснее что ли?

Вильгельм рассмеялся, и в его смехе снова зазвенел знакомый, почти человеческий задор.

— Ах, это! Я просто слегка испачкался, пока потрошил несчастных стариков. А ещё... ну, скажем так, страсть нахлынула. Со мной такое иногда случается. Молодой ещё.

Мысль о том, что к его неконтролируемой жажде может добавиться ещё и неконтролируемая «страсть» заставила меня поёжиться.

— А мне об этом... тоже стоит беспокоиться?

Он посмотрел на меня с преувеличенным недоумением, а затем разразился новым смехом.

— Об этом — точно нет! Ты, мой дорогой Эдгар, при всём твоём утончённом очаровании, совершенно не в моём вкусе. Я предпочитаю рыжеволосых девиц, как ты уже мог догадаться. Вернее, предпочитал при жизни. И, если уж на то пошло, — он понизил голос до конфиденциального шёпота, — после превращения тела вампиров остаются, по большому счёту, мертвы и совершенно бесплодны. Так что никаких непотребных мыслей и возникнуть-то не могло. Ведь любые физические близости нам попросту недоступны.

— Значит, в том борделе ты не...?

— Боже, Эдгар, конечно, нет! — отмахнулся он. — Та рыжуля была, конечно, очень симпатична, но единственное, что я мог от неё взять — это её восхитительную кровь. И поверь, это удовольствие для нас куда выше любых человеческих утех.

Он поднялся, отряхнул несуществующую пыль с бархата и поправил манжеты.

— Думаю, на сегодня вопросов достаточно. Отдыхай. Грядущую пятницу мы пропустим, чтобы твоему телу хватило времени на восстановление. Я ведь не изверг.

Затем повернулся к выходу, и я снова увидел в его улыбке не заботу, а холодный расчёт. Он всего лишь давал своему деликатесу dozреть. Отдохнувшее, здоровое тело даст более насыщенную, чистую кровь. Всё в этом проклятом месте, даже приятная милость, имело свою цену. И пока я лежал, разбитый и опустошённый, я понимал, что эта пауза — не передышка, а лишь затишье перед следующим витком моих вечных мучений.

Дверь закрылась за Вильгельмом, и комната погрузилась в гробовую тишину, нарушаемую лишь потрескиванием поленьев в камине и тяжёлым, прерывистым дыханием, вырывавшимся из моей груди. Но сквозь туман боли и истощения мой разум, словно тонущий в полумраке, ухватился за обломки новых знаний. Они всплывали в сознании обрывками, яркими и обжигающими.

Вампирские силы? Слабости? Вампиром можно... стать?

До этого мгновения я видел в них незыблемых демонов, порождений самой вечностью ночи, чьё могущество ограничивал лишь солнечный свет. Как высших существ, чья воля — нерушимый закон для нас, смертных плебеев. Но теперь я знал, что они когда-то ходили по земле, как и я. Они дышали, любили, смеялись, даже боялись. Они были... людьми. Совершенно обычными, живыми людьми. Эта мысль стала подобна трещине в гранитной стене, за которой скрывалась непостижимая бездна истины.

Но как же это происходит? И кто из них был первым? Ведь должен же быть своего рода «нулевой вампир». Был ли это Иаков? Его древний, иссохший облик, столь отличный от сохранившейся юности остальных, слишком явно кричал об этом. Но это всего лишь теория, не имеющая явных доказательств. Да и он сам ведь должен был как-то обрести эти силы, если они передаются от носителя к носителю. Не знаю. Но мне нужно это узнать! И самое главное, что засело в моём измождённом сознании, пустив извилистые корни, было жгучим и как никогда ясным.

Если у них есть слабости... значит, их можно убить.

Эта мысль не была панической или отчаянной. Она была холодной и твёрдой, как сталь. И вся моя прежняя безнадёжность, все мысли о том, чтобы самому оборвать эту агонию, тотчас развеялись как дым. Нет. Я не уйду так легко. Я не стану тихой жертвой. Молчаливым сосудом, чью кровь будут смаковать каждую чёртову пятницу. Несмотря на всё бедство своего

положения, я стану самым неуступчивым узником этой ужасной клетки. Я буду наблюдать за вампирами, искать каждую скрытую брешь в их броне, каждый намёк на уязвимость. И если им всё же суждено будет меня сломить, то, вопреки ожиданиям, я окажусь тем непроходимым комом, что застрянет в горле у каждого представителя их проклятого рода, даже если за это придётся отдать собственную жизнь.

Я заставлю их почувствовать, что даже слабейшее из существ способно поднять голову.

Так в горниле боли и унижения родилась новая цель. Моя месть. Раз уж мне было суждено застрять здесь, я превращу своё заточение в настоящее поле битвы. Я буду изучать их, этих «высших существ», как учёный изучает насекомых под стеклом. Их привычки, их иерархию, их прошлое. Какие осколки человечности, если таковые вообще остались, ещё теплятся в их бессмертных, бесчувственных сердцах? Как им удаётся веками скрываться среди людей? Есть ли другие, подобные им? Каков полный спектр их сил, помимо вечной жизни и гипноза? И самое главное... каковы их истинные слабости? Я уже видел одну: непереносимость солнечного света. Это была трещина. А значит, где-то должны быть и другие.

И пока я строил эти планы в своём воспалённом мозгу, ещё одно ощущение, неуловимое и тревожное, прорвалось сквозь боль.

Запах. В комнате витал странный аромат, чуждый привычной ауре Вильгельма с его цитрусовой свежестью и томным мускусом. Этот запах был иным. Едким, кисловатым, грубо перебитым тяжёлым, почти лекарственным духом гвоздики. Но что самое странное, он был знакомым. Призрачный шлейф, витающий на самой грани памяти. Я точно знал этот запах и мог бы поклясться в этом! Но измождённое сознание отказывалось выдать его источник. И всё же ясно было одно.

Здесь был кто-то ещё...

Пока я лежал в беспамятстве, кто-то, кроме Вильгельма, стоял у моей постели. Кто-то, кому слуга не посмел бы преградить путь. Эта мысль была ледяной иглой, вонзившейся в самое сердце моей новой, хрупкой надежды. В этом замке тайн и ужасов оказалось куда больше, чем можно представить. И я был полон решимости раскрыть их все.

С того злополучного вечера в наших с Вильгельмом отношениях наступила странная перемена. Вампир, прежде державший меня на невидимом, но осязаемом поводке, внезапно ослабил хватку. Непонятно было, двигало ли им некое подобие раскаяния за слишком сильный укус или же это был холодный расчёт. Но едва я встал на ноги, мне была дарована неслыханная доселе свобода. Теперь я мог бродить по замку один, даже глубокой ночью, без его тени за спиной или безмолвного слуги в качестве провожатого. Более того, мне позволялось пересекать пороги покоев и других обитателей этого чудного места.

Я ясно понял: коллективный разум, что связывает вампиров единой телепатической сетью, уже оповестил семью о случившемся инциденте. И если Вильгельм испытывал нечто, отдалённо напоминающее вину, то, возможно, и другие Лазарусы разделяли это чувство.

Какой бы ни была причина, я решил воспользоваться ею сполна. Чтобы зафиксировать свои находки, я выпросил у Вильгельма толстый кожаный дневник под предлогом зарисовок и творческих порывов. «Художнику необходимо воплощать свои грёзы в жизнь даже во время бессрочного заточения», — сказал я ему. В действительности же эти страницы должны были стать хроникой моего личного исследования. Я вознамерился потратить ближайшие месяцы на изучение этих сверхъестественных существ. И кто знает, быть может, в лабиринте тайн и кошмаров я всё же сумею найти нить, что выведет меня к свободе.

Так я и начал свою работу.

День за днём, ночь за ночью, в любое доступное мне время я собирал крупицы информации. Обронённую в споре фразу, случайный намёк, обрывок подслушанного разговора. И постепенно мозаика начала складываться на страницах моего дневника, открывая поразительную истину: семья Лазарусов вовсе не была настоящей семьёй.

Никто из них не был связан между собой привычными кровными узами. И это сполна объясняло все их разительные отличия. Иаков с его древней, истинно румынской сущностью, как оказалось, был хозяином этих скал ещё в тёмные века. Авраам, что был младше его на несколько столетий, дышал жарким солнцем и страстью Испании эпохи ярких морских сражений и походов бравых конкистадоров. В Вильгельме же угадывалась утончённая, язвительная меланхолия Франции. Марианна и Грета с их чёткими, почти педантичными манерами и акцентами, были явным порождением немецких земель. Только «мать» отбросила оковы смертной жизни в начале семнадцатого века, тогда как её названная дочь — аж в конце восемнадцатого. Лишь происхождение Юлиана долгое время оставалось для меня загадкой. Но его речь, лишённая явного акцента, и цинизм, отточенный в туманных спорах, наводили на мысль о столь знакомой мне Англии.

Ожидаемо, их быт слабо походил на семейную идиллию. Они постоянно пререкались, а их диалоги были полны колкостей и скрытых угроз. Порой даже их собственные имена здесь были не в ходу. Вместо них использовались прозвища и клички, отражавшие сущность каждого члена стаи. Иакова иногда величали «Патриархом» или попросту «стариком». Авраам и Марианна навсегда застряли в ролях «отца» и «матери», несмотря на то, что никогда не имели настоящих детей и вообще как будто одновременно любили и ненавидели друг друга. Юлиана же за его едкий, подрывающий привычные устои нрав звали «Анархом».

А Вильгельм... его звали «Младшим».

И лишь со временем я узнал истинную причину. Он был самым молодым в этой стае. Ему было чуть меньше ста лет, что для вампира считалось крайне малым сроком «жизни». Ирония судьбы заключалась в том, что Юлиан, чьё тело навсегда застыло в облике худощавого отрока, был старше его почти на два столетия и даже на век опережал Грету. Трудно представить, каково это — быть двухсотлетним существом, несущим в себе мудрость и усталость эпох, но обречённым навсегда застрять в теле мальчишки, к которому все относятся как к неразумному и вечно бунтующему ребёнку. Этим и объяснялась вся его язвительность и горечь унизительной участи. Даже Вильгельм, казалось, пользовался в их иерархии большим весом, чем вечный подросток Юлиан.

Всё это было бесконечно любопытно.

Каждый новый факт, каждая деталь были очередным кирпичиком в стене моего понимания. За которым, я надеялся, последует и сила. Сила, которая однажды поможет разрушить оковы этой чудовищной клетки. Мои наблюдения за их языковыми привычками и образом жизни постепенно сложились в чёткую, пугающую картину. Их полиглотство — это не прихоть и уж точно не дань культуре. Это всего лишь очередной инструмент охоты.

Румыния, при всей её гостеприимной мрачности, была слишком тесным местом для вампирских угодий. Слишком много пропаж на столь ограниченной территории неминуемо привлекло бы внимание. Поэтому их сети оказались раскинуты по всей Европе. Франция, Германия, Италия, Дания, Англия, Испания. А туристы, чьи исчезновения в чужой стране стали бы не более чем головной болью властей и статистикой для страховых компаний, были самой идеальной добычей. И знание языков становилось ключом к тому, чтобы незаметно подобраться, заманить и усыпить бдительность глупых смертных.

Их акценты, эти лингвистические шрамы, стали для меня своеобразным детектором лжи их возраста. Чем древнее вампир, тем архаичнее и неуклюжее звучала его речь. Самым примечательным, конечно же, был Иаков. Его голос исходил из совершенно другого времени, грубый и неотёсанный, полный оборотов, давно канувших в лету. Слушать его — всё равно что слышать эхо склепа, жуткое и неуместное в современном мире. Именно поэтому «дети» — Вильгельм, Грета и Юлиан — оказались куда более приспособлены, чем их «родители». Авраам и Марианна предпочитают оставаться в тени, их вековые привычки и акценты сложнее скрыть.

А Иаков и вовсе стал вечным затворником острова. Он никогда не покидал замок, его мир сузился до каменных стен и древнего наречия, на котором уже никто не говорит.

Экспедиции вампиров на Большую землю — это тщательно спланированные рейды по пополнению пищевых запасов. Каждый раз они возвращаются в замок с трюмами, забитыми «провизией». Живыми, одурманенными людьми, которые месяцами будут томиться в подвалах и катакомбах, а также обычной человеческой едой. Последняя, впрочем, необходима лишь для пропитания слуг и жертв, которых необходимо было поддерживать в относительно живом состоянии. Хлеб изготавливают прямо в замковых пекарнях, здесь же жарят мясо, тушат овощи и подают спелые фрукты. Призрачная пародия на организованную, нормальную жизнь, разыгрываемая в этом царстве смерти.

Я наблюдал, как вампиры после своих кровавых пиршеств устраивают странные, почти что светские рауты с вином и изысканными блюдами. Вильгельм как-то признался, что их мёртвый, извратившийся метаболизм почти не воспринимает питательные вещества из человеческой пищи, полностью усваивая её без нужды в переработке. А чтобы почувствовать хотя бы намёк на опьянение, им требуется выпить настолько огромное количество алкоголя, что могло бы свалить с ног целый полк солдат. «Это просто... воспоминание на языке, — сказал он тогда, с наслаждением потягивая бургундское. — Тень былого, человеческого удовольствия. Но ничто из этого не сравнится со сладостью крови.»

Что касается Румынии, то здесь у семьи Лазарус действовал настоящий отлаженный механизм конспирации. И Вильгельм был их единственным публичным лицом. По хлипкой легенде, он — молодой, эксцентричный аристократ, унаследовавший родовой замок, чьи прошлые владельцы трагически погибли при загадочных обстоятельствах. Его облик и обаяние были идеальны для этой роли. Достаточно молод, чтобы не вызывать вопросов об отсутствии старения в ближайшие десятилетия. И достаточно зрел, чтобы к нему относились серьёзно, в отличие от вечного подростка Юлиана. Остальные же вампиры оставались для местного люда не более чем призраками. Тенями за его плечом. Никто в прочих странах Европы даже не подозревает, что древнее зло, обитающее в замке на утёсе посреди Чёрного моря, отнюдь не единолично. Оно коллективно. И оно наблюдает за ними через обманчиво-человечные глаза.

Но один вопрос всё время не давал мне покоя...

Зачем вампирам весь этот сложный и рискованный логистический кошмар? Тайком перевозить людей через пол-Европы, когда можно было просто переселиться в густонаселённый город, где свежая кровь буквально текла бы рекой? И однажды, когда мы с Вильгельмом разбирали очередную партию книг, прибывших в общую библиотеку с Большой земли стараниями Юлиана, я набрался смелости и задал его вслух.

— Слушай, а не проще было бы охотиться там, где изначально добыча в избытке? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как простое любопытство, а не вызов или непокорная дерзость.

Вильгельм отложил фолиант и посмотрел на меня с лёгкой усмешкой, будто я спросил, почему рыба не живёт на суше.

— Здесь наш дом, Эдгар, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучала нота чего-то, отдалённо напоминающего почтение. — Родная почва. Камни этого острова, земля, да даже сам воздух... они питают нас. И это не просто метафора. Это наша суть. Чем дальше мы уходим от родной обители, тем больше угасаем и не можем до конца восстановиться. Связь вампира с землёй, на которой он обратился, прочнее даже самых крепких цепей.

Его слова заставили меня вспомнить ту ночь на «*Артемиде*». Я видел, как он спит, сжимая в пальцах маленький, потрёпанный мешочек из грубой ткани.

— Значит, это была земля с острова? — вырвалось у меня. — Ты спал, держа её в руке.

Он кивнул, и его взгляд на мгновение стал отстранённым, словно он сам с трудом вспоминал те дни, когда я ещё не был его собственностью.

— Именно. Даже горсть родной почвы где-то поблизости даёт нам силу и делает сон спокойным. Мы всегда берём её с собой в долгую дорогу. Без этого наши путешествия стали бы настоящей пыткой.

И тогда всё встало на свои места. Их кочевой образ жизни, их охота вдали от дома — это не свободный выбор, а вынужденная необходимость, диктуемая самой их природой. Они были привязаны к этому проклятому острову невидимой связью, и любое удаление от него требовало усилий и своеобразного «якоря» в виде хотя бы малой горсти местной земли. Этот остров был их источником силы и их же вечной тюрьмой. Они могли сколь угодно далеко забраться в мир людей, но, в конечном счёте, их неминуемо потянуло бы обратно, к этим мрачным скалам, в лоно древних, извилистых стен, бывших для них и крепостью, и склепом.

Помимо моих тайных изысканий о природе вампиров, я нашёл и другое, менее мрачное прибежище — большую библиотеку замка. Она поражала своими размерами, легко соперничая с той, что я посещал в лондонском университете. Но если та была храмом точных наук и современной мысли, то здешние собрания были тихим мавзолеем ушедших эпох. Тысячи фолиантов, многие из которых видели рассветы и закаты целых столетий, были посвящены истории, искусству и культуре народов, чьи империи давно обратились в пыль. С какой же тщательностью вампиры пополняли эту коллекцию? Я не мог не восхищаться, несмотря на весь ужас моего положения. Они не желали оставаться просто чудовищами во тьме. Они учились, впитывали, стремились понять мир, который покинули. Даже если конечной целью была лишь безупречная мимикрия, сам подход вызывал уважение. Холодное, отстранённое, но полное искренности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.